

18+

ЛИНА

индукция
страсти

МУР

*Роман-наслаждение
от автора нашумевших бестселлеров Рунета!*

Лина Мур
Индукция страсти
Серия «Неправильная любовь»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33574144
Индукция страсти: АСТ; Москва;
ISBN 978-5-17-113370-2

Аннотация

Эйс Рассел, секретный агент правительства Великобритании, замкнут и нелюдим. Он не испытывает радости, не имеет возвышенных грез и не строит планов создания семьи. В этом мире его вообще мало что волнует, кроме заданий, которые ему поручают. Через два года Эйс возвращается в отчий дом и узнает о разводе родителей. Причина – новое увлечение отца.

Бланш Фокс, умная, властная красотка, завладела не только кошельком отца, но и его волей. Она становится для Эйса врагом номер один и новым заданием. С его опытом и навыками сделать так, чтобы эта женщина исчезла из жизни его семьи, казалось проще простого. Однако Эйс не учел такой мелочи, как страсть. Страсть, которую нельзя отследить или просчитать. Страсть, которая не поддается логике. Страсть, которая захватила власть над разумом и проникла, словно яд, под кожу.

Сможет ли Эйс Рассел противостоять обстоятельствам и побороться с самим собой или смиренно склонит голову перед обольстительной красавицей?

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	25
Глава 3	37
Глава 4	51
Глава 5	65
Глава 6	79
Глава 7	91
Глава 8	109
Глава 9	126
Глава 10	139
Глава 11	154
Глава 12	170
Глава 13	186
Глава 14	206
Глава 15	227
Конец ознакомительного фрагмента.	234

Лина Мур

Индукция страсти

© Л. Мур, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Глава 1

Лондон. Что может привлекать в этом дождливом мрачном городе, наполненном эмигрантами и беженцами? Скорее всего, возможность потеряться. Навсегда. Потерять все, что имел или мог бы иметь, превратиться в ничтожного раба государства и власти. Но все стремятся попытаться счастья. Смешно, не правда ли? Зависеть от удачи и везения, которых вообще не существует... Это вымысел, психологическое отклонение человеческого мозга, подталкивающее несостоявшуюся личность к неминуемому краху. Но люди предпочитают надеяться на удачу – иного не остается. Только фантазии. Бессмысленные. Губительные.

Серый город предстает перед глазами, вызывая такую скуку, что я решаю поиграть, разгадывая спутников, ведущих меня к выходу для вип-персон из аэропорта Хитроу. Картинка уже сложилась в голове. У одного расширенные поры на покрасневшем носу, потрескавшиеся губы, заметно дрожащие руки – мужчина прячет их под моим пристальным взглядом. Пристрастен к алкоголю. Скучно... Второй молод, идеально выбрит, парфюм несколько приторный, форма выглажена и не застирана – новичок. Маникюр, лукавая улыбочка... наверняка гей, чей-то любовник, и это тоже безумно скучно, как все в этом городе, как встречающий меня человек.

– С возвращением, сэр. Ваш рейс задержали...

– Оставь это для моего отца или брата. Просто делай свою скучную работу, – обрываю Декланда. Шофер, доверенное лицо семьи, служащий нам так долго, что, умею я думать нерационально, поверил бы в существование вампиров и прочей нечисти. Но инъекции ботокса, операции, вуалируемые болезнью жены и детей, сохраняют шестидесятилетнего мужчину в достаточно пригодном виде пятидесяти девяти лет.

– Ты только прилетел, а уже не в духе, Эйс. Что тебе не нравится? – Усмехаясь, Декланд поворачивается ко мне, пока машина везет нас в дождливый и унылый город.

– Что может понравиться в задержке рейса, ужасном питании и отсутствии удобств?

– Не тебе высказывать претензии – ты летел на частном самолете, для тебя приготовили специальный ужин, обед и завтрак на всякий случай. И все же недоволен?

– Недоволен, – сухо киваю и отворачиваюсь к окну, демонстрируя нежелание говорить.

– Господи, да улыбнись ты. Два года не был в Лондоне, родные скучали...

– С Молли я виделся в прошлом месяце на каком-то показе в Сиднее. Стэнли слышал чаще, чем хотелось бы. Мать звонила по нескольку раз на дню, а отец успокоился три месяца назад. Так что я не собираюсь улыбаться. Жду, когда смогу спокойно вернуться на работу и заняться делами, а не

бессмысленной болтовней. К слову, улыбка – это нервное поражение лицевых мышц. Я, слава богу, контролирую разум. Поэтому подари мне спасительные минуты тишины. Вскоре придется терпеть такой шум, от которого буду вынужден поддаться такой глупой людской особенности, как разговор.

– Мда... Думал, правительственное задание и долгое отсутствие хоть немного тебя изменят, а стало еще хуже. Ты хотя бы сексом занимался?

Закатываю глаза и даже отвечать не желаю, но ведь он не отстанет.

– Секс отвлекает от мыслительного процесса и не позволяет сконцентрироваться на деле. Это развлечение для тех, кто в жизни не имеет ничего более значимого, кроме как опуститься до животных инстинктов и сношаться, – все же произношу я. Не люблю, когда последнее слово не за мной.

– Но благодаря этим инстинктам ты появился на свет, – смеется Декланд, хотя сам уже не в восторге от темы, смущающей его больше, чем хотел бы показать. Скучно.

– К сожалению. И из-за этих инстинктов мне приходится терпеть еще несколько миллиардов людей, хотя я бы предпочел изолировать низший ум от высшего, еще четче разграничив слои общества. Но меня осудили бы и обвинили в предвзятом отношении к беднякам и рабочему классу, хотя именно сословия, стоящие ниже нашего, имеют потенциал. Как подающий надежды пэр Англии я не имею права считать их за людей, а лишь хотел донести то, что зло живет

не внизу, оно над нами. Если чего и бояться, то поднебесной, где совершаются самые жестокие вещи, уж я-то о них не понаслышке знаю, наслаждался последние два года. Вот это и есть мой секс, возбуждение и интерес. Теперь тебе стало понятнее, уподобился ли я считающим женщину единственным источником наслаждения?

Во взгляде собеседника сквозит абсолютное непонимание. Вот так всегда. Мой склад ума многим кажется странным, но без него я никогда бы не работал там, где решается судьба человечества, – благодаря мне и «братьям по разуму» сглаживаются международные конфликты. Нас называют по-разному: послы, секретная служба, мафия, наемники. Но все намного проще: мы – часть правительства, мы и есть поднебесная со всей ее грязью. Хотя меня это не волнует. Меня в этом мире вообще мало что волнует, кроме задач, которые ставят мне или я ставлю себе сам. Вот это не скучно.

– То есть женщины у тебя не было.

– Что? При чем здесь женщина? – недоуменно поворачиваюсь к Декланду.

– Мы разговаривали...

– Разговор закончился десять минут назад и уже неинтересен. Я не задерживаю бессмысленную информацию в голове и тебе советую делать то же самое.

– Надеюсь, ты не испортишь праздник...

Его тяжелый вздох раздражает. Так утомляет, когда люди, не получив желаемого, проявляют наигранное разочаро-

вание в своих мечтах. Меня это жутко выводит из себя.

– Праздник? – переспрашиваю, а в голове перебираю разговоры с родными за прошедшие два года. Ничего. О празднике никто не упоминал.

– Ты спекся, парень. А для чего, по-твоему, ты сейчас в Лондоне?

– Задание завершено, моя работа теперь здесь.

– И тебе никто не сказал, что Таддеус подал прошение о твоём возвращении? – искренне удивляется Декланд.

– Отец. Можно было догадаться. Ему не понравится, если я стану более значимым для страны, чем он когда-то. И все мною выпестованное он с удовольствием разрушил бы.

На секунду закрываю глаза, дабы побороть недовольство. В понимании отца это нормально: я старший, должен быть рядом с ним, сидеть у его ног комнатной собачкой, а лучше – чучелом, коих он коллекционирует. Да, особой любви я к нему не испытываю, любовь – тоже из разряда отклонений, а у меня их нет. Хотя нежные... Нет, не так: я отчасти уважаю маму и отца, однако вторжение в мою жизнь меня сильно нервирует.

– Парень...

– Мне тридцать четыре, прекрати обращаться ко мне словно к безграмотному малышу, который жизни не видел, – хмуро перебиваю его.

– Ладно, Эйс. Так лучше? – Ехидно улыбается, отчего я закатываю глаза и фыркаю. – Не злись, Таддеус всегда же-

лал тебе только хорошего. Он ни разу не обвинил тебя в том, чем ты занимаешься и как живешь, хотя причин было достаточно. Ты одинок и полностью сосредоточен на работе, это губительно. Прекращай наговаривать на отца, будь мягче – у него юбилей, пятьдесят лет, и он желает видеть любимого сына, свою гордость и надежду, рядом с собой в кругу семьи и друзей. К тому же он впервые за последние месяцы покажется на людях.

– С каких пор отец не демонстрирует свое богатство и власть на глупых приемах?

– С тех пор как ушел в отставку.

– Что? Он не мог! Для него работа – все, это я с детства выучил. Он даже мать так не любил, как работу. И я пошел по его стопам, потому что этого хотел он, лишь выбрал другой отдел, чтобы не сталкиваться каждый день.

– Он решил отдохнуть. Поэтому тебя и вернули. Когда пролетает полжизни, понимаешь, что потерял самое ценное. Семью. Думаю, и праздник он организовал, чтобы воссоединиться и уделить больше времени вам, своим детям.

Скептически смотрю на Декланда и не верю. Видимых признаков вранья нет, но я чувствую подвох. Возможно, отец что-то задумал. Обманул друга, коим считал сидящего рядом со мной мужчину, чтобы тот не выказал ложь, ведь я легко вычисляю, говорит человек правду или нет. И сейчас Декланд совершенно искренен.

– И это должно меня тронуть? – Недоуменно изгибаю

бровь, рассматривая попутчика.

– Если у тебя есть сердце, то да.

– Насколько знаю, обо мне говорят другое. Я жестокий, наглый и скучный зануда. Во мне нет ничего человеческого, как и души. Так что предпочту отправиться в свой дом, а не к отцу, который вдруг решил все бросить и уйти в отставку. Хотя это все игра на публику. Такой человек, как он, никогда не оставит пост просто так, особенно с его уровнем власти и многочисленными заслугами перед королевой.

– Откуда столько неприязни, Эйс? За что? – недоумевает Декланд.

– При чем здесь неприязнь? Отец показал мне, что одиночество – лучшее проявление сочувствия к окружающим, за это я испытываю к нему уважение. И скажи, чтобы развернули машину. Праздник завтра, насколько помню, день рождения отца третьего октября, а сегодня второе. – Я легко разгадал план Декланда, но следовать ему не желаю.

– Нет, мы едем на предпраздничный банкет в вашем загородном доме, где ты остановишься. Это приказ отца, Эйс. Прости, но тебе придется встретиться с семьей раньше. Это не обсуждается. – Декланд делает паузу, словно позволяя вставить слово, но вдруг поднимает руку и зажимает мне рот. – И даже не думай запутать меня заумными фразами. Ты едешь домой. – С силой отбрасываю его ладонь и кривлюсь, стирая чужое прикосновение. – Это была вынужденная мера. Я уже стар и не могу слушать тебя с тем же наигранным

восхищением, как раньше, — добавляет Декланд, наблюдая, как я вытираю губы рукавом пальто.

— С каких пор ты стал сторонником насилия?

— С тех пор как ты не оставил мне выбора. А сейчас при-
готовься, мы подъезжаем.

Нет. Не хочу. Возвращение в родительский дом, в кото-
ром провел больше восемнадцати лет, подобно аду. Я избе-
гаю увеселительных мероприятий, общения. И людей, они
глупы и прозаичны. Избегаю всего, что принято любить. Не
знаю, откуда во мне столько недовольства ситуацией, в кото-
рую позволил себя загнать, но... Не хочу, и точка! Да, это
больше подобает избалованному малышу, коим себя не пом-
ню. Из-за сильного нежелания в моем разуме может про-
изойти сбой, и я сотворю что-то очень жестокое и безнрав-
ственное. Хотя обычно так и делаю, но это превысит опасе-
ния Декланда.

Не могу подтвердить наличие страха как эмоциональной
стороны восприятия, сужающей все до маленькой точки пе-
ревернутой призмы реальности. Но уверен в существова-
нии отторжения происходящего, вызванного отвращением к
нежелаемому, — так бы я описал насильственное принужде-
ние быть человеком.

— Пять машин перед домом, еще несколько в гараже. Вме-
сте с нами здесь как минимум человек сорок пять. Это не
просто предпраздничный ужин. Родители никогда не пуска-
ли в поместье столько народа, — монотонно замечаю, подни-

мая ворот пальто. На ресницы падают капли. Хорошо. Дождь холодный, это я люблю. Хотя бы что-то мне нравится.

– За ужином будет сорок шесть человек. Мы с тобой идем как пара. – Улыбка Декланда вызывает недовольное фырканье. Я никогда не ошибаюсь. Никогда. Здесь не может быть сорока шести человек. Сорок пять.

Пять машин. В первой...

– Подожди, ты сказал, мы пара? – Когда до меня доходит смысл, поворачиваюсь к спутнику, расправившему черный зонт над нами.

– Я сегодня без супруги, она поехала в Манчестер помочь с нашим первым внуком. Ты как обычно один. Выходит, мы с тобой пара, – кивает он, считая, что это очень остроумно.

– Я не против меньшинств, но лучше быть нечетным гостем, чем парой престарелому маразматiku.

– Эйс, это оскорбление, – цокает Декланд.

– Это констатация. Ты дотошен и обожаешь симметрию. Носишь два обручальных кольца, потому что одно, по твоему мнению, скучает без двойника на другом пальце. Не даришь ничего без пары, и даже эта малость – свидетельство одной из разновидностей маразма, поражающего людей, доживших до шестидесяти. Порой и раньше.

Мы останавливаемся у дверей, которые моментально распахиваются, и жуткий шум, невыносимая вонь смешавшихся ароматов еды, алкоголя, парфюмерии и спертго воздуха наполняют меня до тошноты.

– А теперь слушай меня, Эйс. Не порть вечер и отношения с семьей. Они ждали тебя, нервничают и волнуются, потому что у них много новостей. Будь хорошим параноиком, не оскорбляй людей, не анализируй, лучше вообще не думай и не показывай своего уникального восприятия этого мира. Все ясно? – Закончив тираду, он приближается ко мне. Но его роста маловато, чтобы нависнуть надо мной тенью и хотя бы немного напугать. И это вызывает лишь сочувствие. Столько усилий, чтобы я не был самим собой.

– У меня грандиозная идея. Я сейчас развернусь, сяду в машину и поеду в свой дом, где никто не жаждет разговоров со мной, и наконец-то займусь делом, – предлагаю спокойно.

– С годами ты все больше меня раздражаешь. Когда-то я защищал тебя и выгораживал, но не сегодня. Живо в зал и улыбайся. Боже, прекрати скалиться, так тебя за маньяка примут. Ладно, бог с ней, с улыбкой, просто... Эйс, будь терпим к своим родителям. Пожалуйста, ради меня. – Меня передергивает от его жалобного тона – свидетельства паники и опасения разрушить картину идеального праздника.

– Буду молчать.

– Сойдет, – соглашается он и машет рукой в сторону освещенного входа.

Дом. Что это вообще такое? Место, куда возвращаешься после работы, где тепло и уютно? Место, где ты провел детство? Не знаю. У меня нет дома, предпочитаю всегда двигаться, хотя владею недвижимостью. Но дом – для меня

слишком громко сказано. Я не испытываю ни радости, ни счастья, не имею возвышенных грез, не строю планов создания семьи. Ну и зачем мне дом?

Викторианский стиль поместья, передающегося по наследству первенцам нашего рода, утомляет. Это же так скучно – из года в год, из столетия в столетие жить в одном и том же месте, ничего не изменяя и даже этим гордясь. Лестницей, которую какой-то предок строил сам, а другой на ворованные деньги украсил перламутром и золотом. Огромными люстрами, украшающими высокие расписанные потолки. Гулкими залами и спальнями на втором этаже, пыльной башней, где валяется барахло. Неужели у кого-то все это вызывает восхищение?!

– Эйс, братик! Ты прилетел!

Легкий вихрь по имени Молли обхватывает мою шею, обдавая сладким ароматом духов, от которого выступают удушливые слезы на глазах, оставляет на щеке влажный поцелуй, липкий, противный, вызывающий отвращение. Ненавижу помаду, блеск для губ и другие женские ухищрения, пачкающие кожу.

– Кажется, он обескуражен платьем, которое сейчас на тебе треснет. Привет, брат!

Не успеваю отойти от объятий младшей сестры, как моя рука оказывается в плену у другого родственника. Он притягивает меня и хлопает по спине. Да что же это такое! Я что, вещь, которую можно тягать из стороны в сторону ради те-

лячьих нежностей? Ненавижу. Вот одна из главных причин, почему я не присутствую на праздниках.

Едва меня выпускают из рук, на всякий случай делаю шаг назад и достаю из пиджака платок, чтобы стереть след от поцелуя Молли.

– На сегодня с меня достаточно приветствий, – бубню под нос, оглядывая сестру.

Слишком много косметики, снова проблемы с кожей. Очередная инъекция в губы, для того и блеск, чтобы скрыть гематомы. Обтягивающее платье в пол синего цвета подчеркивает голубые глаза, унаследованные от матери всеми ее детьми. Светлые пшеничные волосы – покрасила недавно, чтобы походить на мать, которой доставляет удовольствие видеть свое молодое отражение в дочери. Значит, Молли хочет что-то попросить или же натворила нечто, вызвавшее приступ ярости, и теперь заглаживает вину. Высокие каблуки, скрытые подолом платья, вынуждают сестру переминыться с ноги на ногу. Неудобные, но красота требует жертв. Глупо.

– Мы не думали, что ты все же появишься, – знакомый голос раздается слева. Закатываю глаза и резко оборачиваюсь. Темно-серые глаза искрятся весельем, полноватые губы растянуты в озорной улыбке, которая не идет моему ровеснику кузену. Подсел на алкоголь, курит, ведет беспорядочный образ жизни. Так прозаично...

– Ларк, выглядишь ужасно, переходи на легкие, – отвечаю

ему, слегка кивая.

– Как всегда умеешь сделать комплимент, – смехом отзывается он.

– Ни капли не изменился, да? – Молли дергает меня за рукав, желая обратить на себя внимание. Конечно, надо же продемонстрировать, что сделал с ней косметолог.

– А должен был?

– Хотя б немного. Та же форма. Качаешься? А я забросил, времени не хватает. Но ты, знаменитый Эйс Рассел, не можешь выглядеть иначе. Всегда идеален и прямолинеен. – Насмешка в голосе Стэнли явно демонстрирует зависть, ведь он набрал три фунта с того момента, как я видел его в последний раз. Две недели назад.

– Мне вот интересно, вы оба могли сообщить мне, что отец ушел в отставку, и предупредить об этом ужасном мероприятии, но не сделали этого. По какой причине? – спрашиваю брата и сестру. Они переглядываются и улыбаются мне, собираясь солгать.

– Не мы должны были говорить об этом, а папа. И как тебе Лондон? – Молли меняет тему, они явно скрывают что-то еще.

– Безумно скучно, присутствующие раздражают. Не принимайте на свой счет, вас я давно вычеркнул из списка развлечений, хотя вы не перестаете быть родственниками.

– Да ты сегодня сама вежливость, Эйс, – хмыкает Ларк, приглаживая темные волосы.

– Это его нормальное состояние. Итак, ты вернулся, задание выполнено. Чем теперь займешься? – интересуется Стэнли, пока я оглядываю гостей. Ничего не изменилось, тот же состав, те же лица, тот же напыщенный лоск.

– Моя работа никогда не закончится. Пока существует парламент, всегда найдется, чем заняться. Как долго это будет продолжаться? – Указываю на заполненный людьми зал.

– Долго, Эйс, ты попал в эпицентр личного ада, – пытается поддеть меня Ларк. Поддел бы, будь я обычным человеком с комплексами и заниженной самооценкой.

– Тогда дождусь дьявола, или как там его называют, и начну пир.

– Боже, мальчики, сегодня праздник, хватит сравнивать его с преисподней. Это же так здорово, что мы все здесь и можем, как раньше, собираться дома. Разве вы не рады? – весело произносит Молли.

– До смерти счастлив. – Мой ответ вызывает смех у брата и кузена, а сестра пытается пристыдить взглядом.

Все же она хорошая девочка, милая, яркая, и надо бы сказать, что эти губы ей не идут, но... Нет, пусть это сделает кто-то другой. Возможно, моя двадцатитрехлетняя сестра вызывает у меня более теплые чувства, чем другие. Я ее воспитывал, благодаря мне она знает алфавит и латынь. Стэнли всегда был оболтусом, увлеченным примитивным наслаждением благами жизни. Он младше меня всего на пять лет, но до сих пор живет с родителями и не работает. Прожигатель

жизни, как называют подобных людей. Скучно.

– Наконец-то отец появился. Я голоден, мы ждали его дольше, чем тебя. Наверное, все никак не мог выбрать костюм, – сообщает брат, и я поворачиваю голову, расчищая взглядом толпу, окружающую моего родителя.

Что-то не так. Нет, не может быть...

– Кто эта женщина? – недовольно спрашиваю.

– Где? – удивляется Молли.

– Рядом с отцом, он держит ее за руку, и она явно не наша мать, – цежу сквозь зубы.

Гости отходят, и теперь можно рассмотреть высокую статную темноволосую незнакомку в черном классическом платье в пол с открытыми плечами. Ее смоляные волосы уложены элегантными волнами, пронзительно синие глаза сверкают подобно алмазам. Идеальное пропорциональное лицо, скорее всего благодаря пластической хирургии. Загорелая, словно она живет под солнцем. Выразительные губы, подведенные темно-вишневой помадой, чуть улыбаются, будто делая одолжение стоящим вокруг смертным. Что это, черт возьми, за женщина?

– Оу, она... – Молли кусает губу и бросает нервный взгляд на Стэнли.

– Она, она. Не заикайся. Кто она? И почему отец ее обнимает? Где мама? – Раздражение, в которое меня приводит сорок шестой человек на этом вечере, вплетает в мой голос грубые стальные ноты.

– Вы не сказали ему? – удивляется Ларк.

– Так, если вы сейчас же мне не ответите внятно, что за объект демонстрирует всем свои скудные умственные способности глубоким декольте и годится в дочери нашему отцу, я совершу кое-что ужасное, – рычу, неотрывно следя за черноволосой женщиной, грациозно кивающей кому-то из гостей.

– Это Бланш Фокс. И она... любовница отца, – выдавливает Стэнли.

Удар под дых. Всякое мог предположить, но не то, каким подонком окажется отец. Любовница. Как такое возможно? Почему я не предвидел этого? Меня срочно отправили на задание в Америку, затем были Канада, Австралия, практически все страны Европы и снова Америка. Держали подальше от дома, уверенные, что я не пожелаю возвращаться, бросать интересную работу. И все это дало возможность прикрывать интрижку отца. Я сказал «интрижку»? Нет! Это катастрофа!

– Я, кажется, ослышался, хотя это невозможно, но повтори еще раз, – шиплю, поворачиваясь к брату.

– Отец с ней встречается уже три месяца, он влюблен в нее...

– Три месяца, – повторяю, и чертов разум дает сбой. Он не в силах собрать цепочку воедино, и я задыхаюсь.

– Эйс, родители развелись и разъехались два месяца назад. Отец уволился, потому что испугался осуждения со стороны коллег. Он счастлив, как и мама. Отец ее полностью

обеспечивает, купил дом в Лондоне. Мама сама тебе все расскажет, но она опаздывает. Обещала приехать вовремя, чтобы предотвратить этот разговор. Прости, но мне запретили волновать тебя и срывать с работы, – тихо бормочет Молли.

Она боится меня, я сам себя боюсь, ведь в моем понимании развода не должно было случиться. Не в моей семье, на другие плевать, но моя семья – это иное. Конечно, я знал, что родители давно не питают друг к другу нежных чувств, живут рядом больше по привычке, да и отец никогда не демонстрировал отношений на людях, но сейчас...

– Эйс, они идут к нам, и ты должен знать еще кое-что, – меня разворачивает к себе Ларк. И он был в курсе? Вот же сволочи! – Бланш Фокс – одна из самых дорогих шлюх в Британии. Мне раз двадцать отказала в услугах. Она выбирает мужчин, похожих на твоего отца, очень богатых. Говорят, она виртуозная любовница, и, чтобы добиться ее внимания, некоторые совершают неразумные поступки, двое даже покончили с собой. Она акула, безумно красивая и чувственная. Твой отец влюблен, и на сегодня он ее клиент номер один.

Я улавливаю в его тоне нервозность, панику и другие эмоции, которые излучают и брат с сестрой. Но не чувствую ничего, что творится внутри меня. Я оглох. Вода... Не могу вздохнуть, потому что ей наполнены легкие. Она заливает уши и глаза, пока перед ними мелькают картинки из прошлого, где все встает на свои места.

Меня отправили, чтобы не помешал отцу предать мать. Намеренно отстранили от семьи, позволив этой женщине разрушить единственное, что могло мне помочь. А теперь я тону и не выживу, если сейчас же что-то не предприму.

– Эйс, она хорошая. Я знаю ее, Бланш очень милая, и маме она тоже нравится. Пожалуйста, Эйс, моргни хотя бы. Они уже близко, не натвори ничего. Я сейчас расплачусь или в обморок упаду, мне так страшно, брат, очень страшно. – Молли тянет меня за рукав, и я перевожу взгляд. Ее трясет. Она на грани истерики и может лишиться чувств от переживаний. А внутри меня тишина. Сестра выглядит как в детстве, когда малышка, боявшаяся лошадей, не хотела учиться конному спорту, а ее заставляли, и Молли умоляла меня спасти. И в эту минуту происходит то же самое.

– Может быть, лучше увести его? Скажем, что у него голова разболелась, – Ларк обращается к бледному Стэнли.

– Не успеем, минута.

– Все хорошо, – хриплю я.

– Надо что-то придумать, он невменяем. Посмотри на него. В последний раз, когда он так выглядел, было плохо, очень плохо.

– Я сказал, со мной все хорошо. Мне нужно время, чтобы принять информацию, которую вы мне сообщили, утаив ранее и предав мое доверие. Мне требуется чертово время, чтобы распланировать действия и выставить за дверь эту женщину. Время. Но его нет. Три, два, один... Здравствуй,

папа, выглядишь, словно тебя лошадь пережевала и выплюнула нам под ноги.

Поворачиваюсь к приблизившейся паре. Мой взгляд встречается с другим, наглым, сочным и противным.

Ну что, я жаловался на скуку, верно? Так вот, теперь мне не скучно.

Глава 2

Кто эта женщина?

В девяноста шести процентах я с первого взгляда могу угадать, кем является человек напротив. К четырем процентам относятся те, кто мне еще не попадался. Но не в этом случае. За несколько секунд, пока окружающие переваривают мою фразу и ищут способ достойно выйти из положения, я должен понять, кто эта чертова незнакомка.

Она не красит волосы, цвет натуральный, живой, а не как у пластиковой куклы. Хорошее зрение, идеальная кожа, значит, здоровье тоже на уровне. Она следит за собой: спортзал, правильное питание, никаких вредных привычек, кроме одной – проституции. Это огромный минус, хотя наш мир полон дешевых шлюх, готовых продаться даже за обещания. Поэтому это спорно, но все же я склоняюсь к минусу, поскольку она – враг. У меня не было врагов, а она им становится за считанные секунды.

Чем она занимается помимо обмена тела на деньги?

– Эйс, я рад, что ты в приподнятом настроении. Такой комплимент... – Веселый голос отца прерывает ход мыслей, но я продолжаю смотреть на женщину. Сестра смеется, нервно и странно, как обычно бывает, когда человек хочет спрятать свой стыд, а вот она... Она легко поддерживает Молли, и мягкий смех наполняет мое сознание.

Хорошие зубы, ни одной пломбы. Я это вижу, не могу объяснить как, но вижу. И все. Это ужасно. Это придает неподвластный импульс бесконтрольному интересу. И именно это может стать фатальным для многих, особенно для тех, кого не желал бы затронуть. Но я не могу больше ничего угадать, ее глаза молчаливы, слишком молчаливы, словно она не живая, и в то же время от нее исходит тепло. Обжигающее тепло.

– Милая, познакомься, это мой старший сын, Эйс Рассел, он был так любезен, что приехал прямо из аэропорта. Эйс, хочу представить тебе женщину, с которой меня связывает...

– Секс. Примитивное взаимодействие, в котором ты потерял достоинство и стал зависимым от желания получить низменное удовольствие. Наслаждение властью, купленной за деньги, превратило тебя в отвратительного пресмыкающегося раба личностного тупика собственного недовольства. Отсюда и твоя отставка. Ты возомнил себя альфа-самцом, коим никогда не был, и, познакомившись с этой женщиной, решил похудеть, заняться телом и отправиться на отдых. Хм, это было грубо, да? Прошу извинить, но другим я никогда не стану.

Замечая на лицах присутствующих полный шок, перевожу взгляд на женщину, взирающую на меня... со скукой? Она спокойна, продолжает слабо улыбаться и поглаживать руку отца, успокаивая его и как бы говоря, что мои слова не попали в цель.

Кто она такая?

– Эйс, прекрати, – шипит Стэнли, дергая меня за рукав, но я не мигая смотрю в синие глаза, сверкающие силой. Откуда она? Что знает? Явно не британка. Американка? Австралийка? Не могу понять, и это ввергает в панику. Может быть, на моем восприятии сказался перелет? Нет. Я же смог показать, что отца больше не уважаю, тогда по какой причине не в силах увидеть большего в ней?

– Он просто устал, – выгораживает меня Молли.

– Конечно, перепады давления утомляют и ужасно сказываются на самочувствии. Но я очень рада познакомиться с вами, сэр. Таддеус так много говорил о вас, и сейчас видеть подтверждение его словам просто невероятно. Вы даже красивее, чем вас описывают.

Голос странный. Да-да, именно странный, уверенный, властный и спокойный. Словно она не слышала ничего или же хорошо играет. Скорее, последнее, так и должна вести себя шлюха, сглаживая углы и не позволяя оскорблять клиента. Я выведу ее на чистую воду.

Не британка, точно. Американка, но довольно умело имитирующая нашу речь. Прожила здесь достаточно, хотя не настолько, чтобы идеально сойти за одну из нас, – у нее осталась чисто американская манера: они не могут промолчать и смиренно ожидать, пока к ним не обратятся лично. Считают нормой общение в таком стиле, тогда как англичане не утруждают себя разговором с незнакомым человеком.

– Тогда вам ничего не рассказали обо мне. К слову, с моим самочувствием все в порядке. Мне интересно другое, где вы потеряли совесть, заявившись в этот дом?

Обычно люди закипают от обиды, когда их прилюдно унижают, но... Чертовка улыбается шире, ее лицо светится радостью. Уникальная особенность. Отвратительно.

– Эйс, довольно, – грубо прерывает отец, произнося то, что я надеялся услышать от нее.

– А я только приступил к знакомству. Меня же не поставили в известность, что ты выбросил мать за порог ради этой женщины.

– Папа, не здесь. Люди смотрят. Эйс, прекрати. Обсудите все наверху, – истерично шепчет Молли.

– Почему же не здесь? Предполагаю, все курсе, что ты привел сюда недостойного гостя. Неужели сейчас ты испытываешь стыд из-за выбора спутницы на этот вечер? Но это ведь твой выбор, твои желания, ты учил никогда их не бояться. Видимо, возраст взял свое. Теперь даже смотреть на тебя противно. Надеюсь, моя спальня там же. Лучше отправлюсь туда, чем буду участвовать в вашем бессмысленном спектакле. А вы продолжайте делать вид, будто нормальные. Вот только, открою секрет, нет нормальных людей, все больны. Как же хорошо, что одно из проявлений моей особенности – честность, теперь я рад быть непохожим на вас. Хорошего вечера.

Резко кивнув, широким шагом выхожу из зала. Возмож-

но, я все же обижен. И не хочу находиться здесь, вновь убеждаясь, что я неотъемлемая часть своей семьи. Зол ли? Нет, скорее раздражен. Меня, если честно, не особо волнует наличие у отца любовницы, больше заботит то, как все произошедшее в мое отсутствие скажется на моей работе и карьере. Вот что мне интересно, а не эта женщина, с которой нет никакого желания продолжать общение. Отец пусть и дальше развлекается, но я не позволю, чтобы его сексуальные проблемы разрушили достигнутое столькими годами моего труда. Разве не глупо, что у большинства людей близость стоит на первом месте?! Почему они так деградируют? Да и что нового может продемонстрировать, к примеру, эта женщина? Ничего. Все уже давно описано, нарисовано, показано.

Оглядываю темную спальню, слабо освещенную торшером у кровати. Мой багаж стоит по центру комнаты – прислуга знает, я не люблю, когда дотрагиваются до моих вещей.

А мысли вновь возвращаются к женщине, продолжающей улыбаться в моей голове. Прижимаю прохладные пальцы к вискам и закрываю глаза. Ее образ в черном платье кружит вокруг меня, масса вопросов не дает думать о чем-то другом. Что я о ней узнал? Лишь самые простые факты, которые угадает любой. Вероятно, именно это и не позволяет стереть воспоминания и переключиться на что-то более значимое. Я предпочитаю все доводить до идеального конца, и последнее слово остается за мной. А сейчас я упустил что-то очень важное, что могло бы помочь выстроить дальнейший ход со-

бытий.

За спиной распахивается дверь. «Шанель». Классика.

– Мадам, вы пришли, чтобы убедить в необходимости присутствия внизу? Не утруждайтесь, поберегите волосы от постоянной окраски, чтобы скрыть седину. – Обернувшись, встречаюсь с беспокойным взглядом голубых глаз.

– Эйс Ориан Рассел, ты так приветствуешь мать после двух лет отсутствия?! – Женщина складывает руки на груди, ее очи грозно сверкают недовольством.

– Если вы, мадам, считаете, что вызовете во мне смущение, покорность, яркий всплеск адреналина или что-то иное, назвав мое второе имя, то ошибаетесь. Это никак не повлияет, и я буду общаться с вами так, как посчитаю нужным.

– Твое поведение отвратительно, Эйс. Ты оскорбил отца и Бланш. Молли плачет, довел сестру до истерики! Хотя бы немного ослабил свою жесткость, ведь сегодня праздник! Я ужасно разочарована в тебе, сын. Ужасно.

Она медленно наступает, думая напугать меня. Нет. Я равнодушно смотрю на маму. Она изменилась. Стала использовать более яркие тона в одежде и в макияже, оттенок волос выбрала посветлее, глаза стали более живыми, лицо разгладилось от морщин. По всей видимости, чувствует себя превосходно.

– Я опоздала из-за пробок и не смогла первой сообщить тебе новость. Наверное, это и моя вина, что ты так отреагировал на наше решение развестись. Но это ничего не меняет,

мы останемся семьей, будем собираться по праздникам, вместе отдыхать, и это никак не скажется на нашем будущем, — уже мягче добавляет мама.

— Не скажется, — повторяю ее слова.

— Нет, ни капли, обещаю. Просто пришло время нам с твоим отцом увидеть другую жизнь. Мы провели вместе долгие годы, и я никогда не чувствовала себя так, как сейчас. Мне нравится, что я свободна, понимаешь? Меня никто не выгонял, это я предложила подумать о разводе. Хотя бы на старости лет узнать, что такое чувства. Знаешь, смотрю на Таддеуса и завидую: он влюблен, глаза горят. Я желаю ощутить это тоже. Каждый по-своему, но мы счастливы, Эйс. Развод — верно принятое решение. Мы не сообщили тебе, чтобы не волновать, да и не говорят по телефону о таких вещах, тем более когда ты постоянно занят и оставляешь для разговора пару минут. Пойми, мы сделали то, что поможет каждому из нас обрести покой и радость.

Она кладет руку мне на грудь и похлопывает. Нервничает, боится моей реакции. Не нужно даже напрягаться, чтобы понять. Но если бы она присмотрелась ко мне, заметила бы — я абсолютно спокоен. Меня волнуют не причины их поступков, а последствия.

— Никто из вас не подумал, как это отразится на мне. Я не о вашем глупом желании разорвать узы брака, я говорю о другом. О ней. Эта женщина, находящаяся в поместье, имеет самую низменную и примитивную ступень развития. И вы,

мадам, допустили это. Для чего? Не подумали, что за этим последует? – Отхожу на шаг, не позволяя продемонстрировать удушающую нежность. Лишнюю для меня, отвратительную и приторную, вызывающую негодование разума.

– Ты о Бланш? Боже, Эйс, сейчас каждый третий мужчина нашего круга имеет постоянную любовницу! Это даже повышает самооценку в глазах окружающих. Бланш хоть и проститутка, но очень профессиональная. Я никогда не видела, чтобы глаза твоего отца так светились от радости и удовлетворения. Он счастлив, и какая разница, платит он ей или нет? Меня это не обижает, я хочу, чтобы он был доволен. Он изменился, стал более мягким, мы даже можем вместе обедать и смеяться, как старые друзья, чего ни разу не происходило с нами в браке. Бланш помогла ему стать мужчиной, которого я не смогла открыть. Она же не собирается выходить за него замуж, просто выполняет свою работу. Тебе незачем беспокоиться, ваше наследство останется нетронутым.

– Мадам, с чего вы решили, что меня интересуют деньги Таддеуса? Нет. Моя карьера. Вы поставили ее под угрозу. Я работал столько лет, сделал себе имя, а теперь появляется эта женщина, и мой отец сходит с ума. Никто и не подумал, что будет со мной. Как это отразится на моем статусе, что скажет руководство о безнравственном поведении моего родственника, отказавшегося служить Англии? Ох, не надо упоминать об эгоизме, мадам, потому что именно вы со своим мужем поступили так. Поставили оскорбительное клеймо

на все, над чем я столько лет работал. И не риск сорвать мою поездку не позволил поделиться со мной планами, а страх, что я в здравом уме дам оценку происходящему, доказав, как ничтожна ваша жизнь. Вы боитесь правды, которую я вам говорю, считая это психологическим отклонением, — заканчиваю речь и немного вздергиваю подбородок. Я так ставлю точку, когда уверен в своих словах и суждениях.

Мама обижена, глубоко уязвлена, это написано на ее лице, но я ничего не чувствую. Да, я не так эмоционально, как множество людей, воспринимаю разговор или ситуацию, но не могу измениться, потому что мой разум ничему не подвластен.

– Эйс, мне так жаль...

В глазах скапливаются слезы, она прячет взгляд. Ну да, пытается выйти из ситуации так, словно стала жертвой обстоятельств. Но меня не обмануть ни истерикой, ни мольбами. Ничем.

– Ты настолько увлечен своей работой, что забыл – вокруг тебя живые люди, такие как я и Таддеус, Молли и Стэнли. Неужели ты ничего не испытываешь к нам, раз думаешь лишь о своем статусе? Неужели тебе неважно, что мы с отцом не могли оставаться вместе даже ради тебя? Мы это делали тридцать лет, а твой отъезд позволил расслабиться, никто больше не упрекал нас, что мы живем раздельно. Постоянные опасения, что ты можешь сорваться и что-то натворить, изъедали нас, и мы терпели, пока окончательно не уста-

ли. И сейчас ты смеешь обвинять меня в том, что мы не думали о тебе? Как же ты жесток, Эйс!

Кривлюсь от ее истеричного вскрика. Мать плюется, и мне это не нравится.

– Конечно, мадам, очень легко переложить на мои плечи страхи и сожаления, ведь мне они не причиняют дискомфорта. Но мое мнение неизменно. Вы используете слезы как решающий фактор окончания спора и моей капитуляции, только вы забыли, что манипулировать мной невозможно. Поэтому заканчивайте спектакль, и перейдем к делу.

Достаю из кармана платок и протягиваю ей. В глазах матери досада и злость – ей не удалось меня смягчить. Я не принимаю женщину, стоящую напротив меня, как мать. Кто она такая, я знаю, но не чувствую. Просто женщина, которая меня растила и иногда разговаривала со мной, водила к психиатрам и пыталась изменить, найдя «поломку» и устранив ее. Я забыл ненужное прошлое, кроме одного дня, когда наконец-то увидел себя таким, какой есть на самом деле. Социопат. И это меня не оскорбляет, наоборот, мне нравится быть им и не уподобляться людям.

– Итак, развод состоялся, отец ушел со службы и завел любовницу. Если первые два факта меня не особо заботят, то последний не нравится. Я хочу, чтобы вы, мадам, выставили эту женщину за дверь. Заплатите ей и сообщите мне о ваших расходах, я покрою затраты. Не позволю разрушить карьеру из-за пристрастий отца и вашей глупости. Надеюсь,

я понятно изъясняюсь. И далее не желаю слышать о поиске счастья в любовных делах, ибо это все миф. Вы поняли меня? – Делаю шаг к матери, ошарашенно слушающей меня, забираю платок и кладу в карман пиджака.

Ей необходимо время на осмысление, а мне пауза, чтобы перебрать в голове проблемы, позволяющие затмить новость о любовнице отца. Конечно, политические секреты и тайны, в которых я играю главную роль, и они находятся под моим руководством.

– Надо было дольше лечить тебя, Эйс. Ты так и не услышал меня, но я повторю, – зло произносит мама. – Я не собираюсь предлагать Бланш деньги за то, чтобы она оставила моего бывшего мужа. Потому что в отличие от тебя, сын, умею чувствовать и не позволю, чтобы Таддеус пострадал из-за твоего эгоизма, – добавляет, указывая на меня пальцем.

– Но...

– Да мы первый раз в жизни подумали о себе и поступили так, как захотели! Я была готова на все для тебя, а ты неблагодарный наглец! Но сейчас я не поведусь на твои требования. Хочешь, делай сам, но без моей помощи. Мне Бланш нравится. Она прекрасная и умная женщина, хоть и проститутка. Но именно она заставила Таддеуса жить, когда никого не было рядом. Спасла его от одиночества и сумасшествия, которых ты не замечал. Ты никого не замечаешь, кроме себя. И я больше не буду уговаривать тебя вернуться к нам и хоть немного побыть нашим сыном, а не бесчувственным подон-

ком, как сейчас. Это не мой ребенок, а какой-то монстр, созданный благодаря правительству. Когда осознаешь мои слова, поговорим, а пока довольно обсуждений. Твое поведение причиняет боль. Ты никогда не любил нас и не позволял любить себя. Прости, Эйс, но я тебя не поддержу. — Мать резко захлопывает за собой дверь, оставляя меня одного, а я вообще-то хотел ей ответить.

Поджимаю губы от недовольства и неоднозначного настроения. Нет, ее слова меня не тронули, но почему она так защищает эту женщину? Не похоже на мать, она терпеть не может продажных людей. Что-то здесь не так, где-то таится подвох, особенно в ее поведении. Мать всегда была слабохарактерной, жила по указке отца, играла свою роль и всегда демонстрировала покладистость.

Что ж, раз она отказывается следовать моим требованиям, сам покажу им, каково это — заставлять меня выполнять грязную работу. Другого не остается. Никто не смеет разрушать мой статус, не позволю, чтобы на мне отразилось искаженное представление отца о счастье. Гадость. Эта женщина исчезнет из моей жизни. Использую все возможное, чтобы вычеркнуть ее из своего мира. Это будет легко.

Пришло время поближе познакомиться с Бланш Фокс. И пусть уж лучше она исчезнет, потому что ей не понравится то, что ее ожидает в моем лице.

Глава 3

– Эйс!

Задерживаюсь на ступеньках. Ко мне бежит Молли и через несколько мгновений, тяжело дыша, останавливается рядом.

– Ты как? – тихо спрашивает она.

– Хорошо. Должно быть иначе? – Поправляю манжеты рубашки и встречаюсь с ее нервным взглядом.

– Прости меня, братик, я обещала матери не говорить. Ты странно на все реагируешь, даже я опасалась твоего возвращения. Но ничего не изменилось, наоборот, стало лучше. Мать с отцом больше не требуют от меня идеального поведения и соблюдения глупых условностей, и это превосходно. Знаешь, мне даже нравится, что они развелись. – Она натянуто улыбается, а я ей сочувствую.

Бедная девочка пытается убедить, что ничего страшного не произошло, это нелепица, смешная ситуация и начало какой-то новой никчемной жизни. Но для меня-то иначе.

– Гости в северной столовой? Приемы обычно устраивают в центральной, – замечаю я и поворачиваюсь на шум. – Людей намного меньше, это хорошо. Я готов поужинать.

– Поужинать? Эйс, ужин закончился около часа назад, тебя не было более трех часов. Боже, неужели *это* снова произошло? – Она охает и бледнеет, выдумывая очередные глупости.

пости про меня. Ах да, влияние отца и матери, ничего нового.

– Что ты имеешь в виду под «это»?

– Ну... у тебя же были случаи, когда ты выпадал из реальности. В детстве. Ты не помнил, что делал, это было страшно. Мама говорила о подверженности паническим атакам из-за каких-то бессмысленных ситуаций, они вводили тебя в транс. Последний раз ты отпустил собаку, и она набросилась на одного из охранников, – шепчет она, приблизившись, словно раскрывая тайну.

Глупость. Меня не волнует, кто и что знает, потому что ни один человек не в силах глубоко заглянуть внутрь меня и разгадать. Даже я сам, к сожалению.

– Молли, ты слишком много смотришь телевизор. Я никуда не «выпадал» и помню, что со мной происходит. Признаю, на раздумья и осмысление ситуаций уходит довольно много времени, но ничего из тобой упомянутого со мной не случилось. Теперь тебе легче?

– О, я... просто переволновалась, – тяжело вздыхает сестра и облизывает подсохшие губы. Ужасные губы.

– Никаких инъекций больше, Молли. Они отвратительны. Не ведись на мнение тех, кто заставляет поверить, что искусственно созданная красота – лучше. Ложь. Все лгут, только настоящие краски говорят больше, чем выдуманные. Почему все собрались в северном зале? – интересуюсь я, прислушиваясь к смеху и слабым звукам музыки.

– Ты... это обидно, но...

– Молли, я задал вопрос, другое обсуждать не намерен. Только я могу сказать тебе правду, радуйся, потому что у меня в отличие от других нет причин обманывать. Так почему все не уехали? – перебиваю ее.

Да, я всегда говорю то, что у меня на языке, люди иногда оскорбляются, но родные уже привыкли. Сестра – точно, поэтому ее припухшие губы растягиваются в слабой улыбке.

– После ужина собрались пообщаться в узком кругу, перемыть друг другу косточки. Ну и в вист поиграть, ты же знаешь, как его любит отец. Так что гости развлекаются. Большинство уехали и придут завтра, и еще шестьдесят шесть человек, – делится она. – Это все Бланш придумала и организовала вместе с мамой. Они работали над сценарием праздника больше месяца. Это так странно, да? Бывшая жена и настоящая любовница общаются, ходят по магазинам, обедают вместе. Никогда бы не подумала, что мама сможет так... Она уже поднялась к себе, чтобы пораньше лечь. Сказала, ты ее очень расстроил и у нее разыгралась мигрень, – сестра хихикает, зная, что эти приемчики ничего не значат, лишь показывают противостояние мне.

Но меня больше волнует причастность другой женщины ко всему этому. Зачем? Деньги, это понятно. Хотя обычно представительницы ее профессии не проникают в семьи – получают оплату и тихо ожидают гонорара после очередного постельного мероприятия. А эта слишком многого хочет и

влезла туда, где ей нет места. В мой мир.

– Понятно. Прими две таблетки успокоительного. Твоя головная боль не от плохой работы сосудов, а из-за эмоционального скачка после моего возвращения в этот дом.

– Как ты это понял? – шокированно шепчет она.

– До завтра, Молли, – киваю ей и спускаюсь по лестнице.

– Эйс... – Останавливаясь внизу, оборачиваюсь. – Я рада, что ты вернулся. Я правда очень скучала, мне тебя не хватало. С тобой я чувствую себя в безопасности. Доброй ночи, братик. – Она улыбается, но это не вызывает во мне ответных нежных чувств. Констатация факта, не более.

– До завтра, – повторяю, направляясь в северное крыло дома.

Итак, Бланш Фокс завладела не только кошельком отца, но и его волей. Ее цепкие пальцы вцепились в нервные окончания мужских эмоций, она манипулирует его мечтами, чтобы продлить свою роскошную жизнь. Недолго, обещаю. Но для начала мне необходимо узнать больше. Единственный человек, имеющий нужную мне информацию, – мой кузен. Именно его ищу я взглядом, входя в полуосвещенное пространство с одним большим круглым столом, за которым играют в карты отец и гости. Женщины стоят вокруг, Бланш не отходит от отца, наклоняется к нему, отчего ее черные волосы, отражающие блики света, падают ему на плечо. Она шепчет что-то, и он, улыбаясь, делает ход. На ее лице нет ни единой ненормальной эмоции. Азарт отсутствует. Инте-

рес тоже. Только работа, она выполняет то, за что ей платят.

– Ларк, – подхожу к мужчине, сидящему в кресле с сигаретой в одной руке и с бокалом бренди в другой.

– О, Эйс, не думал, что ты еще появишься.

Его улыбка может сказать о многом. Он уже пьян, ослаблен и готов к общению. Обычно сплетницами считают женщин, но мужчины еще хуже. Их обиды незначительны, но надолго остаются в их разумах и уязвляют сильнее. Мужская примитивная особенность развита немного иначе, чем у женщин. Изощреннее, глупее и интереснее.

– Решил размяться. Ты не против? – Указываю на кресло рядом. Он кивает мне и подзывает нанятого официанта.

– Ничего. Ему хватит, – отвечаю я на еще не заданный вопрос и опускаюсь в кресло, лицом к столу. Мы в затемненном углу, где меня не сразу узнают, не будет лишних вопросов, как и неуместной жажды поговорить. Это плюс. Ларк предпочитает такие же места, чтобы никто не укорял, что он губит самого себя.

– Мне мало. Чтобы справиться со всем этим, нужно что покрепче и побольше, – пьяно тянет он, указывая на гостей за столом.

– И с чего такие выводы? – спрашиваю без интереса, наблюдая за женщиной в черном, к которой подошла жена одного из друзей отца и завела оживленный разговор.

– Я хочу ее. Тебе, конечно, не понять таких желаний. Но когда постоянно отказывают, а ты ни черта не понимаешь

причины, это бесит и не дает думать ни о чем другом. Она же шлюха, продажная девка, а еще нос воротит. Я что, некрасив? Очень даже. И богат. Я супермужчина, мог бы многому ее научить, а она делает вид, что меня нет. Понимаешь, Эйс, для нее так же меня нет, как и для отца. Ни для кого меня нет, и не было никогда, я лишь кусок мяса, который можно использовать.

Скулеж Ларка под воздействием алкоголя я слушаю лет десять. И он ни капли не изменился. Больше думает о собственном наслаждении, чем о том, что такое желание может повлечь за собой. Глупо. Скучно.

– Женщина. Как обычно. Но почему, кузен? Неужели их мало вокруг? Нет, ты сам выдумал цель и пытаешься добиться ее, а это притупляет твои умственные способности. Чтобы бороться, необходима трезвость, да и здоровье, а у тебя оно уже не то. Так что хватит, раздражаешь. Лучше скажи, кто она такая, что ты еще о ней знаешь. – Поворачиваюсь к кузену. Он усмехается, залпом допивает бренди и зажигает новую сигарету, пока я жду его готовности поделиться со мной информацией.

– И тебя заинтересовала Бланш? Решил нарушить целибат? – ехидно тянет он.

– Возможно, смогу помочь тебе разобраться с ней и поправить положение отца. Мне не нравится, что она здесь, возможны неприятные последствия. Поэтому помоги убрать ее отсюда и положить в твою постель, – отчасти правдиво,

но все же лгу. Я умею входить в доверие, и люди думают, что я волшебным образом меняю их сознание и творю невозможное. Нет, я лишь беру то, что меня интересует, не более, оставляя их дальше барахтаться в грязи. Наше родство с Ларком меня вообще не волнует.

– Двадцать семь лет. Практически все мужчины, значимые для страны и не только, побывали у нее в гостях. Заключает контракт с клиентом не больше чем на несколько часов. Редко берет длительные заказы, а с твоим отцом уже давно. Они познакомились... Идиот, я сам познакомил их на одном из приемов, когда пытался убедить Бланш, что являюсь прекрасным кандидатом. Подошел твой отец, и на следующий день он уже был ее любовником, а мне отказала. Что он ей дал такого, чего не мог бы я? Я ведь моложе. Но нет, она выбрала его, всегда предпочитает мужчин постарше, как и женщин. Да, говорят, что она би, участвует в оргиях и доминирует. Прекрасный товар. Я хочу ее. – Он делает затяжку, а я отфильтровываю ненужную информацию.

– Когда ты их познакомил?

– В июне, но официально они появились вместе три месяца назад. До этого он был однодневкой, как и все, – охотно делится Ларк.

Выходит, отец начал изменять матери раньше, а она этого не замечала. Почему он так резко заинтересовался женщиной? Мы работали рядом, и я мог бы заметить его странное поведение и чужие духи, в общем, наличие любовницы. Но

меня не было, и это позволило черноволосой развратнице завладеть его разумом.

– Откуда она?

– Родилась, по документам, в Америке, в Ливингстоне. От нее отказались в роддоме, а через пять лет ее удочерила пара, у которой уже были дети. Бланш их покорила. В Лондон прилетела три года назад с одним из наших министров. Он же и подарил ей возможность остаться здесь надолго, чем она и воспользовалась. Бланш выходит с послами, пэрами и лордами, с шахами, и именно ее выбирают для эскорта. Говорят, она очень умна и обладает гипнотическим даром, воздействуя на мужчин. По слухам, они становятся податливыми и тупыми рядом с ней, хотя это я уже видел. Прекрасный пример – твой отец, позволяющий Бланш делать все, что ни пожелает, даже брать других клиентов. После завершения контракта каждый из ее мужчин продолжает поддерживать с ней дружеские отношения, а это прекрасный шанс получить все, что она захочет. Бегут к ней по одному щелчку.

– То есть она использует секс для манипуляций и шантажа. Именно поэтому клиенты возвращаются, боясь, что Бланш может рассказать все обществу и их женам.

Примитивный ход мыслей женщины понятен, но этого мало, чтобы увидеть большее. Ведь сейчас она смеется в окружении тех самых дам, с чьими мужьями переспала. И они заглядывают ей в рот, ждут ответа и, возможно, советов.

– Нет, никого не шантажируют, Эйс. Говорят, она отпус-

кает клиента и переходит к следующему, чтобы разбогатеть. У нее обширные счета, а стоимость подаренных украшений может помочь накормить голодающих Африки. Она участвует в благотворительных приемах, ведет активную светскую жизнь, как и интимную. Она идеальна во всех смыслах, невероятна...

– А что насчет самоубийств? Ты упоминал, – обрываю поток восхищения обычной продажной женщиной.

– Ну, подтверждений нет, но через пару недель после твоего отъезда два года назад появилась информация, что в городе есть женщина, из-за которой мужчины сходят с ума. Один, получив отказ, решил припугнуть ее, но погиб, сорвавшись с крыши. Другой обвинил в недостаточности полученных услуг за два часа – мало показалось, и на следующий день его нашли с пробитой головой. Имена не назывались. Я пытался вывести их через отца, но он меня даже близко не подпустил к данным. И с того момента все мужчины свихнулись из-за Бланш Фокс, желая узнать, так ли она хороша, чтобы из-за нее лишиться жизни. По слухам, она намного лучше.

– Черный пиар, благодаря которому она поднялась на ступень выше. И ей помогли в этом. Вероятнее всего, бывший клиент, чтобы она о нем забыла и потянулась к деньгам других. План сработал, проститутку вывели в свет и передали в иные руки. Умно, но очень просто. Никаких смертей, скорее всего, не было, слухи распустили для повышения ее стату-

са. Кто ж не заинтересуется женщиной, ради которой можно и жизнь отдать? Примитивные импульсы в мозгах мужских особей развиты настолько слабо, что последние легко попались на удочку. Разочарую, Ларк, но она не так умна, как тебе кажется. И дело не в умениях, а в правильных ходах и наличии богатого и хитрого покровителя, который устал от нее. Все просто, кузен.

– Да кого сейчас волнует, что было в прошлом, Эйс? Мы живем сейчас, и в данный момент я хочу Бланш. Я изучил ее дело, ничего странного, все, как у женщин ее профессии. Мужчины, мужчины и еще раз мужчины. Она в этом бизнесе с восемнадцати, возможно, и раньше. Никаких необычных сведений о ней нет, хотя тебе, может, удастся их вытящить. – Глаза кузена загораются от его же слов и глупых мыслей. Мне что, делать больше нечего, как только использовать свою власть, чтобы узнать об этой женщине? Черт, да он абсолютный идиот, раз так считает.

– А что дядя? Почему не прекратил это? – Возвращаю взгляд на черноволосую гостью, снова стоящую рядом с отцом и мягко поглаживающую его по плечу.

– Отец? Его это не волнует. Вы так похожи, Эйс, вас вообще ничего не трогает, но он уверил меня, что решение Таддеуса и его образ жизни никак не повлияют на отношение к вам правящих кругов. Однако к Бланш мне приближаться запретил.

О, это уже интереснее. Нейсон Рассел, по совместитель-

ству мой босс, никогда не делает ничего, о чем может пожалеть. И раз он так сказал Ларку, значит, знает больше, и это крайне важно. Он никогда не доверял своему сыну, только мне, ведь за столько лет мы с ним сблизились и наши суждения действительно похожи, иначе ни он, ни я не задержались бы так долго на своем месте.

– Почему? Боится, что отдашь все его деньги? – усмехаюсь я.

– Вряд ли. Он сказал, что я унижаю собственное достоинство и пачкаю его имя, постоянно увиваясь за Бланш, предлагая разные суммы и пытаюсь записаться к ней на прием. Папа считает, что она никогда меня не выберет из-за отсутствия статуса. Министры, послы, пэры, а у меня ни одного звания. Думаю, Бланш поднимает планку оплаты услуг. Твой отец много ей уже отдал, но я не знаю сколько. Предполагаю, несколько сотен тысяч фунтов. Пока никто не перебил его ставки, потому что мужчины побогаче дяди состоят в браке и опасаются огласки. Но это же глупость, Эйс. У нее разные клиенты, здесь что-то другое. И я выясню что. Узнаю тайну Бланш, что именно ее привлекает, и тогда она станет моей. Опущу эту стерву на колени.

Кривлюсь от его самодовольства. Глупо, но так и думают мужчины, получившие отказ. Они готовы на все, лишь бы потешить свое никчемное эго, и это безумно скучно. Когда же они поймут, что не женщину нужно ставить на колени, а весь мир? Никогда, видимо. Продуктивнее обсудить это с

Нейсоном, он хотя бы думать умеет, не поддаваясь эмоциям.

– Есть что-то еще? – сухо спрашиваю Ларка.

– Не хочешь развлечься? Снимем каких-нибудь девочек и приведем завтра, чтобы позлить наших отцов. Как тебе идея? – смеется кузен, а я закатываю глаза.

– Вместо того чтобы похотливо фантазировать, лучшеними для себя свободный мозг, он тебе нужнее, как и здоровье. Ты отвратителен сейчас.

– Как, черт возьми, тебе удастся никого не трахать, Эйс? Как ты живешь? Неужели ни разу не хотелось? Ведь в девятнадцать ты еще желал примитивных удовольствий. Из-за чего ты так резко поменялся? – Ларк выпрямляется в кресле и придвигается ближе.

– В мире есть вещи интереснее, чем секс. Я не отрицаю, что сам поддавался эмоциям и влиянию тестостерона, но они не приносили удовольствия. Предпочитаю иное, где никогда не растеряю свои навыки быть умнее многих и всегда остаться правым, угадывая события и предотвращая их. А секс пусть дальше развращает умы мужчин, чтобы освободить мне дорогу. Развлекайся, Ларк, только это тебе и осталось.

Девятнадцать лет. Тогда я был другим. Еще не понял самого себя и того, что в моих руках, не развивал память и умение наблюдать. Был глупым и примитивным и теперь предпочитаю не помнить, как это сказалось на мне и моем разуме. То время прошло, осталось только настоящее.

– Оскорбления – твой конек, Эйс. Любишь ты вбить последний гвоздь в деревянную коробку...

Не слушая более кузена, быстро оглядываю зал. Ее нет, остальные продолжают играть, кроме нее никто не ушел. Есть шанс узнать больше. Лично. Прекрасно, рыбка сама поплыла навстречу акуле. Лучшего я не мог бы представить.

– Ты меня утомил, – поднимаюсь из кресла и широким шагом выхожу из комнаты.

Какие у нее духи? «Версаче»? «Шанель»? «Пако Рабан»? «Нарциссо Родригес»? Эти ароматы кружат вокруг, но я не помню, чтобы уловил хоть какой-то запах у нее. Значит, что-то похожее на все перечисленное. В голове представляю план дома. Бланш может быть в основном зале, если решила проверить, все ли подготовили к завтрашнему банкету.

Направляюсь туда и осматриваю темное пустое помещение. Никто из дома не выходил, на улице дождь и ветер. Она не из тех, кто предпочитает прохладу, скорее солнце и тепло. Она сама часть пороков и должна всегда быть наготове.

Спальня.

Поднимаюсь на второй этаж и просчитываю, какую комнату отвели ей. Отца, конечно же. Распахиваю дверь и хмурюсь. Никого, как нет и аромата пудры или чего-то еще, присущего женщинам. Запах мужской, отцовский.

Возвращаюсь в коридор, и меня привлекает полоска света в дальней комнате с приглашающе приоткрытой дверью. Странно, я выключал лампу в спальне.

Медленно ступая по ковру, приближаюсь к комнате и осматриваю ее в щель. Не замечаю ни движения, ни шороха или чьего-то присутствия. Как и чужого аромата. Шарю взглядом по полу, чтобы убедиться, что ковер сохранил только мои следы. Кто, черт возьми, влез сюда и что ему было нужно в моей спальне?

Открыв дверь, вхожу. Вещи так и не разобраны, но есть что-то странное.

– Думала, понадобится меньше времени, чтобы вычислить мое местонахождение, мистер Рассел, – раздается голос с мягким тембром, вызывающий внутри бурю возмущения. – Вы так хотели поговорить, что я не смогла отказать. Проходите, не стесняйтесь, у вас есть десять минут до того, как ваш отец отправится на мои поиски.

Она здесь.

Резко захлопываю дверь и вижу эту женщину, расположившуюся на софе с бокалом шампанского в руках. Она улыбается, уверенная в победе. Но не так быстро. Бланш даже не предполагает, что в голове мгновенно сложился план.

Глава 4

– Итак, мистер Рассел, что же вы хотите от меня?

Она подносит бокал к губам и делает маленький глоток. Тактика. У этой женщина есть определенная тактика разговора. И соблазнения, что она и делает сейчас, играя бокалом и демонстрируя податливость и томность. Довольно глупо, потому что я не ведусь на женские хитрости.

– Это вы мне скажите, мисс Фокс. Вы оказались в моей спальне, считая, что сын в развитии недалеко ушел от отца и может быть полезен. Разочарую, я не пользуюсь услугами купленных людей. – Медленно подхожу к креслу и сажусь. Цепкий синий взгляд следит за каждым моим шагом, она пытается найти мое слабое место. Нет их.

– Тогда и мне придется разочаровать вас, сэр, вы меня не интересуете как мужчина. К тому же именно вы желали поговорить. Не отрицайте, вы за мной наблюдали, искали что-то отличное, неправильное. Так я облегчу вам задачу. Я вся неправильная, порочная и извращенная. Вместо того чтобы скрывать свои любимые качества, я лучше их продемонстрирую. – Ее чувственные губы приоткрываются в слабом вдохе, имитируя страстное желание перейти прямо к делу, точнее в постель. Прекрасная актриса, я бы даже поднялся и поаплодировал, но мне лень.

– Бланш Фокс. Отчего же не взяли другой псевдоним?

Откидываюсь в кресле и отмечаю, как она держится. Идеальная осанка, из прически не выбилось ни волоска. Женщина буквально дышит похотью. Не трогает. Но вот ее глаза не боятся смотреть в мои, доказывая – она пришла сюда, чтобы отбить мою атаку при первой же встрече. Не так глупа, как казалось. Не могу понять, что еще она утаивает, определенно в ней сокрыто многое, и я должен узнать, по какой причине мой отец стал клиентом номер один. Что кроме денег ей от него нужно?

– Фокстер – фамилия, данная мне при удочерении, я немного ее сократила. Думаю, ваш кузен уже ввел вас в курс дела, как и проверил все мои документы, хотя я исправно плачу налоги. Неприятный мужчина, надоедливый и с раздутым эго. Вы умело ставите Ларка на место, но его это не заботит. Вернемся к моему имени, раз оно вас волнует. Это ложь, но для начала беседы сойдет. Бланш появилось еще в роддоме, когда меня бросила мать. Вроде бы в ту ночь был праздник, на столе было бельгийское пиво, и меня, недолго думая, нарекли в его честь. Так и осталось, и мне имя нравится. Зачем менять то, что доставляет удовольствие, как вы считаете, мистер Рассел?

Женщина отставляет бокал, движения ее неторопливы, спокойны, и это удивляет. Она полностью расслаблена, но уверена в своих силах, ни один мускул не дрожит на лице, и даже зрачки обычного размера.

– Каждый человек что-то меняет в себе и в своем про-

шлом, чтобы появиться перед публикой, в вашем случае, мисс Фокс, перед клиентами. Это неотъемлемая часть игры, которую вы ведете с каждым из них, но со мной этот трюк не пройдет. Я спрошу напрямую, сколько? – Устало вздыхаю и выпрямляюсь. Кажется, мой ответ обескуражил ее, и женщина замирает, внимательно рассматривая меня.

– Вас интересует время, мистер Рассел? Не имею понятия, я не следила за часами. Ведь это означало бы, что мне надоело здесь находиться. Это не так, я наслаждаюсь, наблюдая за вашими попытками разгадать меня. Не утруждайтесь, это еще никому не удавалось по одной простой причине. Но вам, так и быть, скажу, иначе катастрофа, которой так опасается вся ваша семья, неизбежна. А причина в том, что я просто живу, вкушаю все краски мира и вбираю в себя страсть, ода-ривая ею избранных мужчин. Не советую пробовать, для вас это губительно и слишком сложно.

Она элегантно поднимается с софы, я делаю то же самое. Уходит от ответа, а теперь планирует побег. Возможно, бо-ится, что могу угадать что-то тайное в ней. Но не так быстро, я еще не закончил.

– Сейчас без пяти минут два, видите, вы уже утомили меня. И у вас осталось немного времени, чтобы спросить о том, на что не решались весь вечер. Ну же, мистер Рассел, не бой-тесь. Я слишком много слышала и делала, чтобы что-то меня смутило.

Она постоянно улыбается, и это жутко раздражает. Она

словно родилась с улыбкой, когда для меня это нервное поражение мышц лица. Возможно, она скрывает волнение.

– Вам следует кое-что узнать обо мне, мисс Фокс. Я не из тех, кто боится, наоборот, мне это незнакомо, и ваш гипноз не подействует. Ответьте на мой вопрос, от которого решили ускользнуть, и мы все решим любовно. Здесь и сейчас. Иначе мне действительно придется совершить что-то страшное, что подорвет ваш авторитет и понизит планку. И вы, вероятнее всего, исчезнете, так как не сможете справиться с давлением и унижением.

Делаю к ней шаг, и она поднимает голову, чтобы удержать зрительный контакт. Ее зрачки не расширяются при моем приближении, а я втягиваю в себя слабый аромат ванили и орхидеи. Никаких духов, она ими не пользуется. Гель для душа или мыло, не более. Удачный ход, ни одна жена по запаху не догадается о наличии любовницы.

– Испугались, мисс Фокс. Молчите, тянете время, чтобы поскорее покинуть комнату и сбежать к своему спасителю? – едко усмехаюсь.

– Ох, так вы пугали меня? Не заметила. Простите за нераспорочность, но я лишь ждала завершения вашей мысли. Точнее, хочу, чтобы вы сказали все сразу, не размениваясь на умозаключения, которые в корне неверны. – Она играючи немного склоняет голову набок.

Ловлю себя на мысли, что Бланш действительно хорошо понимает людей. Знает больше, чем я предполагал, и, воз-

можно, умнее многих. Но все же она женщина, а не социопат вроде меня.

– Сколько вы хотите, чтобы сейчас же сложить вещи и убраться из этого дома, забыв навсегда о моем отце, и больше никогда не попадаться мне на глаза?

– Ну же, продолжайте, вы не закончили, – быстро шепчет она, и ее глаза вспыхивают бликами интереса.

– Десять тысяч.

– Еще.

– Двадцать.

– Ох, какая щедрость!

– Пятьдесят и ни пенни больше, – ставлю точку в споре. Она на секунду замирает, даже обиженно отшатывается и прикладывает руку к обтянутой черной тканью груди.

– Остановимся, а то вы разоритесь. Решили, что меня волнуют цифры, мистер Рассел? Это ваша первая ошибка. Я богата. Слишком богата для шлюхи и могу жить, где захочу и как захочу, не заботясь о заработке. Вторая ошибка: меня не возбуждают деньги, это было в прошлом, сейчас все изменилось. Вы так слепы и прозаичны, что мне даже скучно. Я предполагала увидеть удивительного и соблазнительного психопата, каким вас описывали. Обидно. Я возложила на вас столько надежд, а вы ни одной не оправдали. Скучно, мистер Рассел. – Она смеется, огибает столик, но я перекрываю ей путь.

– Сто тысяч, – рычу, не позволяя ей уйти и сорвать мой

план.

– Проверьте слух, сэр, мне не нужны деньги. – Ее глаза испускают опасный холодный блеск – вот она настоящая. Взгляд становится пронзительным, резким и острым. Сейчас я вижу женщину, у которой есть цель. Но что это за цель?

– Что ты хочешь, Бланш? Я могу исполнить любое желание. Мои возможности безграничны, – меняю тембр, вплетая чувственные нотки, так любимые всеми женщинами.

– Жаль, передо мной обычный мужчина с кучей комплексов и таким же раздутым эго, как и у его кузена. Это навеивает на меня сон. Где же ваша искра, мистер Рассел? Ах да, у вас ее нет, только проблемы с восприятием и уверенность, что у вас есть власть. Ложь. Вы не имеете ничего, что могло бы меня заинтересовать. Ваше время вышло, сэр. – Она делает шаг в сторону, и я туда же.

– Ты оскорбилась, Бланш? Наконец-то! И что же тебя вывело? Упоминание, что в этом мире доминирует мужчина, или то, что не все опускаются на колени перед тобой? Или, вероятнее, эта злость из-за невозможности завладеть моим разумом и узнать слабые стороны. Я тоже открою тебе секрет: у меня их нет. Так какой следующий ход?

И снова спокойствие, хотя еще несколько секунд назад ее глаза горели, а сейчас погасли.

– Я не прочь опуститься на колени, мистер Рассел. Мне нравится это делать, только если меня удастся покорить. Обожаю стоять на коленях у ног мужчины, доставлять ему

наслаждение. Я живу этим, дышу страстью. Я рождаю ее и окрашиваю скучные цвета, которыми вы наполнены, — она шепчет каждое слово с чувством, отработанным годами.

Оно сводит с ума многих. Не меня. Я раздражен и желаю найти хоть какой-то надлом в ее броне, но его нет. И это странно. Чертовски странно, что она закрыта.

— Бланш, на меня это не действует.

— А кто вам сказал, что я хочу воздействовать на вас, сэр? Это диалог, к вашему сведению. Вы говорите, я отвечаю, и так по цепочке. Ход? Продолжать получать удовлетворение, чем вы похвастаться не можете. И разочарую вас вновь, слабости есть у всех, тем более у вас. Только они меня не интересуют. Вы меня не интересуете, — четко выговаривает последнее слово, и это снова раздражает.

— Прекрасно, потому что в тебе я женщины не вижу, только человека, разрушившего брак родителей и подвергнувшего меня обсуждению. Я этого не люблю и не позволю, чтобы кто-то это сделал. Особенно женщина.

— Вы даже себя не любите, мистер Рассел. Откройте же глаза, осмотритесь, и поймете, что мир принадлежит не вам. Люди устают от вас, научитесь общаться, а не требовать. Это поможет. Хотя нет, вам ничто уже не поможет.

— Наглость в тебе зашкаливает, Бланш. Ты не понимаешь, с кем говоришь, верно? Не знаешь, какое положение я занимаю в парламенте и что по моему щелчку тебя задавят?

Да, я нападаю, чтобы вызвать в ней эмоции. Но их нет,

ни одной. Женщина даже не дергается, когда я накрываю ее своей тенью и смотрю сурово. Она улыбается, глубоко вбирает воздух и выпускает его из приоткрытых губ.

– Угрозы – неверная тактика ведения любого дела, сэр. Уж кто-кто, а вы должны знать. Так что это напыщенное щекотание нервов – фарс. Вы уязвлены и раздражены, не в силах получить сразу то, что запланировали. И не получите, если я не захочу. А я не хочу, поэтому не пугайте меня, страх – лишь отголосок страсти, в вас ее нет.

– Думаешь, что угадала мои мысли? Но даже я им не доверяю и могу совершить то, что вспыхнет в голове, как поступает психически неуравновешенный человек вроде меня. Не стоит со мной воевать, Бланш, ты проиграешь.

Она даже не слушает. Разглядывает мое лицо, ее взгляд останавливается на губах, затем медленно поднимается к глазам.

– Проигрывать тоже нужно красиво и с чувством, мистер Рассел. И я с удовольствием проиграю достойному противнику, чтобы смиренно опуститься перед ним на колени. Это будет самая великая победа. Моя победа над опасным врагом, ведь он даже и не узнает, что моя мечта – быть покоренной, превратиться в рабыню похоти и страсти только для него. Но в вас я не вижу такого мужчины, к вашему огорчению, а всего лишь избалованного властью человека, считающего, что никто не сможет ему противостоять. Только вот я больна не меньше вашего, сэр, и это не позволит вам узнать,

что сейчас происходит в моей голове, кроме извращенного желания вернуться к Тедди и насладиться его эмоциями. — Она замолкает и тут же продолжает: — У меня нет для вас больше времени, и я отвечу на следующий ваш вопрос. Нет. Я отказываю вам, мистер Рассел. Заранее. Вы слишком скучны, в вас нет загадки, все лежит на поверхности. Ваш ум развит намного больше, чем у других, и это могло бы сыграть вам на руку, если бы вы умели полностью им пользоваться. Но, увы, вы отрицаете то, что подарено самой природой, отрезав себя от мира, который обогатил бы вас еще больше. Это на самом деле кощунственно, такой мужчина и настолько скуп на эмоции. Что на вас так повлияло? Ответ вы знаете, только боитесь принять его. А меня это не волнует, я пришла сюда, чтобы дать вам возможность понять — я отказываю вам. Доброй ночи, мистер Рассел, пусть она подарит вам самый жуткий страх, который вы отвергаете.

Она складывает губы и целует воздух между нами. Нагло. Дерзко. Неправильно. Обдает меня ароматом орхидеи, вонючего мертвого цветка, и мягко закрывает за собой дверь.

Что, черт возьми, происходит? Почему за такое долгое общение я не смог даже определить, к какому типу она относится? Хищница. Но этого мало. Она угадывает мои действия прежде, чем я подумаю о них. Это моя прерогатива, никто еще так быстро не просчитывал мои желания, особенно женщины. Они вообще не думают, а эта буквально ведет меня за собой. Конечно, отец мог рассказать про меня, и те-

перь у нее есть преимущество. Что ж, ночь еще не закончилась, и вряд ли я буду сегодня спать, потому что предстоит долгая работа. Для начала я должен поговорить с отцом и надавить на него.

Подхожу к столику и беру в руки оставленный ею бокал.

Итак, что мы имеем? Появилась в то время, когда меня отослали по важным правительственным делам, связанным с вычислением шпионов и внедрением наших людей. Министр? Их слишком много, чтобы определить точно, и все они довольно примитивны, постоянно пользуются покупкой женского тела. Америка. Кто был там три года назад? Шестеро. Круг сужается, это позволит увидеть картину в целом. Трое из военного ведомства, секретарь казначейства – точно нет, как и двое других. Вот те трое могли привезти в Лондон проститутку, у них всех странные вкусы. Предпочитают унижение в постели – каждый прятал под рубашкой следы от веревок и наручников. Но надо искать самого жестокого и безнравственного, именно такие становятся лучшими рабами. Есть. Джон Уилсон. Шестьдесят пять лет. Женат. Двое детей. Один из самых закрытых и неприятных, но умных мужчин в парламенте. Он привез сюда Бланш Фокс. И нет, она ему не надоела – потребовала найти ей новых клиентов. Уилсон – раб, должен следовать всем приказам своей госпожи, что он и сделал. «Утка» про самоубийство, огромный выбор кандидатов и его покровительство. Если он оценил, то и другим понравится. А дальше ей уже не требовалась помощь Уил-

сона, эта женщина начала собирать свою коллекцию пэров и министров. Ларк по понятным причинам увлекся ею – отказ усиливает желание получить товар, чем бы ни пришлось пожертвовать. Предполагаю, что из-за ревности, вызванной демонстративным поведением Бланш и полной заинтересованностью моим отцом, он не упомянул, что она все же позволяла ему общаться с собой, тем самым удерживая рядом на коротком поводке.

Продуманный ход игры, которую она постоянно ведет со всеми. Вроде бы отказывает, но дарит надежду, призрачную и бессмысленную. Бланш быстро понимает, что может дать ей клиент, и меняет решение в пользу самого выгодного. Думаю, насчет денег она не лгала. Ее услуги стоят дорого, как и сохранение их в тайне. Умно, не спору, но примитивно. Выходит, сейчас у нее новая цель, продиктованная кем-то, скорее всего Уилсоном. Он все распланировал, желая добиться отставки отца, чтобы на его место посадить своего человека и иметь доступ к файлам казначейства и налогового ведомства. То есть тоже деньги, ведь отец работал честно, при нем ни разу не было ни утечки данных, ни воровства. Ларк сыграл Уилсону на руку, познакомившись с той, кого он подослал к отцу. Теперь же эта женщина полностью завладела сознанием моего родителя, он легко отказался от места ради возможности проводить время с ней. Все просто. Она не только убрала лишнего человека для своего главного клиента, но и получает огромные деньги, держа отца под каб-

луком. Если он один из тех мужчин, кто предпочитает быть униженным, то это может отрицательно сказаться и на мне, приведя к отстранению от работы. Хотя у меня тоже есть покровитель. Дядя. Он не допускает внедрения в наш отдел, с Уилсоном у него напряженные отношения. Значит, следующим должен стать он.

– Вот твоя тайна, Бланш, ты убираешь неугодных тому, кому должна за свое положение и состояние счета. Ты работаешь на него. – Усмехаясь, прикасаюсь губами к отпечатку помады на бокале и делаю глоток выдохшегося шампанского.

Остается прояснить еще один момент. Они встретились полгода назад, и Ларк должен был выложить подозрения своему отцу – старшему брату моего. Но он ничего не предпринял, потому что его мало заботит чужая судьба. Нейсон, как и я, считает, что каждый вправе совершать ошибки, мы лишь можем наблюдать за последствиями и защищать себя. Никто из нас не помешал бы развитию отношений Бланш и отца по одной простой причине – нам плевать на родных, потому что у нас иная цель.

Единственное, что не дает покоя, – мать. Она не так глупа, прожила с отцом много лет и изучила его повадки. Вероятнее всего, она понимала, что он встречается с другой, и должна была уточнить у Нейсона. Она одна из немногих женщин, с кем дядя общается, ей он не солгал бы. Значит, она позволила отцу развлекаться, ожидая какого-то события, чтобы

сделать решающий ход. Развод. Смиренно наблюдала за происходящим, не делая попыток остановить, пока отец официально не заявил, что имеет любовницу. Мать действительно хотела расстаться с отцом, но желала выглядеть жертвой, чтобы никто не осудил за недостойное поведение. У нее тоже есть любовник, поэтому ее не волновало, чем занят отец. И все это произошло за два года моего отсутствия, словно они ждали отъезда, чтобы начать кампанию по разрушению семьи. И я должен узнать, кто подсказал матери, что Бланш идеальное оружие, которое убьет нескольких зайцев сразу.

Оставляю бокал и выхожу из спальни. В доме все стихло, слышно только, как рабочие двигают мебель вниз, и отголоски разговоров. Снова на раздумья ушло больше времени, чем хотелось бы. Ничего, придется разбудить мать и потребовать ответов. Ее комната всегда была рядом со спальней отца, и мне не нужно прилагать усилий на поиски.

Свет горит, выходит, она не спит. Спряталась, ожидая чего-то или кого-то. Кого?

Нажимаю на ручку и вхожу в спальню, тут же закрывая за собой дверь.

– Обычно люди стучат. Хотя вы, мистер Рассел, предпочитаете считать себя необычным, так что в вашем понимании вторжение – допустимое нарушение этикета. Не так ли?

Мой взгляд моментально находит обладательницу мягкого глубокого голоса.

Обнаженная, она стоит ко мне спиной, протирая влажные

волосы полотенцем. Наши глаза встречаются в зеркале туалетного столика из темного дуба, и я вижу свое отражение, удивленное и обескураженное лицезрением женского тела с изящными изгибами.

Что за чертовщина здесь происходит?

Глава 5

Женское тело для меня всегда было чем-то вроде скелета, который изучают на уроках анатомии. И меня не волновало, какого размера грудь или бедра, длина ног, пропорции. Мой организм не посылает никаких импульсов возбуждения в головной мозг, это часто было предметом насмешек брата и кузена. Я не имею понятия почему, но факт остается фактом.

Обнаженная женщина с копной влажных черных волос поворачивается ко мне, демонстрируя гладкую бархатистую кожу медового оттенка. Не стесняясь наготы, продолжает улыбаться, предлагая оценить высокую грудь с выпуклыми горошинами сосков, плоский живот, на котором играют блики слабого освещения, и отсутствие волос ниже. Наверное, это удивляет больше всего. Признаюсь, удивить меня сложно, но в моем представлении на лобке должны быть волосы. На эротических фото, которые я видел еще в школе, у всех женщин там было густо. А у нее ничего. И это так идеально. У меня есть возможность разглядеть ее половые губы, похожие на закрытый бутон. Нет, меня не покорить этим, но все же я поражен, что женщина может быть такой гладкой. Интересно, как ощущается это под пальцами? Чувствуется шероховатость или нет?

— Вряд ли там что-то отличается от других женщин, мистер Рассел. Не уверяйте меня, что вы никогда не видели де-

вичьих гениталий. Или вы сравниваете? – Насмешливый тон заставляет поднять голову и встретиться с взглядом наглых синих глаз.

– Не хочешь прикрыться? – Прочищаю горло и складываю руки за спиной.

– Нет. Масло, смягчающее кожу, должно впитаться, жалко пачкать дорогую ткань халата. Вы пришли поговорить о моем теле или же придумали что-то еще, мистер Рассел? Решили повысить ставки? Не утруждайтесь, мой ответ не изменился.

Она вновь принимается сушить волосы полотенцем, немного склоняясь набок, и грудь ее колышется при каждом движении. Никакого стыда. А чего ожидать от шлюхи? Не целомудрия же и здравого смысла. Она такая, какой и должна быть порочная любовница.

– Я пришел поговорить с матерью. Где она? О нет, какая гадость, ты это и с ней делаешь? Взяла в оборот семейную пару? – кривлюсь я от догадки.

– А говорят, вы понятия не имеете, что такое оргии, – смеется она и отбрасывает полотенце на пол. – Нет, можете быть спокойны, мистер Рассел, ваша мать не была в моей постели, хотя она не против. Это я знаю наверняка. Легко понять тайные желания человека, угадать, о чем он мечтает, что видит в снах. По моему опыту, все женщины би. Только кто-то честно признается в этом, а кто-то мучается несбыточными грезами, приводя себя к разрушению и отсутствию на-

слаждения вовсе, — добавляет она, продолжая улыбаться, и медленно поворачивается к столику.

— Меня не интересует твой опыт, Бланш. Где моя мать, и по какой причине ты находишься в ее спальне?

— Так вас не предупредили? — Она изгибает черную бровь и, подхватывая какой-то тюбик, выдавливает гель на ладонь.

— Нет.

— Ваша матушка больше не является женой Тедди и не имеет права занимать спальню супруги. Ваши британские семейные кодексы очень утомительны, я в них глубоко не вдавалась, но мне любезно предложили занять эту комнату, пока я здесь. Довольно мило, не находите? — Она втирает в волосы вязкую жидкость, от которой и исходит аромат ванили. А у масла нотки орхидеи.

— Нет, не нахожу. Ты выселила мою мать и еще смеешь так язвительно говорить об этом? Чего ты добиваешься, Бланш? Какое задание дал Уилсон?

Как только я произношу это имя, руки женщины замирают, и она оборачивается ко мне. Зрачки расширены, хотя других подтверждений меткого попадания в цель не наблюдается. Никакой дрожи от страха, никакого нервного подергивания губ, только спокойствие и смех. Да, смех, который она сдерживает.

— Уилсон? Вы только сейчас вычислили моего друга? Теряете хватку, мистер Рассел. Я никогда не скрывала, что это Джонни предложил отправиться в увлекательное путе-

шествие. Наоборот, об этом начали говорить, как только наш самолет коснулся английской земли. Ревность жены, угрозы детей, были даже покушения на меня. Это так интересно, вы не представляете. Увы, вскоре он наскучил, пришлось ему отказать.

– Ложь. Ты работаешь на него. Из-за тебя мой отец ушел в отставку, чтобы освободить дорогу одному из людей Уилсона и наконец-то добраться до денег. Не делай из меня идиота, Бланш. Хотя я терпеть не могу людей, но слежу за ними и замечаю больше, чем ты можешь представить. И хочу получить ответ, пока не поделился своими умозаключениями с более высокопоставленными людьми, чем твой покровитель. Но все же я позволю тебе скрыться, даже помогу, если услышу честный ответ.

Требовательно подхожу к ней. Она даже не дергается, стоит передо мной обнаженная, с блестящими глазами и приоткрытыми пухлыми губами. Без косметики она выглядит моложе, я был прав, у нее правильный образ жизни, она следит за собой. Могу даже добавить, что с маниакальной тщательностью, вспомнить только отсутствие волос между бедер. Извращение. Наверное. Не знаю. Я должен сконцентрироваться на другом.

– Можно?

Она делает шаг, ее соски соприкасаются с моей сорочкой, нарушая личное пространство. Ее аромат тяжелой дымкой окружает нас, воздействуя на мозг, но мой устроен иначе, и я

лишь наблюдаю, как молекулы забивают мелкие поры, но не достигают цели. Рука Бланш тянется к моей, заложенной за спину, и я чувствую, как влажные теплые пальцы касаются кожи.

– Что...

– Тише, мистер Рассел, помните, как мужчина вы мне неинтересны, но я вам кое-что покажу, – шепчет она и сильнее тянет мою руку к своему телу. Странная женщина.

Позволяю раскрыть мою ладонь и положить ее на место между грудей, где меня ударяет стук ее сердца. Не помню, чтобы когда-то касался женского тела, ненавижу его, как и людей в принципе. Мне некомфортно, это начинает меня душить.

– Вы сделали неверный вывод, мистер Рассел. Я шлюха, которой оплачивают ее работу, чтобы ваш отец был удовлетворен и счастлив. С Джоном мы давно не виделись, даже если встречаемся, то времени на разговоры нет, только на получение того, чему я обучена. Ни о каком заговоре против вашего отца речи не идет. Я не собираюсь лезть в политику, она меня не возбуждает. Теперь вы понимаете, что я говорю правду. Какой пульс?

– Семьдесят три удара в минуту, – моментально отвечаю. – Но это ничего не доказывает. Только то, что ты умеешь держать себя в руках и не поддаваться панике. Меня этим не удивить. И правду я узнаю. Да, на это уйдет какое-то время, но я буду все знать, и тогда пульс изменится. Наде-

юсь, что пропадет вовсе.

Резко дергаю рукой и отступаю. Ладонь неприятно покалывает, такое чувство, что меня испачкали или оставили клеймо на коже. Терпеть не могу, когда ко мне прикасаются. Ненавижу, когда трогают и заставляют ощущать чужое дыхание рядом. Гадость.

– Вы можете проверять сколько угодно, но только потеряете время. Не советую искать то, чего изначально нет. Хотя вы сделаете так, как вам подскажет разум. – Женщина усмехается и направляется к шкафу. – Вы девственник, мистер Рассел?

От наглого вопроса я поджимаю губы, не понимая, почему до сих пор стою в спальне, поменявшей хозяйку. Нет, я не позволю мисс Фокс стать для отца чем-то большим, чем шлюха. Я уверен в своих домыслах, просто необходимо найти еще зацепки, чтобы доказать это и раздавить ее.

– Тебя это не касается, – отрезаю я.

– Нет, не девственник, – продолжает она и набрасывает на себя шелковый белый халат. – Предполагаю, у вас не было секса около пятнадцати лет. Вы, скорее всего, не в курсе, что ваш член забыл о своем существовании. Утренняя эрекция для вас – повод сходить в туалет, а возбуждение – незнакомое явление. Не так ли? Иногда вы прибегали к онанизму, но тоже давно. Лет пять назад. Плохо, мистер Рассел, для вашего здоровья плохо.

Совершенно противная лекция, как и лектор, читающий

нотации. Но она точно угадала. Именно так. Я не думаю о том, что между ног у меня или у женщин.

– А частый обмен тела на деньги не приводит к ранней смерти, Бланш? Сколько было случаев, тебя не волнует? – с отвращением цежу я.

– Вы считаете, что секс – неотъемлемая часть каждой моей встречи? Ох, нет, мистер Рассел. У вас отсталое развитие в этом вопросе. Могу посоветовать нескольких девочек, они с удовольствием покажут, как обращаться с членом и что он вообще может. Вы удивитесь. – Она хохочет, явно издеваясь надо мной.

Я не сторонник насилия. Хотя нет, лгу. Сторонник. Порой только силой можно выбить признание, и меня не волнует, кто передо мной. Мужчина, женщина, ребенок. И сейчас во мне бурлит желание схватить Бланш за волосы и ударить об стену, чтобы выпытать, зачем она появилась здесь. Я ее ненавижу, она вызывает во мне самые гнусные и опасные позывы, а это может привести к новому сбою системы.

– Если ты уверяешь, что никакого задания от Уилсона по поводу отца у тебя нет, то ты согласишься на мое предложение. Сто тысяч, и я познакомлю тебя с более богатым клиентом. Твой ответ? – спрашиваю сквозь зубы.

Смех стихает, осталась слабая улыбка. Зрачки сужаются и вновь являют мне скуку. Да что же это, черт возьми? Что ей нужно? Как только я упоминаю о деньгах, за которые она работает, живой блеск глаз тут же меняется на утомленный!

– Нет. Мой ответ – нет, мистер Рассел. Я столько раз сегодня это произнесла, что боюсь полностью в вас разочароваться. Не стоит, правда, не унижайтесь сильнее. Вы так и не поняли, чего я хочу? – Она тяжело вздыхает и делает шаг ко мне.

– Расскажи.

– Страсть. У меня обеспеченные приемные родители, я жила как принцесса, но этого мало. Я задыхалась от скуки. Мне необходимо движение, знания, и я нашла то, что меня возбуждает и делает еще более безумной, чем раньше. Я по вкусу спермы могу определить будущее мужчины и сколько он проживет, и это увлекательнее, чем деньги. У вас нет ничего, что вы сможете предложить мне, понимаете? Я обожаю быть удовлетворенной, мне всегда этого не хватает. И даже сейчас, хотя Тедди отлично поработал языком, я хочу еще, хочу погибнуть в руках мужчины от нескончаемого потока оргазмов. Хочу, чтобы он сделал со мной то, что не делал ни один. Хочу быть рабыней. Хочу стать сумасшедшей и наполненной до краев, умирать медленно и с улыбкой наслаждения на губах. Хочу слышать, как стук сердца взрывается в голове. Хочу взлететь и рухнуть. Хочу, чтобы меня имели так жестко, чтобы каждая мышца выла от боли и умоляла продолжать. Вот чего я хочу.

Пока она говорила, я неотрывно смотрел в ее глаза. С каждым словом зрачки расширялись все больше, словно от наркотика. Да она зависима! Вены чисты, она не наркоманка,

выходит, ее организм устроен неправильно, сейчас не могу даже вспомнить, встречал ли нечто похожее.

— К сожалению, Бланш, такого мужчины не существует, — подаю я голос. Сглатываю от сухости во рту и этой ядерной смеси ее аромата, который опять забирается в мой разум.

— Надеюсь, вы ошибаетесь, мистер Рассел, и когда-нибудь я найду его. И с того момента меня больше никто не увидит, потому что я ничего не захочу. Только его. Сейчас у меня все есть, это навеивает скуку, и я устала от нее, да и от вас тоже. Почему вас называют неординарным психопатом, если вы так тривиально мыслите, что не замечаете очевидного? Я отказываю вам в любом случае и в любом предложении, потому что вы никогда не сможете подарить мне то, что заставит меня остановиться.

Она цокает языком и отходит. Обижает ли меня это? Нет. Только не понимаю, почему чувствую к ней жалость. Да, именно жалость. С этим чувством я познакомился давно, и сейчас оно вновь ярко вспыхнуло и тут же угасло. Слишком много энергии идет от этой женщины, она специально путает меня, и я поддаюсь, потому что до этого времени не встречал такой, как она. Следует уйти и все обдумать, распланировать, запросить дело Бланш Фокс и изучить. Проверить догадки, а не стоять посреди спальни и смотреть, как женщина опускается на кровать и поворачивает ко мне голову.

— Что-то еще, мистер Рассел? Если нет, позвольте мне отдохнуть. Завтра предстоит сделать невозможное, и я пред-

почла бы набраться сил. Да и Тедди должен вернуться.

– Зачем это делать? Какой смысл? Признаю, ты необычная женщина, и я мог бы предложить тебе более выгодное дело, чем продавать себя и лгать о том, что ты ищешь. Нет, тебе необходимо другое, и в моих силах это дать, а ты обменяешь на то, что удовлетворит меня, – решаю зайти с другого фланга.

– Ложь. Снова ложь, мистер Рассел. Вы лжете мне, я могу лгать вам, и так до бесконечности. Только у всего есть конец.

– С чего ты взяла, что я лгу? И в чем? – искренне удивляюсь, когда она поднимается с постели и подходит ко мне.

– Во всем. Вы не из тех людей, которые делают то, чего не хотят. Вас сложно заставить следовать чьим-то желаниям, всегда считаете себя умнее других. Но все же вы здесь, на празднике, в окружении людей, которых терпеть не можете из-за своей особенности и психического отклонения. Вы считаете так, но это ложь. Вы здесь, потому что часть вашей еще живой души тянется к тому, что вы знали ранее. Вы боитесь умереть внутри, поэтому всегда оставляете дверь немного приоткрытой, чтобы была возможность вернуться. Вы не можете уйти отсюда, потому что не только не получили желаемого, но и узнали, что не так умны и ваши ходы легко разгадать. У вас ледяные глаза, но в то же время они рассказывают о боли и страхах. Я для вас – один из них.

– Ты мой страх? И чего я должен в тебе бояться? – интересуюсь. Какая же она глупая! Ну как можно мыслить на-

столько неразумно и иррационально, чтобы прийти к выводу, что эмоции существуют. Да нет их, нет. Потерял.

– Признайтесь, что не имеете никаких фобий и отклонений. Вы всего лишь очень целенаправленный человек, предпочитающий все доводить до конца. Да, вы умнее большинства мужчин и развиты, но благодаря собственному характеру, а не заключению врачей. У вас есть то, что вы предпочитаете скрывать ото всех, даже от себя, потому что узнать правду бывает страшно. И во мне вы видите опасного соперника. Только в чем причина войны, которую вы объявили? За что мы боремся, мистер Рассел?

Ее голос тих и печален, но я не верю. Она так же завуалированно оскорбляет меня, как я делаю с другими. Она пытается вытянуть из меня какие-то полезные сведения, чтобы удержать отца, но я все понимаю и могу легко увильнуть от ее плоской игры.

– За право существовать, Бланш. Этот мир на том и построен. Или ты убьешь, или тебя. Другого не дано. Пока на твоей совести множество смертей, как и на моей. Только я не позволю тебе до меня добраться.

– До вас? Господи, вы снова о себе! Как же вы непонятливы. Мне плевать на вас и на то, кто вы такой. Меня не волнует, сколько денег у вас на счету и каковы ваши возможности. Вы даже не человек, поэтому успокойтесь, ваше эго пора бы сдуть и понизить планку самоуверенности. Вас избаловали. Но я великолепно орудую кнутом, мистер Рассел, и

легко сбиваю спесь с таких, как вы, если меня это интересует. И сейчас я докажу, что вы для меня – пустой звук и никак не влияете на ход моих мыслей. – Она решительно выпрямляется и нагло улыбается мне. – Я всегда составляю договоры со своими клиентами. Контракт с Тедди завершается завтра ночью. И я еще не приняла решения, продлевать его или нет. Возможно, я уже нашла клиента, более подходящего под мои требования, а может, продолжу игру с вашим отцом. Кто знает, куда моя страсть повернется завтра. Да, вас это распалит еще больше, но, поверьте, что бы вы ни предприняли, меня не затронет. Только вашего отца. Выбор за вами, решите, кто вы, человек или машина для разрушения личности близких людей. Я позволила вам показать, что еще вы придумаете за полтора часа, и выходит, ничего разумного. А сейчас приготовьтесь, мистер Рассел, потому что мы ждем гостя, – и только она произносит последнее слово, как через секунду дверь за моей спиной распахивается.

– Милая, прости, что так долго, но я не нашел ничего сосудорасширяющего, только обезболивающее... Эйс? – Голос отца замирает, когда я поворачиваюсь к нему, стоящему в одном халате и с аптечкой в руках.

– Я приняла душ, вроде стало легче, не волнуйся.

Она знала? Но как? Я сам не предполагал, что приду сюда. Черт! Бланш специально запутала меня, дала возможность отследить цепочку и была уверена, что я подумаю о любовнице матери и отправлюсь к ней. Подгадала время... Как ей

удалось?

– Хорошо. Что ты здесь забыл, Эйс? – грубо спрашивает отец.

– Он перепутал комнаты, ведь раньше спальня принадлежала Алисии. Но твой сын остался дожидаться тебя, чтобы обсудить кое-что, – отвечает за меня Бланш.

Проклятая женщина! Смотрит с таким триумфом, что все внутри бунтует. Меня провели? Да никогда. Наверное, ослабился из-за глотка шампанского. Что там было? Она не просто так оставила бокал, а добавила что-то, что позволило ей вести меня за собой. Идиот!

– Давай завтра. Я устал, да и Бланш переутомилась, ей следует лечь спать и отдохнуть, – недовольно обращается ко мне отец.

На пальцах остался пепел. Его задержали две сигареты, которые он втайне выкурил, так было всегда при матери. Уверен, эта женщина отвергает табак и не подпускает к себе тех, кто может нарушить ее аромат. Слишком щепетильна. Помимо курения отец выпил и вновь захмелел. Халат смят, значит, сидел в кресле, на левой стороне глубокие складки на ткани. Глаза отца слезятся и покрыты невидимой сонной дымкой. Он задремал. Бланш и ему что-то подмешала, чтобы я увидел ее обнаженной, возможно, поддался соблазнению.

– Интересно, от чего вы устали, сэр? От виски или сигарет, а может, от плети и рабства? С днем рождения, – бросаю я с кривой ухмылкой и выхожу из спальни.

Вот же стерва! Оставила лакомый кусочек на десерт, чтобы не дать возможности потребовать не подписывать контракт. Но в то же время подарила мне новую главу этой войны. И не я ее начал, а она, потому что ей скучно. Что ж, с удовольствием покажу, что скука — самое опасное в этом мире. Не позволю отцу вновь предложить ей контракт, как раз займусь этим. Выспался я в самолете, и у меня огромный запас времени, чтобы вымыть из крови ядовитый глоток шампанского и подготовиться.

Глава 6

Мощные капли дождя бьют по стеклу, создавая изящный и неповторимый рисунок на окне. Провожу их взглядом – плавные линии превращаются в острые, опасные, смертельные. Удивительно, насколько природа прекрасна в своем молчаливом монологе.

На моей памяти в тупике я был только раз, когда не мог вспомнить, кто такая Джульетта. Это имя врезалось в память, но кому оно принадлежало, я не знал. Змея, как объясняли брат и сестра, а затем подтвердили родители. Когда мне было семнадцать, у меня была змея, которую я нашел около озера в поместье. Забрал к себе и ухаживал за ней, она была для меня игрушкой и подопытной. Но потом она пропала, я забыл о ней, а имя осталось в памяти. Воспоминание вернулось ко мне в двадцать три, после завершения первой ступени высшего образования и перехода на следующую. То время я часто проводил с дядей, он учил меня, помогал и открывал во мне новые и новые возможности, чтобы расширить мозговую деятельность.

Сейчас я вновь в тупике. Есть имя, точные данные, ошибочные суждения, и это приводит к неутешительным мыслям. Место отца до сих пор не занято, в данный момент за его работу отвечает временный служащий из тех, кого я хорошо знаю. Уилсон в Лондоне и в эти минуты пьет чай.

Ничего из предполагаемого не произошло. Но я никогда не ошибаюсь, в том-то и загвоздка. Единственное, во что я верю из неосязаемых ощущений, это интуиция. И она требует продолжать давить на Бланш, чтобы вытащить из нее информацию. Она точно на кого-то работает и связана с политическими решениями. Даже разговор с дядей не помог – он абсолютно уверен, что нам ничего не грозит, но я чувствую иное. Что-то грядет, и оно изменит будущее. Что? Дядя спокоен, по идее я не должен волноваться о завтрашнем возвращении в парламент. Нейсон посоветовал позволить отцу сделать то, чего он искал, и не мешать Бланш, так как эта женщина имеет своеобразную модель поведения. Она с усердием добивается того, что ей запрещают, и выигрывает. Поэтому проще позволить ей заскучать, затем вернуться, чтобы вступить в новую игру, и все же довести дело до конца.

Раздается стук, посетитель нажимает на ручку двери и входит в спальню.

– Добрый день, сынок. Я решила уладить наши разногласия. Я скучала по тебе. – До меня долетает тихий голос мамы и в считанные секунды вызывает раздражение.

– Не делайте этого, мадам. Не стоит менять суждения из-за того, что я не принимаю действительность таковой, какая она есть. Это унижительно.

Медленно оборачиваюсь к женщине в бежевом кашемировом свитере и темных брюках. Она изменилась больше, чем я заметил в первый раз. Она продолжает работать над

собой, и выводы, которые я сделал за эту ночь, подтверждаются.

– Эйс, хватит. Тебе придется принять тот факт, что мы с отцом расстались и не собираемся жить вместе. И я не против их отношений с Бланш. Можешь думать все что угодно, но это ничего не изменит. – Голос меняется, становясь грубее, демонстрируя уверенность и противостояние моему авторитету. Лишнее. Я не для этого ждал ее здесь.

– Ты не завтракал, даже не спустился. О тебе спрашивают. Через полчаса все отправятся играть в поло. Ты будешь там? – добавляет она, не спрашивая, а требуя.

– Все зависит от вас, мадам. Ответите ли вы честно или со врете, – спокойно отзываюсь, наблюдая, как в ее глазах проскальзывают блики страха. Она сглатывает, немного потеет. Это так утомительно – они считают, что меня можно легко провести? Только не тем, кого знаю всю жизнь. Да, признаю, Бланш пока ведет в нашей игре, но я не собираюсь отступать. У меня новый план, но сначала нужно услышать подтверждение из уст матери.

– Как долго продолжают ваши отношения с любовником? Кто он?

– У меня никого нет, – моментально отвечает мать и судливо двигает шеей.

– Сейчас – возможно, но был. Не тяните время, мадам, лучше отвечайте, и мы перейдем к следующему вопросу. – Она так нервничает и опасается меня, что вызывает раздра-

жение. — Хорошо, не хотите сами, придется мне. Со своим любовником вы познакомились задолго до падения отца, от которого не знали ни любви, ни ласки, исполняли супружеский долг и чахли как женщина. Но однажды решили, а почему бы и не позволить себе лишнего, все равно муж ничего не заметит. Отсюда изменения в облике — покраска волос, инъекции, подтяжка кожи, иной выбор цвета в одежде и макияжа. После этих ухищрений вы познакомились с ним лично, желая продемонстрировать вашу красоту. И он ее увидел. Отношения начались бурно и продолжались, пока вам не надоело. Вы точно знали, где и когда появляется ваш муж, и в тот вечер из-за жуткой головной боли, которой не было, не присутствовали на приеме, хотя это было вашей прямой обязанностью. Мне продолжать или вы сами? — Замолкаю, позволяя ей закончить мою речь, но мать стоит не двигаясь, лишь бледнеет сильнее. — Вы знали, что Ларк добивается возможности попасть в постель к Бланш, и это позволило осуществить ваш план. Он познакомил ее с отцом, а дальше эта женщина сделала все сама. Предполагаю, вы изучили всех великосветских продажных женщин и остановились на ней, чтобы она освободила вас от оков брака. К тому же любовник вызывал у вас желание быть свободной и открыто встречаться на публике. Вы заключили с Бланш договор, по которому она должна была соблазнить вашего мужа, а вы бы их застали. Далее споры и развод. Вы получаете содержание, выглядите жертвой вожделения неверного супруга и нахо-

дите утешение в объятиях другого. Но вы не предполагали, что отец решит уйти с поста, потому что не знали, насколько Бланш Фокс втянута в заговор против него, верно? Теперь вам не остается ничего другого, как смотреть на происходящее и не мешать, чтобы себя не выдать. Эта женщина легко провела вас и поднялась на ступень выше благодаря вашему желанию разрушить свою личность и уподобиться низшим. Только вы сделали скверную ошибку, когда попросили помощи у Бланш. Это может пагубно сказаться на вас и на вашем будущем, потому что тайны имеют свою цену, которую вы еще не заплатили.

Губы матери дрожат от потрясения, она охает и, едва добравшись до кровати, падает на нее, шокированно глядя на меня. В точку! Не просто так мисс Фокс заинтересовалась отцом, а из-за желания получить больше. Этим грешат все, особенно слабый пол. К этой мысли подтолкнула сама Бланш, честно признавшись, что ее в первую очередь волнует удовольствие, а где удовольствие, там и деньги. Лучше работаешь, больше получаешь. Это тоже особенность достижения желаемого, оно превращается в наркотик, без которого ты не можешь думать о чем-то другом. И человек ищет это снова, пробуя варианты. А миром правят деньги, и они же становятся даром за наслаждение. Все просто, но гадко.

– А теперь, мадам, ваша очередь. – Подхватываю стул и двигаю его ближе к кровати.

– Как ты догадался, Эйс? Я же... Это она тебе сказала? Но

она обещала! Обещала, что никто не узнает! – вскрикивает мать, пока я располагаюсь на стуле.

– Логика, мадам. Мисс Фокс ни слова не проронила о вашей причастности. Вы считали, что сможете обмануть меня? Нет, вам это никогда не удавалось и не удастся. Так кто был вашим любовником и что дальше должно было произойти? План рухнул, верно?

– Да, все пошло не так. Мы не предполагали, что Таддеус решит подать в отставку, я пыталась уговорить его не делать этого. Он был неумолим, сказал, что ему надоело тратить жизнь ради власти. Он резко изменился после встречи с ней. Стал замечать женщин, начал думать иначе, дарил мне подарки, казался более покладистым и нежным, хотя это, как и раньше, не предполагало близких отношений. – Она делает паузу и проводит по лбу ладонью, стирая испарину.

– Удовлетворенность. Он получил то, в чем вы ему отказывали, а она подарила. Все примитивно, но продолжайте, – предлагаю я.

– У меня был мужчина, мы познакомились с ним в интернете на одном из форумов по искусству. Обменялись адресами, переписка длилась полтора года. Большого себе не позволяли – он женат, я замужем. Просто общались, обсуждали картины и новые веяния в искусстве. А потом ты улетел, и я позволила себе подумать о собственной внешности. Мой знакомый предложил встретиться на выставке, и я не хотела, чтобы он разочаровался. Наверное, никогда не чувствовала

столько радости от встречи с женщиной. Я потеряла голову. Мы встречались тайно, снимали квартиры или номера на окраинах Лондона. Я поняла, что с Таддеусом больше жить не смогу. Думала честно признаться ему, но струсил. Тогда же услышала от Ларка о Бланш. На встрече с ней рассказала все о себе и своих желаниях. Она мне отказала, и я впала в панику, но решила попробовать еще раз. И она согласилась. В контракте мы четко прописали условия, она должна была оставить Таддеуса. Развод состоялся, и Бланш отказала твоему отцу, как мы и договаривались. — Мама вздыхает и хлопает носом. — Я была рада, что все получилось, и сообщила об этом приятелю, но он исчез. Имя его оказалось вымышленным, Моригана Норберга никогда не существовало. Я была в панике и пошла к Бланш. Если этот человек богат и жил в Лондоне, а я знала это наверняка, она должна была угадать его по описанию. Она сказала, что таких клиентов у нее не было, но постарается мне помочь в знак нашей дружбы и прошлого соглашения. Через месяц Бланш сообщила, что у нее появился новый клиент, подходящий под описание и с таким же именем. Устроила нам встречу, и все завертелось снова. Но месяц назад мы расстались, потому что он не может уйти из семьи. В круговерти событий я не заметила, как Таддеус тосковал из-за потери Бланш. И я вновь обратилась к ней с просьбой вернуть страсть к жизни моему бывшему мужу, хотя бы так компенсировав обман. Дальше ты уже знаешь.

– Какова вероятность, что она не подослала к тебе этого мужчину? – интересуюсь я.

– Никакой, Эйс. Не ищи в ней угрозу, Бланш идеальная по всем параметрам женщина на время, и только. Она входит в положение, помогает вернуть страсть в отношения. Дает уроки по соблазнению, к ней на курсы ходят многие жены политиков. Не знаю, почему ты ее так ненавидишь. Если хочешь злиться, злись на меня, по моей вине она здесь.

– Мадам, угроза всегда есть. Пока не могу найти ее, но все случилось из-за этой женщины. Был план, который вы идеально отыграли, и теперь готовы на все, чтобы вернуть в свою жизнь примитивное наслаждение и мужчину. Я прав, не спорьте. Но мне нужно от вас кое-что другое. Сегодня завершается контракт отца и Бланш, и я хочу, чтобы вы вспомнили все, чему вас обучил любовник, и продемонстрировали отцу. Это важно для безопасности семьи. Бланш Фокс не так проста и помимо проституции работает на кого-то очень властного. Он и руководит всем. Вы должны сделать так, чтобы отец вновь обратил на вас внимание, а его влюбленность в эту женщину испарилась. Вы готовы к этому?

Смотрю в блестящие от испуга глаза матери. Я лгу, да, приходится, но что не сделаешь ради игры. Вряд ли родственникам угрожает опасность, но сейчас я узнал еще об одном участнике истории, и везде Бланш выглядит самой добродетелью. Ложь, она ядовита и может смертельно укусить. Придется устранить ее от членов моей семьи и заставить их

улететь куда-нибудь. Пока я не пойму, что скрывает Бланш и какова роль Уилсона.

– Эйс, это просто шлюха! Откуда столько мрачных домыслов? Никто не подталкивал отца к решению об отставке. Бланш даже поставила условие: если он сделает это, она разорвет с ним контракт. Ее интересуют деньги, сынок, а не что-то другое. Это все игра твоего воображения – придумываешь проблему, веришь в нее и ищешь выход. Но проблемы нет, Эйс. Придется записать тебя на сеанс психотерапии, потому что твое состояние ухудшается. Ты подозреваешь в заговорах всех, даже обычную шлюху! – Мать вскакивает с кровати и зло смотрит на меня.

– С моим состоянием все в порядке. Напомню, мне тридцать четыре, и я давно вышел из того возраста, когда вы решали за меня. И я не из тех людей, которые фантазируют.

– Нет, не все в порядке, Эйс. Посмотри, в кого ты превратился. Говоришь страшные вещи, обвиняешь Бланш! Господи, сынок, нельзя так! Возможно, она не совсем честна и бывает жесткой, но клеветать на эту женщину – уже край моего понимания. У тебя все вертится вокруг политики, вокруг каких-то угроз и терроризма, но в этом доме террорист именно ты. Мы все устали бояться, что случится рецидив и ты натворишь глупостей. Даже Нейсон следит, чтобы не позволить тебе влезть в то, что тебя убьет. Я думала, что, услышав мою историю, ты смягчишься и поймешь, что обычное человеческое счастье – лучшее, что есть в этом мире, а ты его

отвергаешь. Не хочу больше обсуждать с тобой ни Бланш, ни прошлое. Прими все как есть и поставь точку. Возвращайся к своей работе, раз она для тебя важнее. Не смей поднимать эту тему, иначе я навсегда закрою для тебя двери этого дома и запрещаю Стэнли и Молли с тобой общаться. Не настраивай родных против себя, потому что никто тебе больше не поможет. — Она грозит мне пальцем, отчитывая, как мальчишку, коим даже побыть не дали.

Черт, это меня обижает, ведь я стараюсь уберечь их как умею. Я знаю, что прав, и выставлять меня полоумным — глупая попытка разозлить. В голове моей сейчас вновь сбой, не могу отреагировать, как обычно, поэтому приходится закрываться. Гасить в себе эмоциональный ответ на давление матери, чтобы не сорваться.

— Ярая защита чести обычной, по вашим словам, шлюхи доказывает иное, мадам. Но раз вы настаиваете, прошу вас покинуть мою спальню и мою жизнь. А я докопаюсь до истины. И если увижу, что вы рассказали не все, то не вспомню, кто вы, и накажу, как наказывают предателей короны. Вон отсюда. — Подхожу к двери и распахиваю ее.

— Эйс...

— Я не принимаю ваших суждений, мадам, они таят в себе гнусный подтекст. Вы рассказываете всем, как я глубоко болен, какой психопат, и даже гордитесь, когда удастся убедить окружающих. Я не против, лучше уж быть психопатом, доверяющим интуиции, чем глупцом, которым вертит шлю-

ха. Вон, — четко выговаривая слова, даже не смотрю на нее. Осталось зарычать, и мать вылетит отсюда пулей.

Я никогда не понимал, почему они так меня боятся, стараются не нервировать, не позволяя быть частью чего-то большего. Всю жизнь меня ограждали от опасного влияния, отправляли на лечение. Но я все вытерпел, чтобы начать другую жизнь, приняв самого себя таким ненормальным, и меня это не должно волновать.

Не замечаю, как остаюсь один. Тупо ноет внутри, и я резко захлопываю дверь. Кто рассказал обо мне Бланш? Не могла она угадать подробности, что я скрывал ото всех. Неужели у нее есть неверные хромосомы и она немного похожа на меня? Я таких людей не видел, и сейчас мне тяжело принимать нежелательный виток событий. Но выхода нет, придется вспомнить, как это — быть нормальным.

Чтобы понять, как действует враг, нужно попробовать видеть его глазами, то есть познать другой мир, где никогда не был. Чтобы изменить завтрашние события, есть сегодня, и я должен постараться, чтобы Бланш не подписала новый контракт с отцом. Даже если это будет означать нечто страшное и неприемлемое, я это сделаю.

Уверенно выхожу из спальни, на ходу натягивая пальто. Поло и скачки — обычное развлечение для британского общества. Ни одно из них меня не увлекало, потому что итоги я знал наперед и было просто скучно. Но теперь я не могу предугадать действия Бланш и ее мысли, и это убивает.

Под зонтом дохожу до крытого поля, где когда-то нас учили управлять лошадьми, родители устраивали представления для друзей, чтобы похвастаться умениями детей. Но сегодня это место кишит гостями. Часть из них восседает на трибуне, другие, переодетые в красную и синюю форму, посреди поля ожидают, когда им приведут лошадей и начнется игра. Среди красной команды взглядом нахожу женщину с черной косой, смеющуюся над какой-то фразой отца. Ларк пожирает ее глазами и кипит от ревности, Молли, видимо, поддевает Стэнли, смех становится громче.

Свисток судьи привлекает всеобщее внимание, разговоры затихают.

– В синей команде не хватает одного участника. Есть желающие? – спрашивает он.

Наступает молчание, все боятся показать свои скудные умения и прячут глаза, делая вид, что чем-то заняты.

– Есть, – мой голос эхом разлетается по всему пространству крытого поля.

Ощущаю множество глаз, обращенных ко мне, но сам смотрю только в одни. Синие. Удивленные и вновь сверкающие властью и силой.

Что ж, Бланш, ты не оставила мне выхода. Поиграешь со мной?

Глава 7

– Эйс, мы выиграли! – Визг Молли едва не оглушает, сестра прыгает на меня, как только я выбираюсь из седла и передаю поводья, чтобы лошадь увели в стойло.

– Папа, мы тебя сделали! – кричит Стэнли, свистя и поддаваясь радостным эмоциям, переполняющим всех.

– Боялась, ты ее убьешь, – шепчет сестра мне на ухо, тяжело дыша из-за гонки, которую мы устроили в последние пятнадцать минут.

– При свидетелях? Не глупи. – Отстраняю ее от себя и смотрю в полные восторга глаза.

– Я думала, что ты не умеешь, ты никогда не играл вместе с нами.

– Молли, много думать тебе противопоказано, правильное делать то, что у тебя получается лучше. Улыбайся, – отвечаю ей. Вроде бы не оскорбил. Или все же обидел? Но она громко смеется, присоединяясь к брату и еще двум мужчинам из нашей команды.

Да, я выиграл. Приложил столько усилий, чтобы увести у Бланш мяч, что требуется душ, дабы смыть с себя пот и запах чужой формы, которую одолжили на время игры. Но, черт возьми, эта женщина превосходный соперник. Другая поддалась бы, а она, наоборот, стремится всегда быть первой. Как и я.

Не в этот раз, мисс Фокс, физически я намного сильнее вас, да и умственно.

Пока судья поздравляет победителей и шампанским утешает проигравших, замечаю, что Бланш нет. Отец уходит с поля, и все гости направляются в дом, чтобы пообщаться и выпить за этот день, а ее нет.

Я не падок на такие развлечения, когда вызвался участвовать, даже на лице Нейсона было написано удивление. Но игра помогла мне увидеть больше. Бланш умеет не только ублажать мужчин, но и уверенно держаться в седле. Она делала немыслимые для других повороты и удары, эта игра была будто для нас с ней, потому что мяч мы вырывали друг у друга. Мяч, выхваченный буквально у нее из-под носа, принес победное очко и... наслаждение. Вот он, секс, вот. Неужели ощущение подъема и растущей уверенности в себе хуже незатейливого кувыркания в постели? Нет. Здесь нужна не только сила, но и логика. Необходимо просчитывать ходы, знать противника и, обскакав его, защитить ворота и победить. Как же приятен вкус победы – чистый наркотик!

Бланш наверняка направилась к конюшне. На ее сапогах фирменная эмблема дома моды, берущего частные заказы, форма подогнана по фигуре – значит, она готовилась к игре заранее. Предусмотрительно.

Ржание лошадей раздается по обе стороны, но я иду дальше, абстрагируясь от удушливой вони. После дождя в помещении влажно, и мне некомфортно, но триумфальный успех

и желание увидеть поражение в ее глазах помогают переселить себя.

Замедляю шаги, когда слышу тихий голос.

– Бедная Звездочка, загоняла тебя. Но я обещала тебе угощение, если покажешь, какая ты сильная. И ты это сделала, милая, ты умница. Ты была лучше всех.

– Разговор с заведомо не понимающим тебя объектом имеет отголоски шизофрении и тех самых отклонений, которые ты отрицаешь, Бланш, – насмешливо подаю голос.

Она оборачивается, когда лошадь съедает кусочек лакомства с ее руки, и даже не удивлена моему присутствию.

– Я не отрицаю отклонений, мистер Рассел. Я упоминала, что вы не имеете тех, что лелеете в своем разуме. И научно доказано, что лошади понимают человеческую речь и реагируют на людей по-разному в зависимости от восприятия и интонации. Меня учили, что нужно поощрять человека или животное, когда оно выполняет то, о чем просишь, – с улыбкой отвечает она и переводит взгляд на черную кобылу с непонятным узором на морде. – И я не желаю больше говорить о деньгах. Это чертовски утомительно, и если вы пришли сюда за этим, прошу вас, успокойтесь, – добавляет, не поворачиваясь ко мне.

Ладонь в перчатке ложится на черную гриву и поглаживает ее.

– Я пришел поблагодарить за игру. Она была довольно сносной, хотя я не люблю поло.

Прислонившись плечом к стене загона, наблюдаю за неторопливой лаской, на которую лошадь отзывается довольным ржанием.

– Но любите выигрывать. Вы маниакально стремитесь к победе и не замечаете, как выходите за рамки дозволенного. Вы ударили Ларка, но я даже скажу спасибо, он меня раздражает. К тому же вы играли не в поло, а вновь боролись со мной. Не надоело? – Бланш оборачивается ко мне.

– Ты слишком высокого мнения о себе. Если есть враг, он враг во всем. К тому же я не ударил кузена, а предотвратил его замах и выиграл время, чтобы увести мяч.

– А если враг – вы сами? Что делать тогда? Как бороться с самим собой? – Она выглядит довольно серьезно и явно намекает на несуществующих демонов внутри меня.

– Бороться бесполезно. Смертельно даже.

– То есть сложить оружие и добровольно ожидать конца? И это советуете вы? Тот, кто никогда не бросает начатое и предпочитает победу? Вы не выпалились или выпили пилюлю доброты? – ехидно поддевает меня.

– Проще задать вопрос напрямую, мисс Фокс, иначе можете ввести собеседника в недоумение. Спросите, не бойтесь, я слышал столько, что ваш вопрос не вгонит меня в краску. – Она усмехается, услышав фразу, которую сама бросила мне вчера.

– Хорошо. Как от вас отвязаться? Что предпринять, чтобы вы прекратили меня преследовать и думать о моей при-

частности к уходу вашего отца со службы?

Она подходит ко мне и стягивает перчатку с руки.

– Я вчера дал тебе возможность, но ты отказалась. К слову, я этого больше не требую. Никакой войны, перемирие.

Слова словами, но борьба продолжается, и Бланш об этом знает. Ее глаза приобретают глубокий синий цвет, скрещивая со мной невидимую шпагу, и это интересно.

– Перемирие? Хорошо, а то придется прятаться. Вы столь надоедливы, что уже и Ларк кажется не таким плохим. Но раз вы наконец-то приняли ситуацию, я буду рада не воевать, а получать удовольствие от происходящего.

Ее облегченный вздох никак не вяжется с воинственным взглядом. Она протягивает руку, я только киваю. Не собираюсь больше дотрагиваться до этой женщины.

– Что ж, было приятно сыграть с достойным противником, так давно этого не случилось. Не опаздывайте на ужин, он в семь. Потом представление акробатов, восточные танцы и фейерверк. Надеюсь, как-то удастся провести это в такую погоду, – будничным тоном сетует Бланш и опускает руку.

– Непременно буду. Раньше я отказывал себе в увеселительных мероприятиях, сегодня же хочу вкушать все краски приготовленных тобой удовольствий.

– Только опасайтесь передозировки для первого раза. Постепенное привыкание, а потом уже резкое внедрение, чтобы развлечения не поняли, что вы их победили и стали тем, без чего они уже не могут существовать. – Она тихо смеется,

якобы давая совет.

Нет, у каждого слова есть смысл. Бланш говорит завуалированно, чтобы никто не понял, кроме меня, разумеется, что она на самом деле имеет в виду. Именно так она попала в высший свет, и теперь он не представляет жизни без нее. Умно, только зачем? Она же понимает, что я продолжаю строить планы, и сама дает мне зацепки.

— Порой перенасыщение вызывает обратный эффект. Отвращение. Чем больше наслаждения, тем сильнее оно обесценивается, и на него перестают реагировать нервные окончания и головной мозг. Все приедается и забывается. Необходима поистине ювелирная работа, чтобы эффект был длительным.

— Приму к сведению, мистер Рассел. Признаюсь, не люблю долго копаться в нюансах, они утомляют. К примеру, сбор пазлов. Меня жутко раздражают эти крошечные фигурки, которые необходимо отыскать и тщательно сложить. И какой толк? Никакого, все равно частички потеряются и картина не будет целостной. Глупость. — Бланш отмахивается, словно рядом пролетает муха, и обходит меня.

— Чтобы не терять фрагменты пазла, нужны внимание и усидчивость. Не стоит что-то начинать, если нет желания завершить.

— Вот чего не имею, так это усидчивости. Во мне слишком много энергии, чтобы тратить время на бесполезные занятия. Я предпочитаю движение, быстрое, животное-гру-

бое. Вот где нужно упорство, чтобы довести все до конца. Удивительно, это наш самый долгий разговор без взаимных оскорблений. Осторожнее, мистер Рассел, мне даже понравилось. – Смех Бланш, звонкий и чистый, подтверждает ее искренность, хотя я в это не верю. – Мне уже пора, Тедди будет волноваться. Он знает, как я люблю лошадей, а когда провожу время в конюшне, обижается. Сегодня его день, и я должна сделать все, чтобы он был счастлив. До встречи, мистер Рассел. – Она подмигивает мне и направляется к выходу.

Наблюдаю, как покачиваются ее бедра, обтянутые красным трико, и отчего-то так темно становится внутри. Я не желаю видеть в Бланш ничего светлого, потому что это все иллюзия. Она играет со мной, и я не дам ей повода усомниться, что проглотил наживку. Пусть думает о моей капитуляции, а я буду наблюдать и принимать неожиданные решения, планировать с этой женщиной не удастся. Ее мнение и мысли меняются так же хаотично, как и мои. Нужно всегда быть начеку, чтобы выиграть снова.

Лошадь недовольно бьет копытом, и я поворачиваюсь к ней.

– Даже не думай. Я хоть и психопат, но кормить тебя не собираюсь, непонятная узорчатая морда. – Фыркнув, закрываю стойло на замок и иду к выходу из конюшни.

Черт, я что, говорил с лошадьё? Недоумок. Чтобы эта женщина не свела меня с ума своими умозаключениями,

придется добиться обратного эффекта. У нее в глазах будет рябить от моей вежливости и чопорности. Ложь. Я не собираюсь прилагать усилия, чтобы ввести в заблуждение Бланш. Именно так она вычислит меня, поэтому я останусь как прежде замкнутым. Эта роль мне удастся лучше других.

Присвистывая и наслаждаясь дождем, направляюсь к дому. Настроение улучшилось. Мне нравятся хмурые тучи, тяжелые капли, бьющие по лицу, и даже вонючая одежда. Я предвкушаю победу.

– Эйс, вот и ты. Мне нужно срочно поговорить с тобой. – Не успеваю войти, как путь перегораживает мама.

– Насколько помню, вы отказались это делать, мадам. – Обхожу ее и, игнорируя шум слева, направляюсь к лестнице.

– Эйс, немедленно! – Обгоняя, указывает головой в сторону моей спальни. Она возбуждена каким-то событием. Меня это больше не волнует. Пусть делает что хочет, а у меня собственный план, который приведет к завершению дела.

Устало вхожу в комнату, и мать закрывает за собой дверь.

– Я согласна, – на выдохе шепчет она.

– С чем? – хмуро спрашиваю, стягивая с себя синюю форму.

– Ты предложил отвлечь Таддеуса, чтобы он не подписал контракт и мы не оказались на грани банкротства. Пока вы играли, к слову, я удивилась, что ты вызвался...

– Переходите к делу, мадам.

– Так вот, пока вы играли, я порылась в документах тво-

его отца и увидела, сколько он ей платит. Это немыслимые суммы, Эйс. С меня она взяла сто десять тысяч, а он ей за каждую неделю сто семьдесят три тысячи переводит. А за день отдавал от тридцати до пятидесяти тысяч! И это не считая оплаты косметологов, нарядов, украшений... Я в шоке! – Мать возмущенно повышает голос. Наживка проглочена. – Продолжение их отношений приведет к краху. А как же я? Он же обещал содержать меня... Можешь начать оскорблять мать за корысть, но я отдала ему полжизни. Сама же нашла эту стерву, и теперь она вытягивает из него немыслимые суммы! Эйс, почему ты молчишь? – Мама останавливается и всплескивает руками.

– И что вы от меня хотите? Я жду, когда вы выплеснете обиду из-за неоцененных услуг и прекратите истерить, – спокойно отзываюсь, швыряя мокрую футболку на пол.

– Не думала, что их отношения продлятся долго. И это моя вина. Бланш сообщила, что с моего разрешения будет встречаться с Таддеусом дольше, чем я ее просила. Я согласилась, но понятия не имела, сколько он платит! Да, мы богаты, но отец больше не работает, Стэнли и не собирается, а еще нужно Молли куда-то пристроить. Боже, Эйс, что же я натворила!

Все, теперь начнутся причитания, я предпочитаю их избегать.

– На этом остановимся. Значит, вы готовы соблазнить бывшего мужа, чтобы удержать его от подписания нового

контракта с Бланш? – уточняю я.

– Готова. Ради своих детей...

– Не начинайте, вы ради себя это делаете. Я не собираюсь помогать вам финансово, как и оболтусу брату, потому что вы его слишком жалели. Молли вы позволили окончить колледж, и все. Так что теперь вы будете вести иную тактику. Сестру со следующего года отправите в закрытый университет по направлению экономики и финансов. Стэнли обратится к Нейсону и попросит хоть какое-то место. И все это сделаете вы, мадам. Именно вы должны заставить их начать другую жизнь и не зависеть от вас. Я иду вам на уступки с этим условием. Вы принимаете его? – грубо спрашиваю ее.

– Да, принимаю. Я согласна на все твои условия, сынок, только помоги сохранить деньги в семье, – тихо отвечает она.

– Отлично. Готовьтесь. Я выведу Бланш из строя после ужина, и вам придется приложить невероятные усилия, чтобы затащить отца в постель. Если надо, напоите его, но не дайте вспомнить, что ночью завершается контракт с Бланш. А теперь вы свободны, мадам, я хочу принять душ. – Огибаю мать и достаю из шкафа свежее белье и одежду.

– Ты думаешь, все получится, Эйс? Она оставит отца, если он больше не будет заинтересован в ней?

– Бланш не из тех женщин, которые бегают за мужчинами, предпочитает, чтобы бегали за ней. Она доминирует в отношениях и не позволит себе опуститься до жалкого пресмыкания. Если отец ей откажет, она возьмет кого-то дру-

того. Отец оскорбится и не пожелает иметь дела с обманувшей его чувства женщиной. К тому же, как говорится, клин клином вышибают. Подарите ему чувства, страсть и что там еще умеет Бланш. Учитесь у нее, мадам, вместо того чтобы горевать о деньгах, подаренных ей за ваше неумение. До вечера, – сухо бросаю ей и захожу в ванную комнату.

Еще один союзник – это прекрасно. Хотя мне и не нужна помощь матери, но отвлекающий маневр может сыграть мне на руку. Убью одним выстрелом пятерых зайцев. Родители вновь сойдутся. Молли получит достойное образование. Стэнли прекратит сибаритствовать и возьмется за ум. Мои положение и авторитет упрочатся. Бланш исчезнет из нашей жизни, и тогда я с удовольствием поставлю точку.

Сегодня предстоит финальный этап борьбы, именно страх потери материальных благ заставил мать двигаться туда, куда я хочу. Даже забыл, что я сделал ночью, когда понял, что Бланш работала на мать. Я ожидал сопротивления моим приказам, но всегда есть возможность заставить людей делать то, что я желаю. Надо же, как я предусмотрителен! Она пошла туда, где ее ждал подарок, когда получила счет за оплату ценных экспонатов, которых даже не существует. Мать редко помнит, что заказывает, порой попадает в неприятные ситуации из-за этого, но сейчас все разыграно как по нотам. Корысть может творить чудеса с разумом, вызвать страх и преподнести марионетку на блюдечке.

Я никогда не отрицал, что во мне нет чувств, а только же-

ление достичь цели и оставить за собой последнее слово. Это мне удастся превосходно. Я в хорошей форме. Бланш, ты не понимаешь, с кем решила побороться за право быть сумасшедшим.

Подготовка к вечеру занимает не так много времени, как бы хотелось. Завтра предстоит вернуться в парламент и увидеть, как обстоят дела там. А дальше рутина, пока не подвернется новый интересный случай, способный меня увлечь. Хотя обычно я сам их ищу, копаюсь и нахожу утечку информации. Но это будет завтра, а сегодня предстоит надолго задержать Бланш, чтобы мать успела увести отца. Признаюсь, что выдумал расценки, но предполагаю, что все обстоит именно так. Вряд ли ее услуги стоят дешево, хотя я ни черта не знаю об этом. За последние десять лет я не совершал крупных приобретений, счет растет, а мне плевать на него, как и на гонорары за помощь частным лицам. Делаю это, только когда мне скучно, и не нарушая закон. Я же участвую в их принятии. Черт, кажется, мои нервы сдают, но я улыбаюсь. Это больно, оказывается. Очень больно, так что приходится поджимать губы, не позволяя демонстрировать свое возбужденное состояние.

Подходит время ужина, и я медленно спускаюсь вниз, зал уже кишит гостями. Останавливаюсь в углу, оценивая обстановку. Нейсон, к сожалению, выйдет позже, поэтому даже поговорить не с кем. Замечаю Молли в золотистом сверкающем платье и с распущенными волосами. Рядом с ней уви-

вається какой-то парень. Она о нем забудет, как только сядет за стол. Неинтересно.

Мать приветствует знакомых. Неплохо выглядит. Темно-синее платье, облегающее весьма презентабельную фигуру. Бриллианты, подаренные отцом на их десятую годовщину, даже кольцо надела. Молодец. Попросит его подняться с ней на несколько минут, чтобы обсудить что-то важное. Будет давить на жалость и одиночество, предложит выпить и даже закурить, а потом, надеюсь, уложит его в постель. Этот раунд зависит только от жадности матери, а я ее распалил, значит, все получится. Мать никогда не работала, для нее самый опасный страх – остаться на мизерном содержании и отказывать себе в привычных мелочах. Прекрасное знание слабостей моей семьи и окружающих помогает очень быстро достичь цели.

Раздаются аплодисменты, когда в дверном проеме показывается отец. Рядом с ним Бланш вновь в черном платье, оттеняющем сапфиры, сверкающие на шее. Обтягивающая ткань подчеркивает высокую грудь и идеальную фигуру, отчего все мужчины провожают Бланш взглядами, буквально капая слюной.

– Эйс, спрятался?

Раздраженно вздыхаю и поворачиваюсь к Ларку.

– Да, от тебя. Получше компании не нашлось?

– Лучшая компания у дяди, – усмехается кузен.

– Это утомляет. Твое поклонение женской особи идет от

жуткой неуверенности в себе и относится к стадным инстинктам. Противно, – кривлюсь, бросая на него полный презрения взгляд.

– Пусть, но когда-нибудь она будет моей. Накопаю на нее нечто особенное, и она покорится. Учусь у тебя быть бескомпромиссным и идти к своей цели. Время ужина, хочу сесть ближе к Бланш. – Он хлопает меня по плечу, вызывая шипение, и исчезает в толпе.

Идиот. Ничего у него не получится с таким настроем. Чтобы шантажировать человека, надо уметь это делать. И вряд ли Бланш оставила свои тайны на поверхности, она их прячет глубоко в себе. Она связующее звено. Только кого с кем, я до сих пор не разгадал.

Дожидаюсь, пока зал опустеет и все рассядутся, чтобы самому перейти в зал, где играет живая музыка и расставлены столы. Понятия не имею, где и с кем сижу. Молли машет мне и указывает на семейный стол. Превосходно, Бланш тоже там. Жаль, дяди пока нет. Он бы помог мне, увидев то, чего я не заметил. Хотя он не желает обсуждать такие глупости, списывая это на возраст юнца. Не понимает, что это может быть опасным даже для него. И остался только я с давящим ощущением в груди.

Тосты следуют один за другим, мать произносит первая, затем Декланд. От меня ожидают того же, но я не собираюсь этого делать. Наконец-то появляется Нейсон, не извиняясь, делает глоток шампанского. Вновь поздравления, то-

сты... Это может продолжаться долго, поэтому я терпеть не могу семейные застолья. Нудно. Скучно.

– Бланш, твоя очередь, – с улыбкой произносит Молли и указывает на сцену.

– Нет, я лучше воздержусь и скажу все после праздника. – Она бросает игривый взгляд на отца, краснеющего как мальчишка. Отвратительно.

– Будет крайне невежливо не поздравить любовника, который платит вам за это, мисс Фокс. Вы среди членов семьи, и это посчитают оскорблением именинника. – Какой черт потянул меня за язык? Теперь все удивленно уставились на меня, а я этого не люблю.

– Эйс, ты в порядке? – Дядя приподнимает бровь.

– Конечно. Есть повод быть другим? Нет. Так что, мисс Фокс, ваш выход. Надеюсь, рот у вас не только для того, чтобы ублажать мужчин, но и для разговоров и поздравлений.

Ловлю спокойный взгляд синих глаз и наглую улыбку. Я же вроде задел ее, должен был задеть! Когда все охают, она грациозно поднимается с места.

– Вы правы, мистер Рассел, пришло время показать гостям, как глубоко засел в моем сердце Тедди. – Она мягко поглаживает отца по волосам, еще немного, и он заурчит.

Меня сейчас стошнит.

– Ты прекрасна, – восхищенно шепчет этот медвежонок.

Хочется плевать, но я терплю и с удовольствием наблюдаю. Гости затихают, как только замечают Бланш, поднима-

ющуюся на сцену. Не смог я упустить такую возможность, даже злой взгляд матери не волнует. В моем понимании это весело – заставить человека изменить принципы, а они у Бланш есть, и выставить себя посмешищем. Ну кто поверит словам продажной женщины?

– Прошу минуту внимания, – ее голос раздается из колонок, и я поворачиваюсь к сцене. – Спасибо. Сегодня невероятный день, по этой причине вы все собрались здесь. В эту минуту происходит одно из самых ярких событий в моей жизни. Наверное, так я могу назвать время с момента встречи с именинником, моим Тедди. Знаете, для многих цифры – это ограничение. Ложь. Придавать значение возрасту, когда сердце горит и пылает от желаний, глупо. Намного важнее, как чувствуешь себя внутри. И я уверена, что Тедди даст фору молодым мужчинам и юношам всей Британии, потому что лучшего человека, мужчины с большой буквы, пока не встречала. А встречала я их много, уж поверьте.

Все смеются. Но это же пошло! Но так, видимо, считаю только я, публике нравится ее юмор, мужчины даже свистят, а отец краснеет.

– Я хочу поднять бокал за одного из самых отважных мужчин. За того, кто не побоялся показать себя настоящего. Мужчину, который имеет столько положительных сторон, что голова идет кругом, и порой приходится ущипнуть себя, чтобы поверить в это. Тедди, пусть будет легкой дорога к твоим мечтам. Сейчас самое время воплощать их. Желаю

никогда не потерять той особенности, которая делает тебя лучшим. За тебя, милый! – Бланш посылает воздушный поцелуй и приподнимает руку с бокалом.

Зал взрывается аплодисментами, все чокаются, а я впадаю в ступор. Примитивный народ, они должны ее помидорами закидать или на кол посадить – второе мне нравится больше, а они поддерживают. Идиоты!

– Ну спасибо, сынок, удружил, – яростно шипит мама.

Поджимаю губы. Когда Бланш возвращается к столику, отец целует ее в щеку, шепчет слова благодарности и любви. Не надо, бога ради, меня сейчас вырвет от этих нежностей!

Нейсон резко поднимается, его стул с грохотом падает.

– Эйс, завтра в десять утра совещание. Встретимся. Всего. – Он кивает гостям, приводя их в полное недоумение, а я готов ему похлопать. Его выправка и прощание свидетельствуют о военном прошлом. Прекрасный человек, уважаемый мной.

– До встречи, – отвечаю.

– Отец как обычно поел и ушел. Никаких приличий, – фыркает Ларк.

– А ты напился, хотя вечер только начался. У каждого свои минусы. Я тоже отправлюсь к себе, вы меня утомили, – демонстративно поднимаюсь и даю понять матери, чтобы была наготове. Надеюсь, она меня поняла.

– Эйс! – возмущенно повышает голос Молли.

– Всего, – киваю им по примеру дяди и быстрым шагом

обхожу столики, чтобы исчезнуть раньше, чем начнется запланированное только для Бланш шоу.

Все уже готово, осталось только дожидаться. Поднимаюсь по лестнице и бросаю взгляд на часы. В запасе еще десять минут, ужин подходит к концу, и скоро наступит время финального аккорда. Хороший все-таки день.

Глава 8

Официант маневрирует среди столиков. Гости встают со своих мест, чтобы отправиться смотреть представление. Бланш ждет, пока отец протянет руку и поможет подняться, и в этот самый момент официант спотыкается, не заметив отодвинутый стул. Бокалы с подноса летят прямо в Бланш, она испуганно вскрикивает, но не успевает увернуться, и ее с головы до ног заливает липким напитком. Отец повышает голос, указывая дрожащему парню на дверь, но тот не особо расстраивается, потому что пару часов назад получил сумму в размере тройного жалованья. Официант извиняется, пытается как-то исправить положение, но это невозможно. Наряд Бланш, ее прическа и макияж испорчены. Ей срочно нужно в душ. Отец собирается помочь, но в этот момент в игру вступает мама, прося его об услуге. Бланш заверяет, что все хорошо, и обещает скоро вернуться. Она недовольна, но кому бы понравилось искупаться в шампанском. Желание одно – смыть с себя алкоголь, для этого она поторопится на второй этаж в спальню.

Слышу клацанье дверной ручки, темноту пререзает луч света и исчезает, когда Бланш закрывает дверь. Она взвинчена и немного обижена, слышится ее чертыханье. Мне прекрасно виден ее силуэт. Ощупывает платье, дотрагивается до лица, морщит нос...

– Мистер Рассел, включили бы свет. – Спокойный голос никак не вяжется с эмоциями, которые я расписал. Прищуриваюсь и продолжаю тихо сидеть на постели.

– Если я пойду к торшеру, наступлю на вас. Хотя это меньшее, чего вы заслуживаете, поэтому сделайте одолжение – включите свет, – раздраженно добавляет она.

Наверное, аромат моего одеколona витает в комнате, вот она так быстро меня и вычислила. Черт, осечка. Вздыхая, тянусь рукой и щелкаю выключателем лампы, стоящей возле кровати. Комната озаряется слабым желтоватым светом.

– Этот трюк довольно примитивен для мужчины с вашим уровнем мышления, – усмехаясь, произносит Бланш.

Мокрые пятна только на платье, лицо сухое. Но парень обещал облить ее всю!

– Вы не учли вес подноса, мистер Рассел, и мой рост на каблуках. Этот мальчик едва доставал мне до макушки, значит, падающие бокалы должны полететь ниже, никак не в лицо. Вы просчитались. Снова.

– Ты считаешь, что я руковожу людьми даже на расстоянии? Какого высокого мнения ты обо мне, – ухмыляюсь я.

– Скорее, наоборот. Предложение о перемирии выглядело настолько неправдоподобно, что меня даже замутило. Но другие легко проглотили наживку, не волнуйтесь. И каков дальнейший план? Поделитесь, пока я буду переодеваться? Авось помогу в достижении цели. Смотреть на безыскусные попытки вывести меня из строя уже даже не смешно. Жал-

ко вас. — Она находит пальцами замочек сбоку на платье и тянет за него.

Странно, она не удивлена моему присутствию, ведет себя, словно сидит в моей голове и точно знает, что в ней. Но Бланш не могла угадать моих действий, ведь я все проверил. Никто меня не видел и не мог догадаться о том, что должно произойти. А она так явно демонстрирует скуку, что становится неприятно.

— Никакого плана. Хотел остаться с тобой наедине, чтобы вновь обсудить пазлы или что-нибудь еще. — Пожимаю плечами, наблюдая, как она стягивает рукава и сбрасывает платье, оставаясь в одних черных шелковых трусиках.

— Ложь. С вашим умом могли бы придумать что-то поинтереснее. — Она поддевает платье ногой и отбрасывает его в сторону.

Медленно скользя взглядом по стройным ногам, узору на ткани нижнего белья, по рельефному животу, груди и оста-навливаясь на приоткрытых губах.

— Дорого, мистер Рассел, вам не по карману. Есть что-то новенькое в вашем арсенале или только игры для детей? — Ее губы растягиваются в едко-сладкой улыбке, и я встречаюсь с презрительным блеском в глазах.

— А у тебя, кроме постоянного желания раздеться передо мной? Твой опыт не поможет. Есть что-то новенькое, или все такое же надоедливое, как и у всех женщин? — ехидно передразниваю ее.

Закатывает глаза и цокает. Распахнув шкаф, оставляет руки на дверцах.

– И все же, Бланш, покажи, что ты умеешь. – Поднимаюсь с кровати и останавливаюсь позади нее. Нужно перебороть отвращение. Мои руки накрывают ее запястья, и я жду, когда изменится дыхание и быстрее застучит сердце.

– Неинтересно, мистер Рассел. Совсем. – Она поворачивает голову и усмехается.

Ощущаю, как нежна ее кожа. Нет, Бланш не взволновало мое приближение. Неужели во мне она не видит самца или хищника, поймавшего жертву в капкан? Хотя психологическое давление, тесное пространство и близость друг к другу должны вызывать волнение, а она, черт возьми, не реагирует!

– Я не знаю, что такое женщина, Бланш. Я не помню, как с ними обращаются. Так научи меня, думаю, только ты и сможешь это сделать. Мне скучно, а до завтра еще так долго, – кривлюсь от разочарования своими наигранными эмоциями.

– Мистер Рассел...

– Эйс. Можешь звать меня по имени. Я уже два раза видел тебя обнаженной, боролся с собой и теперь больше не хочу противиться зову плоти. Вроде бы так называют вожделение, – мягко перебиваю ее. Она вырывает руки и поворачивается ко мне.

– Мистер Рассел, имена – это уже нечто интимное. Мое

тело создано для демонстрации товара, и меня не смущает раздевание перед публикой. Я позволяю себе нарекать мужчин так, как хочу, когда они стоят передо мной на коленях. Опуститесь на колени, мистер Рассел, и я назову вас тем именем, которое сама выдумаю для нашей игры.

Приподняв подбородок, ожидает от меня повиновения. Да никогда я не сделаю этого!

– Или же ты опустишься на колени и последуешь моему приказу, Бланш, – понижаю голос, хотя, если честно, совершенно не представляю, как выпутаться из этой ситуации.

Ополаскивание под душем, обновление макияжа и прически должны были, по моему плану, занять у нее много времени, а все пошло наперекосяк. Поэтому и предпочитаю делать все сам. Но не мог же я взять и вылить на нее шампанское! Лучше было б утопить, но тогда бы меня точно признали психопатом. А я предпочитаю быть социопатом.

– На колени. Живо, – четко отдаю распоряжение. Обычно люди содрогаются в ужасе и тут же безукоризненно выполняют приказ. А она скучающе смотрит на меня и вздыхает. Грудь ее поднимается, и соски соприкасаются с моим пиджаком. Чертова женщина.

– Плетки на вас нет, мистер Рассел, и хорошей порки. Она бы выбила всю дурь из головы и превратила в очень интересного мужчину. А пока работайте над собой, вдруг что-то и получится и я когда-нибудь буду дрожать от возбуждения.

Бланш отворачивается и тянется рукой к вешалке. Успе-

ваю перехватить ее руку и завести за спину. Ей больно, она шипит сквозь стиснутые зубы и, приоткрывая губы, хватается глоток воздуха.

– Не смей так говорить со мной, ясно? Я не плюшевый медвежонок, а человек без совести и принципов. И мне плевать, кто передо мной, женщина или ребенок. Я приказываю, ты исполняешь. Теперь ты встанешь на колени и будешь покорно следовать приказам. Я доходчиво объяснил, что эта ночь станет долгой для тебя? Праздник закончился раньше, потому что я так захотел, – цежу ей на ухо.

Она впитывает в себя каждое слово. Ее сердцебиение ускоряется, глаза распахиваются шире, и она облизывает губы.

– Сэр, придется отпустить мою руку, иначе мне не удастся показать вам один трюк, – шепчет Бланш, поворачивая ко мне голову.

Наши лица практически соприкасаются, и в глубине ее глаз я явственно вижу похоть. Она горит огнем в ней, это странным образом посылает импульсы в мой мозг.

– Ну же, мистер Рассел, не бойтесь. Вашей чести ничто не угрожает, я только немного поиграю с вами, чуть-чуть, – выдыхает она в мои губы, обдавая запахом шампанского, и я ярче чувствую ее аромат. Ваниль и орхидеи. Что-то не так со мной. В голове шумит, и виски сдавливает от напряжения.

– Чтобы играть со мной, нужен не только опыт, Бланш. Ты настолько примитивна, что твое предложение не вызывает

даже слабого интереса. Уже не хочу.

Грубо отталкиваю женщину от себя, не заботясь о том, что она ударится о шкаф.

Я капитулирую. Да, именно так. Комната кажется слишком маленькой, воздух приторно-сладким. Задыхаюсь внутри, хотя внешне спокоен. Зажмуриваюсь на секунду, чтобы прийти в себя. Живот начинает ныть – чертовы морепродукты, ненавижу их. Нет, вроде бы ниже. В паху. Все скручивает узлом, становится больно и дискомфортно. Я отметаю невидимые нити, которые тянутся от Бланш.

– Мистер Рассел, все могло бы быть без симптомов возбуждения. Неужели это стоит того, чтобы тратить на меня свои силы? – Тихий вопрос, заданный усталым голосом, заставляет посмотреть на женщину, уже набросившую на себя черный шелковый халат.

– Что ты имеешь в виду под словом «это»? – уточняю.

– Сколько я должна пробыть здесь, чтобы ваш план удался? – Бланш обходит меня, и я поворачиваюсь, наблюдая, как она опускается в кресло и закидывает ногу на ногу.

Черт, не могу понять, как ей это удастся. Покалывание наполняет позвоночник острым отголоском незнакомого состояния, я словно тупею. Ощущение, как будто перепил, хотя я никогда не позволяю лишнего. Но именно так себя чувствую. Словно под наркотическим воздействием, которое давит на разум, вызывая желание скрыться и остаться в одиночестве, чтобы подумать. Мне нужен кислород, мне жарко

и душно в своем теле.

– Воды? – вежливо предлагает Бланш, и это злит меня.

– Скажи, как ты узнала?

Ничего не остается, как только сесть подальше от нее в кресло, к разделяющему нас круглому столику из слоновой кости.

Женщина мягко улыбается и склоняет голову набок, показывая, что ничего сложного в моем плане нет. Она всегда все знает, но ведь это моя прерогатива. Только я мог все предугадать. Откуда она взялась, кто научил ее мыслить, как враг? Это не врожденные способности, их развивают долго, целенаправленно, хотя дар видеть больше дан мне с детства.

– Когда мы с Тедди спустились к гостям, вы наблюдали за каждым нашим шагом. С довольно говорящим видом и глазами, сверкающими от возбуждения и переживаний. Вы были в тени, но я вас видела. Далее. Ваша мать выбрала один из нарядов, которые я советовала ей для соблазнения любовника. Полагаю, вы уже догадались о возложенной на меня миссии – помочь ей избавиться от брака и получить развод. – Бланш делает паузу, и я киваю. – Хорошо, тогда дальше будет проще. Алисия ходила ко мне на курсы по соблазнению мужчины, который ее окрутил. Вероятно, она не сообщила вам, что помогала ему финансово и он с ее помощью выбрался из долгов. Картины. Она дарила ему картины, а он их сдал якобы из-за несоответствия подлинности. Я же все проверила, когда ваша мать попросила помощи. У меня есть

собственные принципы, обычно я помогаю своим клиентам, пусть и бывшим. И даже дилетанту вроде меня легко отследить вновь выставленные экземпляры. Та выставка проходила в одном из залов национальной галереи, ее директор – мой бывший клиент. Пришлось появиться у него и потребовать записи с камер видеонаблюдения, на которых засветился приятель вашей матери. А дальше с помощью Уилсона нашла того мужчину и соблазнила. Он записался ко мне на прием, я пригласила прийти Алисию. Предупреждала ее, что это не тот человек, который стоит затейного. Но разве влюбленная женщина будет кого-то слушать? Итог – он украл у нее украшения. Думаю, она о них не упомянула, как и о наличных, которые хранила в доме, арендованном для нее Тедди. На этом все и закончилось, любовник снова исчез.

Качаю головой, хотя ее действия приводят меня в восхищение – Бланш не просто спит с мужчинами, она собирает на них досье, чтобы иметь возможность шантажировать.

– Когда вы спровоцировали меня на поздравление, я уже знала, что вы что-то задумали. Ваша мать за ужином пыталась убить меня взглядом, значит, вы настроили ее против меня. Макияж, новая прическа, бриллианты, обручальное кольцо и платье – все указывало на желание продемонстрировать Тедди ее раскаяние. Вы ушли незадолго до происшествия, чтобы подготовиться и убедиться, что я направляюсь в душ. Предполагаю, вы могли запереть меня, чтобы потянуть время и дать матери шанс соблазнить Тедди. Официант

слишком нервничал, он не один раз прошел мимо меня, но ему не удавалось опрокинуть бокалы, боялся последствий. Но потом все же решился, его взгляд был прикован ко мне и явно говорил о намерениях. Поднималась я медленно, специально замешкалась, что позволило отойти на шаг и дать облить себя, но не так, как вы бы этого хотели. Я объяснила Тедди, что ничего страшного не произошло, в этот момент подошла ваша мать и попросила уединиться с ней. А дальше и так ясно, мистер Рассел. Теперь вы ответите, сколько, по-вашему, мы должны пробывать здесь, чтобы у нее все получилось?

Бланш играет поясом халата, пока я смотрю в сияющие триумфом глаза.

– Кто научил тебя отслеживать нюансы? – интересуюсь.

– Профессиональный опыт. Чтобы быть той, кем являюсь сейчас, приходится подмечать самые незаметные оттенки поведения и человеческих мыслей. Отличать ложь от правды, нервозность и страх от возбуждения. Это помогает точно узнать желания клиента и могу ли я их исполнить. Годы практики, изучение разных сфер сексуальности, частая смена мужчин. Признаю, что не так хорошо владею этим искусством, как вы, но пока каждый мой клиент счастлив. – Она пожимает плечами.

– То есть мой отец для тебя один из объектов изучения?

– Верно. Все люди разные, но единственное, что остается неизменным, – страх быть непонятым. Все те, кто приходил

ко мне, боялись своих желаний. Чтобы расположить клиента к себе, требуется определенный подход. Он должен доверять мне, чтобы поделиться переживаниями и тем, чего в жизни не хватает. Примитивных мужчин вроде вашего кузена я в принципе не замечаю. Они безумно скучны и считают, что наличие члена дает главенство надо мной. Смешно и глупо. Поэтому предпочитаю высокопоставленных чиновников, у них обычно самые невероятные фантазии. Это меня радует и возбуждает, – с улыбкой отвечает Бланш.

– Но я тебя не возбуждаю?

– Ни капли. Вы интересный собеседник, как и соперник, мистер Рассел, здесь я не могу лгать, для меня это унижительно. Но мне мало разговоров, они утомляют. Я – живое воплощение пороков и хочу делиться ими с окружающими. – Продолжая улыбаться, женщина опускает голову.

Любой бы принял это за смущение, но она не хочет, чтобы я заметил иное. Печаль. Бланш старается выглядеть веселой, и это ей прекрасно удастся, но в тоне проявляются тяжелые нотки.

– Ты не делаешь попыток выйти из комнаты. Даже не одеваешься. Не споришь. Не отстаиваешь право быть любовницей отца. Просто ждешь, – бормочу, рассуждая вслух.

– Мистер Рассел, вы считаете, что я хочу помешать соблазнению Тедди? Нет, уверяю вас. Если ваши родители вновь сойдутся, буду рада. Хотя думаю, что ничего не получится. Тедди не тот тип мужчины, который необходим Али-

сии, а она не даст ему того, что он любит. Между ними пропасть из скованности и страха быть оскорбленным и отвергнутым. Даже если она уложит его в постель, кроме будничного секса ничего не выйдет. Тедди предпочитает орудовать языком так долго, пока он не опухнет. Он кончает от этого, а ваша мать стыдится кунилингуса. И свет... Она его выключает, тогда как Тедди любит смотреть и наблюдать за выделяющейся смазкой. Да и...

– Довольно, – с отвращением обрываю ее, и она тихо смеется.

– И вы смущаетесь того, что в принципе естественно. При сильном возбуждении женщина намокает, а у мужчины крепнет член и сжимается мошонка. Думаю, вам следует изучить теорию, прежде чем пробовать нечто новое, – добавляет издевательски.

– Меня сложно смутить, Бланш. Это гадко для моего восприятия, и только. Меня не интересует, чем занимаются пары за закрытыми дверями, тем более родители. Меня больше интересует, какая выгода тебе от всего этого?

– Возможно, я устала от Тедди. А может, я ангел похоти, желающий внести свою лепту в сексуальные отношения.

– Веришь в Бога?

– Нет, но для красоты речи – это идеальное сравнение, не считаете? Но у нас мало времени, мистер Рассел. По моим подсчетам, Тедди появится через семь – десять минут. У вашей матери ничего не получается, и он уже раздражен от ее

слез и попыток соблазнения. Так что поторопитесь, иначе вы еще больше его разозлите. Он и так считает, что вы чересчур активны со мной и вызываете в нем ревность.

– Ревность? Надо же! Значит, он полагает, что у меня есть шанс стать твоим клиентом, когда ты утверждаешь обратное. Выходит, ты лжешь и таким образом пытаешься меня заманить в подготовленный сценарий.

– Ошибочное утверждение. И явственное подтверждение, что вам этого не хватает, мистер Рассел. Нет, ревность вызвана страхом потерять то, что делает мужчину счастливым. Самцы в любом представителе своего вида чувствуют врага. Они оберегают самку, потому что зависимы от наслаждения, которое она им дарит. Поэтому я не беру долгие контракты, все это усложняет жизнь мне и моим будущим клиентам. Не заводжу отношений и со свободными мужчинами – они не обременены супружеским долгом и желают остаться рядом, когда я потухаю. Влюбленность – первый признак, что пора свести отношения к нулю и направить энергию мужчины в другое русло, точнее, к другой женщине. Именно это происходит сейчас с Тедди. Если бы ваша мать спросила, я бы с удовольствием оговорила с ней модель поведения. Она же взяла всего пару уроков по глубокому минету, да и тот ей не удался, – монотонно вещает Бланш.

Черт возьми, она слишком умна для шлюхи и для женщины вообще. Четкие рассуждения, точные формулировки. Она явственно представляет будущее и планирует его. Кто

ей помог?

– Ты противоречишь сама себе. По какой же причине ты взялась за отца, раз долгосрочные контракты вызывают скуку? Могу сказать точно, до этого ты их не подписывала, практиковала почасовые посещения. Но сейчас находишься здесь и, по всей видимости, устала от отца и от происходящего с тобой. Выходит, у тебя есть задание от кого-то, поэтому ты терпишь и идешь к своей цели. Что это за цель, Бланш?

Она улыбается мне, предлагая понять самому. Облокачиваюсь ладонями о столик и подаюсь вперед. Я злюсь, хочу ударить ее, врезать по губам или по заднице и бить до тех пор, пока она не сдастся. Подобные мысли приходят в голову первый раз в жизни. И они безумны. В эту минуту я хочу опустить ее на колени и услышать честное признание.

– Найти еще более интересный типаж, чем ваш отец, мистер Рассел. Но из-за того, что я немного заигралась, придется отучать Тедди от себя. Резко обрывать нельзя, скажется на психике. Отталкивать нужно медленно, и я это делаю последнюю неделю. Он только два раза в день получает оргазм, тогда как раньше не давала ему передышки. Еще немного, и я освобожусь от этого контракта, волноваться не о чем. – Бланш поднимается со стула и развязывает халат.

– Ложь, – шиплю я, наблюдая, как она медленно сбрасывает одежду. Ткань струится по ее коже, падая к ногам.

– Думайте как хотите, мистер Рассел. Но у вас осталась пара минут, чтобы или выйти отсюда, или окончательно по-

рвать отношения с отцом. Он скоро появится здесь.

Бланш поднимает руки и запускает их в волосы. Ее грудь колышется, соски темнеют, становятся выпуклыми. Сглатываю от гипнотического эффекта, который она оказывает на меня. Держаться до последнего. Я солдат, в конце концов, прошел подготовку, и меня не трогают женские прелести.

Шпильки летят на пол, черные завитки волос падают на плечи, темным облаком скрывая грудь.

– Полезайте в шкаф. Хотя вы не верите, но ваша ссора с отцом в мои планы не входит. – Бланш хватается за руку, толкает к кровати. Слышно, как хлопает дверь. – Быстрее, мистер Рассел, а то потом пожалеете. Я того не стою. Ну же, не медлите!

И я впервые различаю в ее голосе панику. Она волнуется. За меня? За мою семью? Черт, не понимаю, что с нами творится. Я уже не соображаю и лишь позволяю ей толкать меня к шкафу. Она достает одно из платьев, и я оказываюсь внутри маленького помещения, наполненного ее ароматом.

Как только она закрывает дверцы, раздается грохот, и в спальню влетает отец.

– Бланш!

– Тедди, что случилось? Я только высушила волосы. Ужасное недоразумение, но я почти готова, – торопливо бормочет она.

– Ты не поверишь, дорогая! Ты не поверишь, что со мной произошло! – на повышенных тонах восклицает отец.

Он зол и обижен. Мадам просто идиотка!

– Что произошло? – удивленно спрашивает Бланш.

– Алисия хотела немедленно поговорить со мной. Сначала извинилась за то, что изменяла, – думала, я ничего не замечая. Предложила выпить. Я отказался, а она настаивала. Это показалось странным. А затем заявила, что жить без меня не может. Набросилась на меня, начала срывать брюки и пыталась сделать минет. Она укусила меня, Бланш! Она чуть не оттяпала мне член!

Громкий смех Бланш, видимо, приводит отца в недоумение, а я качаю головой из-за «успеха» матери. Я подарил ей возможность, которой она не смогла воспользоваться. Безмозглая дура!

– Тедди, это из-за волнения, – подавляя хохот, успокаивает Бланш. – Ничего страшного. Я говорила, что она захочет вернуться. Надеюсь, она тебя не сильно поранила.

– Но мне она не нужна. Мне ты нужна, милая. Я пытался ей объяснить. Что я другой, что скрывал от нее охоту до иных развлечений, а она начала плакать. Пришлось успокаивать и убеждать, что всегда буду ее поддерживать и она останется для меня другом.

Отец издает стон и, по моим ощущениям, падает на кровать.

– Помоги мне застегнуть платье, – просит Бланш.

– Конечно. А если это повторится?

– Возможно, тебе следует сказать ей о том, что тебе нра-

вится. Я не смогу быть долго с тобой, милый, я предпочитаю одиночество. И когда-нибудь тебе придется самому направлять женщин, чтобы они дарили тебе наслаждение. А лучший способ – поговорить, не обходя опасных моментов, иначе вновь появится скованность. Спальня – то место, где каждый человек имеет право быть самим собой. Интимное место. Тем более быть любовниками с бывшей женой не осуждается, наоборот, принесет в твою жизнь интересную игру. Поверь мне, жена и безумная любовница в одном лице – редкое сочетание, многие женщины не могут раскрепоститься рядом с законным супругом, а с любовником намного проще. Давай обсудим это позднее, мы пропустили уже половину шоу. А я так хочу посмотреть восточные танцы! – И Бланш уводит отца.

Тяжело вздыхая и прислоняюсь затылком к дереву. Она не лгала. Только что Бланш доказала, что ее слова были правдой. Она не будет мешать воссоединению и даже уговаривает отца вернуться к матери. Кто же она такая?

Ударяю ногой по створкам и буквально выпадаю из шкафа. Тут же поднимаюсь на ноги, но не успеваю закрыть его, как входная дверь медленно приоткрывается. Замираю, понимая, что кто-то еще имеет желание ворваться в спальню Бланш.

Черт, да что же за вечер такой дерьмовый?

Глава 9

– Эйс?

Поворачиваюсь и складываю руки за спиной.

– Кузен, перепутал комнаты? – сухо интересуюсь у Ларка.

Предполагал, конечно, что он предпримет новые попытки добраться до Бланш, но не когда я занимаюсь тем же самым. К счастью, желания у нас разные.

И он не так пьян, как хотел казаться там, внизу. Практически трезв, чтобы сделать что-то противозаконное, к примеру. Еще и зол. Очень зол, раздражен и готов на меня наброситься из-за разочарования и потери пальмы первенства.

– Что ты забыл в спальне Бланш, Эйс? – шипит он.

– Тот же вопрос могу задать тебе. Так что не будем обсуждать причины, побудившие нас оказаться здесь, ни к чему хорошему не приведет. Лучше обоим немедленно покинуть эту комнату, пока нас не обнаружили, – предлагаю и направляюсь к двери, ожидая, когда он последует моему совету.

Идиот. Ну разве так работают?

– И что ты хочешь найти, Ларк? Бланш настолько глупа, чтобы привезти в этот дом информацию, которая поможет тебе уложить ее в постель?! Ты головой когда начнешь думать? Эта женщина не для тебя, кузен, она полностью поглощена отцом, уверяю. Поэтому тебе здесь находиться запрещено. А я могу списать все на невнимательность, ведь эта

комната принадлежала моей матери. Да и кто обратит на меня внимание? Меня сочтут чересчур эксцентричным, нуждающимся в лечении, а твой посыл ясен всем. Совет, вновь бесплатный, покинь помещение и сделай вид, что пьян.

– Не учи меня, как обращаться с женщинами, ты о них ничего не знаешь. Наша семейная черта по мужской линии – не принимать отказов, и именно ты утверждал, что отрицание вещей означает сильное желание их же. Я следую твоим советам. Выходит, Бланш хочет меня и специально заводит, раздраконивает, она...

– Использует тебя, – заканчиваю за него. – Да-да, именно так. Ты ей нужен был в одном довольно щепетильном деле и отыграл как по нотам, даже не заметив. Она умна, сам говорил, так зачем ей такой оболтус, как ты, Ларк? Сравни мужчин, которых она принимает. В тебе нет ничего, что могло бы ее заинтересовать. А наличие пениса не делает тебя отличным от других. Прекрати поддаваться извращенным желаниям своего пустого разума. Ты лишь унижаешь себя. Хотя мне и безразлично, как тебя воспринимают окружающие, но я говорю это ради твоего отца и моего босса. Очнись, прими ледяной душ, соверши пробежку... Эта женщина не нужна тебе так сильно, как ты думаешь. Займись чем-нибудь полезным, чтобы выбить ересь из головы и очистить сознание.

Он словно сдувается, в глазах боль и даже затравленность. Да он убивает себя изнутри, пьет, чтобы обрести внутреннюю силу и сделать следующий ход. Но можно биться о сте-

ну бесчисленное количество раз и не пробить ее, а лишь погибнуть от недостатка кислорода. И это не вина Бланш, вряд ли она поощряет его, за вечер ни разу даже не взглянула. И теперь я верю ее словам. Не всем, но в отношении кузена она честна. В нем она никогда не увидит мужчину, потому что сильнее его в разы.

– Я не могу думать ни о чем другом. Как будто под гипнозом. Вижу ее во снах, Эйс, да я кончаю, как только представляю ее перед собой. Я с ума схожу, и мне так плохо. – Он хватается за голову и дерет на себе волосы. Дрожит, его кожа бледна, а лицо покраснело от повышенного давления. На пальцах белые следы. Кокаин. Сейчас бесполезно что-то объяснять, кузен невменяем, и его давняя привычка прибегать к дорожкам вернулась. Он подсел на порошок лет в шестнадцать. Странно, дядя в курсе его зависимости и ничего не делает. Почему? Ларк – единственный сын, и во избежание катастрофы его надо лечить.

– Кузен, ты под кайфом. И это отвратительно...

– Да заткнись ты, психопат! – кричит он, лупя кулаками по воздуху. – Ты задолбал меня своими нравоучениями! Кто ты такой, чтобы обвинять меня в слабости? Ты как отец, он тоже смотрит на меня как на пустое место! Да, я не такой, как вы! Я не хочу быть таким, потому что я живой... Мне плохо, Эйс. Мне так одиноко. – Перепады настроения – тоже последствия приема наркотика. И сейчас в глазах Ларка слезы, а голос хрипит от печали. – Говорят, Бланш помога-

ет всем мужчинам, находит то, что дает им силы бороться. И мне нужны они. Чтобы найти возможность заставить ее прийти ко мне, увидеть меня, стать ближе. Я хочу эту женщину, хочу большего, не только секса. Я женюсь на ней, и Бланш перестанет продавать себя, будет со мной, моей, понимаешь? Мне нужно лишь то, что вынудит ее обратить на меня внимание. Эйс, помоги мне найти это. Помоги...

– Нет, – обрываю его скулеж.

– Ну да, зачем помогать мне, когда ты хочешь ее для себя! Ты тоже в этой спальне, пришел, пока не было отца. Я следил за Бланш, видел, что дядя вошел в спальню к твоей матери. Я ждал, когда Бланш выйдет, а ты все время был здесь с ней! Что ты делал? Ты ее клиент? С каких пор тебя интересуют женщины, Эйс? Ты же импотент! Ты ничтожество, у тебя ничего не работает! Что она делала с тобой, отвечай! – рычит он, делает выпад в мою сторону, а я – всего лишь шаг вправо.

Ларк врзается в дверь, глаза налиты кровью. Не хватало еще драку затеять, могу ведь и убить. Я-то прошел спецобучение, изучал восточные единоборства, тренируюсь каждый день, а кузен далек от всего этого и работает у отца «на побегушках». Придется завтра сообщить дяде – любая сотворенная Ларком глупость может навредить нам обоим.

– Ты вообразил, что я пал от красоты и порочности мисс Фокс, как первобытные мужские особи? Ты глуп, Ларк. Мне не нужно прилагать усилий, воровать что-то, чтобы женщина захотела прийти ко мне или же пригласила к себе для раз-

говора. Меня не это интересует, работа – вот что важно. А ты подставляешь отца. Такая женщина, как Бланш, сразу тебя раскусит и направится к нему, потому что знает: он единственный человек, который сможет тебя приструнить. Хочешь этого? Так вперед, выкради у нее пару трусиков и будешь выглядеть полным идиотом в глазах общества. Бланш не упустит возможности рассказать о твоём поступке. Это ведь ее статус, ее авторитет, ее власть. Или ты решил подарить ей еще одну байку про самоубийство после отказа? Поумней, кузен, хоть немного протрезвей и прекрати употреблять гадость, которая сведет тебя в могилу.

Не могу совладать с привычкой говорить резко и грубо. Ларк бледнеет и отступает, держась за стену. Отца он боится и зависит от него, что позволяет вести роскошный образ жизни и всегда быть на плаву.

– Подумай, Ларк, к чему приведут сиюминутные желания под кайфом. Найди что-то иное, отличное от продажной женщины. Как тебя воспримет свет, когда ты женишься на ней? Год-два будешь счастлив, а потом? Одиночество – лучшее, что ты имеешь. Развивайся, а не губи себя из-за недостатка родительского внимания. Ни я, ни ты его не имели, но это не дает тебе права подставлять всех нас из-за похоти, которую ты себе выдумал, – ставлю точку в бесполезном разговоре.

Я его напугал, это все, что мог сделать. Сейчас Ларк считает себя всесильной, властной особой, а на самом деле жа-

лок. Выхожу из комнаты и тихо закрываю за собой дверь.

Ничего он не сделает, пойдет пить или решит как-то выплеснуть энергию, я достаточно популярно объяснил ему последствия. Страх в его глазах и расслабленные мышцы говорят о быстрой капитуляции. Как я и предполагал, кузен вылетает из спальни Бланш через несколько секунд после моего ухода. Оглядываясь, подбегает к лестнице и быстро спускается. Мне следует пойти к себе и подумать, сложить все, что узнал сегодня. Но я не могу предугадать действий Ларка и силу его вожеления. Ничего не остается, как последовать за ним. В наркотической эйфории он посчитает себя суперменом и решится на непоправимый поступок. А там Молли, мой отец и люди, от которых зависит наше положение в обществе. Одно неверное движение – и все рухнет, для нашей семьи закроются двери, и на мне это скажется больше, чем на них. Я потеряю все из-за любвеобильности кузена и его привязанности к белому порошку.

Останавливаюсь на лестнице и поднимаюсь обратно. Нет, не я буду решать проблемы кузена, есть кому оборвать его мечты.

Дохожу до спальни дяди и стучусь. После разрешения войти оказываюсь в слабоосвещенной комнате.

– Если ты пришел, чтобы вновь докучать мне выводами насчет шлюхи, выйди, – говорит Нейсон, не отрываясь от книги. Он предпочитает остаться наедине с каким-нибудь философом или чем-то более кровавым вроде отчетов об

убийствах и нападениях.

– Ваш сын, сэр. Кокаин. Я его поймал в комнате мисс Фокс, когда он хотел украсть у нее, предполагаю, драгоценности. Ситуация критическая, – четко докладываю.

Босс поднимает голову, его стальные глаза наливаются злостью.

– Значит, лечение не помогло. Что ж, это его выбор, Эйс. Я не собираюсь влиять на него. – Он возвращается к чтению.

– Вы должны, сэр, иначе это сделаю я. Если вы позволите Ларку употреблять наркотики, то вынуждаете меня вмешаться. Он угроза для моей семьи и может совершить то, что повлияет и на вас, и на меня. Если кто-то из членов парламента догадается о том, что вы оплачиваете ему наркотики, это вызовет негодование. Вы же знаете, как они относятся к ним. И хоть каждый из них порой сидит на чем-то, факт всплыть не должен. Это подорвет ваш авторитет, и я не позволю недоразумению случиться из-за вашего нежелания наказывать сына, – уверенно произношу.

Нейсон поднимает голову, он в ярости. Я уязвил его, первый раз в жизни. Всегда следовал приказам, исполнял их, но не сегодня. Не могу позволить, чтобы Ларк навредил кому-то из родных, даже Бланш, потому что не она виновата, а дядя. Знаю наверняка, что он не лечил сына. Пустил все на самотек, даже помогал найти дилеров – мы можем достать все что угодно, лишь бы об этом никто не узнал.

Мужчина встает из кресла и швыряет книгу на пол. Его

сила, которую ощущаю на расстоянии, может убить любого, но я из другого теста. Я подчиненный. У меня кодекс, который нельзя нарушать даже в гражданской жизни, однако я это совершил.

– Ты ставишь под сомнение мои слова, солдат? – низким голосом спрашивает Нейсон. Я хорошо знаю этот тембр, так он приговаривает к смерти предателей.

– Нет, сэр, ни в коем случае. Я лишь показываю, что не собираюсь наблюдать, как моя семья тонет из-за вашего сына. Я обещал защищать Молли, и я это делаю.

Сглатываю от напряжения, но удерживаю зрительный контакт. Он может ударить, такое случалось, когда я был моложе. Он только так воспитывал детей, точнее, меня – отец был не способен совладать со мной и моим сознанием. Чтобы я шел по стопам отца и дяди, меня отправляли в закрытую воинскую часть, где ко мне относились с особой жестокостью, в отличие от Кузена и Стэнли, которых поощряли и возили загорать на море. Да, это было давно, но сейчас я уже не маленький мальчик и могу ответить.

– Тогда разбирайся сам. Ты создал эту проблему, ты ее нашел, так выполняй свое предназначение. Можешь отправить Ларка в черную комнату, меня это не волнует. – Он разворачивается, демонстрируя, что разговор окончен.

Черная комната? Да он с ума сошел! Кузен умрет на месте от того, что делают на допросе. Свихнется моментально. И отношение Нейсона мне не нравится, не понимаю, почему он

спокоен, когда его сын стал неконтролируемым? Неужели и я так же выгляжу? Отвратительно. Да, я испытывал гордость, когда меня сравнивали с дядей, но не сейчас.

– Не я создал проблему, сэр, я напомнил о ней. И у меня нет такого уровня полномочий, чтобы отправлять людей в черную комнату. Я могу только посоветовать в качестве вашей «правой руки», не более, – медленно отвечаю, взвешивая каждое слово.

Нейсон резко оборачивается и окидывает меня пренебрежительным взглядом.

– И что ты можешь посоветовать, Эйс?

– Принять мои слова к рассмотрению и заставить Ларка уехать. Он только вас послушает, сэр. Вы для него авторитет, как и для многих. Вы можете вселить животный страх, что позволит ненадолго избавиться от проблем, которые принесет с собой зависимость Ларка. Только вы в силах что-то сделать, я таких полномочий и умений не имею, к сожалению. Но буду учиться у вас.

Как же гадко говорить это. Но лесть – дядина слабость. Он ее обожает. Я узнал об этом пять лет назад, когда его заставляли взять в поездку нового служащего вопреки его желанию. Даже приказы на него не действуют, но лесть творит невозможное.

– Ты считаешь, он послушается? – с сомнением спрашивают меня.

– Конечно. Вас нельзя не услышать, даже когда вы шеп-

чете.

– Что ж, ты всегда отличался смекалкой и умением предотвращать проблемы. Я доверяю тебе, Эйс. Так и быть, сейчас спущусь. Следи за ним, я вызову Ларку машину. Но об этом никто не должен знать, и ты забудешь. Приказ понят?

– Да, сэр.

– Выполнять.

Выхожу из спальни и закрываю за собой дверь. Нужна пара минут, чтобы восстановить внутреннее равновесие. Когда дело касается подобных ситуаций, приходится прикладывать невероятные усилия, чтобы не сорваться. Да, иногда во мне рождается желание ударить его и показать, что я не сопляк. Но потом здравый смысл берет верх, и я остываю. А сейчас чувствую усталость – чтобы завтра работать, необходим сон.

Я не имею возможности жить, как хотел бы. Да и что я хочу? Всегда быть занятым, чтобы не сойти с ума. Единственный выход, чтобы не превратиться в маниакального психопата, ищущего интересные случаи или создающего их себе. Вот моя слабость. Я опасаясь стать монстром, потому что понятия не имею, что во мне скрыто. Ничего не помню и боюсь вернуться в прошлое, чтобы узнать. До сих пор даже не желал этого.

Спускаюсь вниз и направляюсь в зал, где вчера шла игра. Сегодня здесь гремит музыка, гости танцуют, кто-то выпивает за столиками. Брожу среди толпы, наблюдая за происхо-

дящим, ищу кузена. Замечаю Молли, флиртующую с тем же молодым человеком, которого я видел перед ужином. Стэнли торчит со знакомыми у бара, а отец... его нет. Бланш разговаривает с Декландом, и я вижу, как она улыбается. Сейчас на ней алое платье, оно переливается, и женщина привлекает еще больше внимания. Если отец отсутствует или общается с кем-то из друзей, а Бланш практически одна, то Ларк должен быть поблизости, он не упустит возможности увести женщину. Значит, придется держать ее рядом, чтобы он понял, я этого не допущу.

Делаю шаг, как вдруг обзор перекрывают несколько гостей, они пьяны и не замечают моего присутствия. Пока пытаюсь выбраться из толпы, извиняются, кто-то узнает меня и решает завести разговор. Когда наконец вырываюсь на свободное пространство, место, где еще пару минут назад сидела Бланш, пусто, остался только Декланд. Быстрым шагом подхожу к нему.

- Где она? – спрашиваю, перекрикивая музыку.
- Кто? – изумляется старик.
- Эта женщина. Бланш Фокс, – рычу.
- Сказала, что увидела знакомую.
- Куда она пошла?
- Вроде бы к бару, я не слежу за ней, Эйс. И ты прекрати ее преследовать, отец недоволен, как ты относишься к ней, – нравоучительно отвечает он.
- Ларка видел? – игнорирую его слова.

– Нет, он вроде даже не появлялся.

– Увидишь, любым способом задержи и выведи его из зала.

– Что происходит, Эйс? – Декланд поднимается и с испугом смотрит на меня.

– Кокаин.

Одно слово, и он все понимает. Кивает, и я, разворачиваясь, сканирую взглядом толпу. Бланш нет, ее платье сияло бы при ярком освещении. Кузена тоже не видно, значит, пошел за ней. Вылетаю из зала и закрываю глаза, чтобы почувствовать аромат ванили. Слишком много запахов, и я не в силах уловить нужный. Но вот другой, сладкий, терпкий и вонючий, нахожу. Ларк.

След ведет к лестнице. Огибаю гостей и направляюсь на второй этаж. Комната Бланш. Распахиваю дверь – пусто. В следующей спальне останавливается кузен. Если он применил силу и потащил ее за собой, то... Нет, на ковре не вижу никаких следов борьбы, а они бы остались. Возвращаюсь обратно и спускаюсь по лестнице, обдумывая, куда еще могла пойти Бланш. Кабинет отца? Возможно. Гостям туда вход запрещен, вероятно, она отправилась на поиски отца, чтобы обсудить контракт. Они могут быть в опасности, если Ларк последовал за ней.

Огибаю лестницу и иду по залу. Свет приглушен, за некоторыми столиками болтают гости, не обращая на меня внимания. Открываю двери и оказываюсь в гостиной. Слышу

наконец голос Ларка, громкий и отчетливый. Как только прохожу мимо книжного стеллажа, меня хватают за руку. Отражаю удар, нападающий оступается в темноте, и в следующий момент, воспользовавшись заминкой, хватаю противника за руку и толкаю к шторам. Моя рука оказывается на чьем-то горле, и я втягиваю в себя аромат ванили и орхидей.

Глава 10

– Вы хотите придушить меня, мистер Рассел? – шепчет Бланш.

– Ты напала. – Продолжаю держать за горло, но хватку ослабил.

– Да, чтобы предотвратить ваше вторжение.

– Отец там? – Отпускаю ее и делаю шаг, но женщина перекрывает мне путь.

– Ларк под кайфом, он шел за мной, я почувствовала взгляд задолго до его появления рядом. Этот сумасшедший блеск в глазах узнаю из миллиона, как и без конца хлюпающий нос. Не волнуйтесь, Тедди там нет, я бы не позволила Ларку навредить ему. Ваш отец был в зале, обсуждал политические вопросы. А кузен разговаривает... со мной.

Из-за закрытой двери слышно, как Ларк швыряет что-то и требует от Бланш прекратить прятаться и появиться перед ним.

– Он даже не заметил, что я туда не вошла и закрыла его в кабинете. Потом слышала ваши шаги.

Глаза привыкли к темноте, теперь я отчетливо вижу Бланш, протягивающую мне ключ. Умная. Чертовски сообразительная женщина.

– Ты права, это кокаин. У Ларка раньше была сильная зависимость, сейчас, видимо, снова проявилась из-за тебя. –

Беру с ее ладони ключ.

– О первом я догадалась, но второе заявление ошибочно. Употреблять он не переставал, а в последнее время прибегает к наркотику все чаще. Он поглощен идеей – обладать мной, и мне придется дать ему эту возможность, иначе это грозит безопасности. И моей, и Тедди. Я знаю, что такое зависимость, мистер Рассел. И каковы последствия. – Бланш отворачивается и поджимает губы.

– И из-за этого ты согласишься переспать с ним? – шиплю я, вызывая ее интерес. Я этого не хотел, но Бланш вопросительно приподнимает бровь.

– А вас это волнует, мистер Рассел? – усмехается она.

– Ни капли, – делаю шаг назад, а она улыбается еще шире.

– Вы лжете, но если так предпочтительней, спорить не буду.

– Бланш, не придумывай несуществующего влечения. Меня всего лишь удивило, с какой легкостью ты решила позволить Ларку пользоваться собой, когда уверяла в обратном.

– А кто говорил, что именно я стану тем человеком, который подарит ему удовлетворение? Нет, я брезгую такими мужчинами. К тому же есть другие способы дать ему почувствовать, как мечты превращаются в реальность. Повязка на глазах, к примеру, намордник, наручники, да много чего еще. Иногда проворачиваю такие дела при помощи своей знакомой. Я руковожу, она исполняет. Все деньги отдаю ей, потому что противно знать, насколько низменные желания

обращаются против меня. К сожалению, это неизбежно.

Она обнимает свои обнаженные плечи руками и ежится от прохлады, царящей в гостиной, – дверь на террасу открыта.

Стягиваю с себя пиджак и предлагаю ей.

– Это лишнее. Думаю, вы сможете разобраться и не дать Ларку испортить праздник. Для Тедди, который и так опасается, что все могут отвернуться от него, это будет крахом. Как бы ни отрицал, он нуждается не только в наслаждении, но и в общении, в поклонении, в поддержании авторитета. Типичный мужчина, – улыбается Бланш. – А если ваш дядя ничего не предпримет, я готова отбить у Ларка желание обладать мной. – Она кивает мне в знак прощания и направляется к дверям.

– Бланш.

Мой голос заставляет ее замереть и обернуться.

– Благодарю тебя за предусмотрительность и наблюдательность. Надеюсь...

– Конечно, мистер Рассел, я все понимаю. Когда вы уже убедитесь, что я не желаю разрушить вашу жизнь и ставить под угрозу Тедди из-за мужского самомнения? – перебивает она меня с разочарованием.

– К сожалению, я не могу тебе доверять, потому что уверен, ты можешь разрушить мою жизнь. Ты таишь в себе нечто, что станет крахом для всех.

Верчу пальцами ключ и даже не слышу криков Ларка и звука бьющегося стекла. Я смотрю на женщину и ощущаю

усталость, так и хочется сесть на пол, запустить пальцы в волосы и никого не видеть.

– Обещаю, что вас это коснется не так, как вы думаете, мистер Рассел. Вы не пострадаете. Вы начинаете мне нравиться, а это опасно для вас, сэр. Доброй ночи, – мягко отвечает Бланш и выскальзывает за дверь, прежде чем я реагирую на ее фразу.

Сказано от чистого сердца. Она призналась, что появилась здесь не просто так, и вновь дала пищу для размышлений. Почему? Я нравлюсь ей? Я никому не нравлюсь, даже не замечаю, когда это происходит. Обычно не происходит вовсе. А ей я нравлюсь. Идиот.

Так, лучше подумать о том, что делать с Ларком. Стены кабинета удержат его от непредсказуемых действий. Нужно найти Нейсона и передать ему ключ.

У выхода из зала замечаю дядю и дожидаюсь его приближения.

– Кабинет. – Вкладываю ключ в его руку. Он без слов оглаживает меня и идет в указанном направлении.

Все, с меня достаточно. Организм требует долгого сна. С последнего отдыха прошло более суток. Слишком много новых знаний, выводов, потраченных нервных клеток, я могу спечься.

Поднимаюсь на второй этаж. Проходя мимо двери, ведущей в спальню Бланш, заставляю себя идти дальше. Хватит. Я больше не воспринимаю информацию, требуется перева-

ритель уже полученную. Хотя мой разум способен оперировать множеством понятий, позволяя думать о нескольких вещах одновременно, все же человеческое тело ужасно непродуманно. Оно может отказать раньше, чем я догадаюсь о чем-то очень важном. Вот решение, у меня под носом, а я не вижу. Это раздражает, и требуется свежая голова, чтобы расставить все по местам.

Принимаю душ, набрасываю халат. Собираю вещи и наминаю по телефону Декланду, что должен выехать в шесть утра, чтобы вовремя появиться на рабочем месте. Снова придется нанять шофера, я предпочитаю не тратить время на вождение. Завтра сделаю запрос в нашу службу, пусть займутся.

Ложусь в постель, откидываюсь на подушки, подложив под голову согнутые руки.

Бланш Фокс. У меня раньше не было соперников, о которых я бы думал. Я просто был лучшим в своем деле и, не прикладывая усилий, получал ту или иную должность. Но никаких поблажек, наоборот, мой путь был сложнее, чем у остальных. Меня проверяли, учили, забрасывали работой и снова опускали на ступень ниже, вызывая стремление двигаться вперед. Сейчас я нахожусь там, куда и хотел попасть. У меня нет желания стать министром или подняться выше, я предпочитаю исполнять, а не приказывать. Это скучно. И я узнал, что приказы могут быть иными. Более интимными. Болезненными. Лишними. Не следовало бы позволять

Бланш подписывать контракт, но я больше не хочу мешать ей. Я понял, что отец действительно поглощен этой женщиной, и резкий отказ повлечет за собой ненужные последствия. А мать? Даже не удивлен. Она не сможет изменить того, что натворила. Ложь, которую я подозревал, подтвердилась. Бланш не просто так рассказала мне все, она дала наводку. Она постоянно это делает, но для чего? Хочет, чтобы я что-то нашел?

Я должен отдохнуть хотя бы пару часов, мой мозг работает на износ. Хватит. Нельзя думать о ней, иначе придется применить отрицание происходящего, чтобы не дать себе превратиться в глупую и никчемную личность. Праздник завершился с час назад, все стихло. Сейчас отец должен быть у Бланш и обсуждать новый контракт. Я спокоен, потому что верю в ее ослабевающий интерес к этому мужчине. Она уже получила от него то, что искала. Что это? Информация, пароли или что-то более критичное для страны?

Снова. Снова мои мысли вернулись к Бланш, и это раздражает. Дядя не волнуется о ней, значит, и мне не следует. Он всегда все знает наперед, и если бы вычислил ее, этой женщины уже не существовало бы. Она была бы мертва. Это обычное наказание с подменой улик и обвинением в нарушении законов – продажа информации или еще чего-то значимого, что привело бы к немедленному устранению. Все представили бы как несчастный случай. Или нашли бы «неудовлетворенного любовника», и он взял бы на себя вину за

убийство. Дело пяти минут.

Глухой шум заставляет распахнуть глаза и подскочить с постели. Моргая, оглядываюсь и прислушиваюсь. На часах четыре утра. Подхожу к двери и тихо открываю ее.

– Простите, – шепчет незнакомый мужской голос.

– Веди себя тише, не хочу поднять на ноги весь дом. – Холодный голос Бланш вызывает напряжение.

– Споткнулся о ковер, – извиняется визитер.

Выглядываю и вижу человека с небольшим фирменным чемоданом. Видимо, его он и уронил.

– Жди меня внизу. Оденусь, и поедем. – Бланш тяжело вздыхает и закрывает дверь.

Он кивает уже в пустоту и бесшумно спускается по лестнице.

Поправляю халат и выхожу из комнаты. В спальню Бланш вхожу без стука.

– Не спится, мистер Рассел? – Женщина оборачивается ко мне, облаченная в огромный махровый халат для гостей.

На столике нет ничего из косметики, комната убрана, на кровати лежат чулки, нижнее белье, блузка и юбка.

– Ты уезжаешь. – Встречаюсь с ее синими глазами.

– Да. Контракт закончился, предпочитаю собираться в тишине, чтобы никто не отвлекал, – кивает она и сбрасывает халат.

– Отец не пожелал нового? – интересуюсь, наблюдая, как обнаженная женщина подхватывает трусики.

– Он немного перебрал. Декланд помог дотащить его до спальни и уложить. Но никто не может винить Тедди, пятьдесят бывает только раз в жизни.

– Даже я понимаю, что это подло с твоей стороны. Ты бежишь отсюда. – Бланш принимается за пояс для чулок.

– Я следую контракту, мистер Рассел. Предпочитаю не нарушать, потому что сама прописывала пункты, и это показало бы мою некомпетентность. Люблю порядок во всем, даже во времени, его тоже указываю при подписании договора. Я вас разбудила?

Она садится на кровать и наклоняется, чтобы надеть чулок. Медленно скользит по ноге, облачая в черный капрон, пока не отпускает резинку, которая с силой ударяет по бедру.

– Я подумал, случилось что-то, – медленно отзываюсь, не желая упустить ни одной детали в процессе одевания.

– Нет, всего лишь я, – смеется Бланш, подхватывая второй чулок. Я никогда не видел, как женщина одевается, собирая идеально-глянцевый образ. И это довольно интересно. Капрон тонок, его легко повредить, а она надевает чулки с любовью.

– Мне приятно, что вы волновались за меня, мистер Рассел.

– Когда? – Отрываюсь от созерцания ее ног и поднимаю взгляд.

– Сегодня, когда пришли спасти меня от безумного наркомана. – Бланш принимается медленно застегивать блузку.

Очень необычное зрелище. Черное белье и белый шелк.

– Обманчивое восприятие. Я пришел, чтобы предотвратить унизительные последствия для моей семьи. Тем более мне ни к чему проблемы с Ларком, – качаю головой.

– При вашем умении замечать нюансы это очень оскорбительная ложь, сэр. Вы шли за мной, ваш аромат задержался здесь. Можете уверять меня в том, что это из-за событий, случившихся ранее, и после вашего разговора с матерью в спальне, но тогда бы он стал слабее. А запах одеколона был столь ярким, будто вы стоите рядом. Значит, вы проверили эту комнату, прежде чем спустились вниз и подумали о том, что я могу обсуждать контракт с вашим отцом в кабинете. Выходит, вы волновались и о моей безопасности, ведь встретились с кузеном именно здесь. Приторную вонь его парфюма я узнаю из миллиона, он очень едкий в отличие от вашего. – Бланш застегивает юбку и направляется к черным туфлям на высоком каблуке. – Я всегда заставляю клиентов принимать душ, чтобы не чувствовать на своей коже этот смрад. Естественный запах возбуждает больше. Вы так не считаете?

Наши взгляды встречаются, и я отвожу свой. У меня до сих пор нет сил бороться, сейчас я способен только слушать ее и снова корить себя за предпочтения.

– Итак, ты уезжаешь, и я могу быть уверен, что не будешь искать встреч с моим отцом. Верно? – Меняю тему, чтобы хоть как-то обезопасить себя.

– Мистер Рассел, я никогда не бегаю за мужчинами. К то-

му же у меня есть план, от которого не собираюсь отклоняться. Я уже упоминала о нем. Наши отношения с Тедди должны были прийти к логическому завершению. Не поможете? – Она указывает взглядом на шкаф.

– И кто, по твоему плану, должен стать следующим клиентом? – Спрашивая, подхожу к шкафу и достаю черное пальто; расправляю, отбрасывая вешалку на кровать.

– Он уже есть, мистер Рассел. Заказ на семь утра, и я должна выехать сейчас, чтобы немного отдохнуть. Кьяра от скуки, наверное, уже вешается.

Тихо смеясь, Бланш поворачивается ко мне спиной, и я помогаю ей надеть пальто. Мои пальцы остаются на воротах и касаются ее шеи.

– А если я хочу быть следующим? – шепчу, подхватывая длинные волосы и расправляя на черной ткани.

Она поворачивает голову, и ее губы мягко изгибаются.

– Я откажу вам, мистер Рассел. Вы мне и правда нравитесь, но не как мужчина, – отвечает она. – Приготовьтесь, отец будет винить вас в том, что я запланировала. Не сдавайтесь, потому что давление скажется на вашем восприятии. Не позволяйте мне уступить ему.

– Я богаче его, Бланш, и намного интереснее. Одно мое слово, и он забудет о тебе, а если я стану твоим клиентом, то...

– Это вызовет ненужный выброс адреналина у Тедди и Ларка. Вы для них соперник, хотя это не так. Вы им не кон-

курент, потому что я вас не хочу. К тому же я желаю оставить в памяти удивительного психопата. – В ее глазах озорной блеск, и я усмехаюсь.

– Предпочитаю быть социопатом, – поправляю.

– Знаю, мистер Рассел. Но психопат меня возбуждает больше, – она выдыхает эти слова, вызывая желание задержаться. Не могу позволить ей уйти просто так, дело не завершено.

– Что ж, пришло время попрощаться с этим местом и наконец-то поехать домой. Впервые мне пришлось ночевать в чужой спальне. Клиентов я принимаю исключительно у себя. – Бланш отходит и подхватывает сумочку из кресла.

– Выходит, ты изменила своему кодексу по очень важной причине, – делаю я вывод.

– Верно, – кивает она.

– И что же послужило причиной?

– Вы, мистер Рассел. Ничего не смогла поделать с желанием посмотреть на вас и убедиться, что вы действительно уникальная личность. Я получила удовольствие от этого приключения. А вы?

Смеется она надо мной или говорит правду, я не знаю. Просто спускаюсь с ней по лестнице и не могу понять зачем.

– Я нравлюсь тебе, Бланш, но ты мне отказываешь. В чем суть твоей игры? – спрашиваю, когда мы останавливаемся у распахнутых дверей. Холодный воздух окутывает мои босые ноги, и я ощущаю, какое тепло исходит от женщины напро-

тив.

– Порой не нужен смысл, чтобы сделать что-то безумное. Я тоже имею слабости, мистер Рассел, и иногда позволяю вести меня по известной только им дороге. Да и все знать очень скучно, лучше дожидаться чего-то необычного и вновь вступить в игру, чтобы распутать клубок. – Улыбаясь, она склоняет голову набок.

– Надеюсь, мы всегда будем с тобой на разных сторонах, союзниками мы быть не можем в принципе. У нас разные цели, и я узнаю твою, – шепчу я.

– Вы ее уже знаете, мистер Рассел. Я предоставила вам достаточно информации, чтобы вы не скучали. Лондон уже не кажется вам обыденным, не так ли?

– Ты гадюка, Бланш.

– А вы неуравновешенный психопат, сэр, – моментально парирует она.

Эта борьба никогда не завершится, и мне она нравится. Я испытываю чистое наслаждение стоять и наблюдать, как зрачки женщины расширяются и моментально сужаются. Она контролирует себя, лишь на миг позволяя мне увидеть большее.

– Прощай, Бланш.

– До встречи, мистер Рассел, – отвечает она и делает шаг назад.

Успеваю схватить ее за руку и резко притянуть к себе. Ее губы приоткрываются в шумном вдохе.

– Не заставляй меня уничтожить тебя, Бланш, – предупреждаю.

– Вы волнуетесь обо мне, мистер Рассел?

Тихо смеясь, она качает головой и приподнимается на носочки, чтобы приблизиться к моему уху, ладонью проводит по затылку, и я сглатываю от смеси ее аромата и прикосновений, вызывающих неприятное покалывание в паху.

– Будьте начеку, мистер Рассел. Порой под шкурой овечки скрывается волк, и их слишком много рядом с вами. Не заставляйте меня переживать, будьте психопатом. Это позволит вам понять, почему вы возбуждены.

Ее шепот проникает в голову, и я чувствую, как мягкие губы оставляют отпечаток на моей щеке. Пульс набирает обороты. Я слышу ее дыхание, прерывистое, близкое, и это не дает сосредоточиться. Бланш отступает, и моя рука падает вдоль тела.

– Зачем ты это сказала? Я же отпускаю тебя! – возмущаюсь, злясь на себя за неправильное стечение обстоятельств.

Она оборачивается, и ее глаза сверкают в темноте триумфальным блеском.

– Чтобы вы поняли: не стоит отвергать то, о чем вы не имеете представления. Игра только началась. До скорого, мистер Рассел. – Подмигивает и выходит из дома. Двери закрываются, и через пару мгновений машина отъезжает.

Пальцами касаюсь отпечатка губ на своей щеке и ничего не понимаю. Она что-то знает и предупреждает меня. О ком?

Сколько этих овец, что они задумали? Она с ними? Какое отношение имеет ко всему отец? А я? Именно я стал причиной, по которой она связалась с ним, но полностью в этом не уверен. Она получила какую-то информацию и теперь что-то хочет от меня, но не примитивного сношения. Нет, что-то важное. Следует тщательно просмотреть дело Бланш и понять, какие причины заставили ее прилететь в Лондон. Уилсон – пешка в игре, она все подгадала. Свой приезд. Клиенты – только высокопоставленные люди, у которых слабости намного грязнее помыслов. Она собирает какую-то информацию о них, и отец стал одним из тех, кто во время близости мог ее разболтать. Но что? Шпионка? Вероятно... было бы. Три года – длительный срок для передачи данных, значит, она не спешит, делает все медленно и движется к определенной цели. Как в этом замешан я? Она думает, что у меня есть то, что ей поможет. Но что? Вряд ли она не знает паролей, ей их уже сообщили. Планы парламента? Знает. Военная стратегия и тайная работа над ядерным оружием? Знает. У нее достаточно информации, чтобы привести страну к глобальному распаду, но не это она ищет. Что? Черт возьми, что она может хотеть? И кто ее заказчик?

Напрягаюсь. Я больше не один. Втягиваю носом аромат духов и закатываю глаза.

– Она уехала? Прекрасно. Завтра Таддеус проснется в постели со мной, и я сообщу ему, что мы не предохранялись, – раздается за спиной довольный шепот матери.

– Мадам, успокойтесь. Вы проиграли, – вздыхая, поворачиваюсь к ней.

– Нет, Эйс, я выиграла, а вот ты можешь проиграть. У тебя помада на щеке, и ты ее не стер. А мне никогда не позволял целовать тебя. Ты рехнулся? – зло шипит мать.

– Верное замечание, мадам. Я психопат, поэтому могу делать что захочу. Но в отличие от вас я все предусматриваю. Вы забыли, что после рождения Молли лишили себя возможности рожать? Но попробуйте обмануть отца и подарите мне удовольствие наблюдать, как вас высмеют. Смиритесь, больше вы не представляете интереса ни для кого из нас. И раз уж мы признаемся в сумасшествии, то мне нравится эта помада. Она ядовитая и напоминает мне, что женщина – лишь вымышленный образ, но никак не враг. Прощайте, мадам, и прекратите воровать у отца, иначе придется сообщить ему об этом.

Поднимаясь по лестнице, стираю со щеки отпечаток губ Бланш.

Мы еще увидимся, но в следующий раз я буду подготовлен к атаке на то, что сильнее всего защищал в своем разуме. У меня интересный противник, только я уже не уверен: эта женщина мне враг или же возможность расширить свое сознание?

– До встречи, Бланш.

Глава 11

Кручу карточку в руках и смотрю на монитор компьютера, где открыт отчет о контрабанде оружия, ввезенного в страну в день моего возвращения. Взгляд все равно переходит на маленький клочок бумаги, на котором оставлен поцелуй и телефон. Я нашел визитку на подушке, когда вернулся в спальню. Бланш не могла быть в двух местах одновременно, значит, положил кто-то другой. Молли. Она не спала и наблюдала за нами, а затем, прощмыгнув в мою комнату, оставила карточку Бланш Фокс. Светлый волос, оставленный сестрой у порога, ее духи – она не пыталась скрыть своих действий. Зачем? Как она связана с Бланш и ее тайнами? Ситуация набирает обороты, и все крутится около этой женщины. Пока ее не было, точнее, я не знал о ней, никакой опасности не существовало. Теперь боевики вновь предпримут попытку совершить теракт, и я должен этому помешать.

На виски жутко давит, я так и не заснул, размышляя, как выглядит дело. Пришлось пораньше приехать в парламент, чтобы найти больше информации о Бланш. Все так, как она и говорила. Ее приемные родители состоятельны и переехали в маленький городок после удочерения девочки. Как только Бланш улетела в Лондон, вернулись в Нью-Йорк. Все чисто. Но Уилсон не мог поехать в Ливингстон, это бессмысленно. Значит, Бланш была в Вашингтоне, когда он там находился.

Заставила его обратить на себя внимание, ведь до этого не выезжала из штата. Или делала это, но незаметно. Да и как она могла научиться быть той, кем является сейчас, без посторонней помощи? Никак. Бланш убегала из дома или просто исчезала, с таким-то характером. Вряд ли родители могли что-то ей запретить. И они не стыдятся ее занятия международной проституцией.

Черт, я должен думать о насущных проблемах, а не о женщине и ее загадках. К ним я еще вернусь.

Неприятный писк телефона вызывает боль в висках, и я кривлюсь.

– Да. Занят, – рычу, нажимая на громкоговоритель.

– Простите, мистер Рассел, вас срочно вызывает босс. Очень срочно, – сдавленно сообщает мой секретарь.

Отпускаю кнопку и шумно вздыхаю. Что еще нужно дяде? Он уже дал мне задание, и я битых три часа пытаюсь найти зацепку, но мои мысли не желают этого делать. Чертова женщина!

Кручу шей, чтобы немного размяться, и направляюсь к выходу. Кабинет Нейсона дальше по коридору.

– Он уже ждет. – Секретарша поднимается со стула, и по ее виду могу точно сказать, что дядя не в духе.

Без стука вхожу в помещение. Отвратительный запах сигарет заполняет ноздри, но я поднимаю подбородок в ожидании, когда мужчина за столом обратит на меня внимание.

– У тебя новое задание, Эйс. Только тебе могу его дове-

ритель, — не отрываясь от бумаг, начинает он.

— Два одновременно? Хорошо.

— Нет. О контрабанде забудь, я сам, ничего сложного. У нас появилась другая проблема, намного серьезнее этих забав. — Нейсон откладывает документы и поднимается из кресла. В кабинете висит сигаретный смог, вызывающий неприятное покалывание в глазах.

— И что за проблема?

— Бланш Фокс.

Втягиваю воздух, отравляя легкие, чтобы перебороть тут же очнувшиеся импульсы.

— Неужели эта женщина настолько опасна? — напряженно спрашиваю его.

— Да. Очень. Поначалу я не принял во внимание твои доводы насчет нее, но сегодня увидел, что ты был прав. На место твоего отца посадили хорошего знакомого Уилсона. У нас отняли возможность контролировать финансовые вопросы, сменив пароли. Конечно, я уже знаю новые, но это подтверждает, что Уилсон что-то замышляет. — Он останавливается у стола, берет папку. — Теперь это твое дело. — Протягивает ее мне. Открываю, на первой странице прикрепленна фотография Бланш, сделанная на улице.

— И что я должен сделать? — поднимаю голову на Нейсона.

— Стать ее клиентом.

— Что? Но я не могу, сэр. У меня другие задачи, иной склад ума. Я не...

– Решил мне перечить, солдат? – повышая голос, перебивает меня шеф и делает шаг ко мне. Отклоняю корпус назад и встречаюсь с его озлобленным взглядом.

– Нет, сэр. Но хочу донести до вас, что Бланш Фокс не испытывает ко мне интереса. Я уже сделал этот ход, она мне отказала, и не один раз, – быстро и четко отвечаю.

– Стерва, – шипит он, направляясь к столу.

– Сэр, она обычная шлюха, ее интересуют только деньги. Он медленно поворачивается и прищуривается. Идиот, выдал себя.

– Именно обычные шлюхи и хотят такого мужчину, как ты. Богат. Холост. Красив. И то, что привлечет эту суку, – парламент. У меня список ее клиентов, которые выдали государственные тайны. Она заставила их это сделать, узнал сегодня утром – один из них проговорился. И это грозит громкими увольнениями и даже смертью. Эйс, ты понимаешь? Она не просто шлюха, она работает на Уилсона и выбирает клиентов из людей, имеющих доступ к закрытым файлам, – он повторяет слова, сказанные мной в поместье. Да, как обычно. Я догадываюсь, рассказываю, а дядя преподносит все как свои суждения. Привычно, но не волнует.

– Но зачем они ей?

– Вот это и узнаешь, как и место, где она хранит информацию. Ты станешь ее клиентом любым способом. Женщины глупы, и она одна из них. Влюби ее в себя и вытяни информацию. Я уже не в том возрасте, чтобы хотеть чего-то в

постели, а вот ты идеальный кандидат для ее игр. – Выпрямляясь, он окидывает меня взглядом.

Мне не нравится такой исход, я не занимаюсь сексом, не собираюсь это делать, как и портить репутацию из-за шлюхи. Вчера я изучал эту женщину, поэтому сказал прямо.

– Я не смогу выполнить задание, сэр. Близость для меня под запретом, иначе я буду не в силах работать. – Я категоричен.

– Что ж, если ты этого не сделаешь, работать тебе будет негде.

– Вы не уволите меня, потому что я лучший из тех, кто был у вас, сэр. Вы не захотите потерять мои знания и логическое мышление.

– А кто говорит, что я собираюсь увольнять тебя? Нет, ты исчезнешь, как предатель, как человек, который из страха перед женщиной пошел против короны. Против соратников. У этой стервы досье на каждого из нас. И лучше пожертвовать одним, чем все наши головы полетят с плеч. – Я ожидал таких слов, но для них слишком рано.

Чистой воды шантаж, я не боюсь потерять место, а вот моя семья, какой бы она ни была, тоже попадет под расправу. Никого не оставят в живых. И все из-за Бланш!

– Эйс, ты вынудил это сказать, – мягче добавляет Нейсон. Лжет. Сейчас начнет уверять, что я ему необходим, но я знаю этого человека так хорошо, как он сам себя не знает.

– Бланш Фокс вытянула из министров, из судьи, из других

важных людей много информации, понимаешь? А мы обязаны защищать корону. Политическая ситуация оставляет желать лучшего, и если эта женщина продаст сведения врагам, нас больше не будет. Ты осознаешь всю серьезность ситуации? Я могу убрать ее одним выстрелом, но не знаю, с кем она в сговоре. Она хитра и могла уже передать данные. Ее смерть повлечет за собой то, от чего я тебя пытаюсь уберечь. Доверяю тебе, поэтому уверен, дальше этой комнаты разговоры не пойдут. Ты должен стать ее клиентом, твоего отца уже вытеснили отсюда, следующие я и ты. Мы давали клятву защищать страну, и это наш долг. А Бланш Фокс угрожает нам. – Он кладет руку мне на плечо.

Конечно, лесть в его словах присутствует, но и правда тоже. Я же говорил, что эта женщина не просто так выбирает имеющих власть и страшные тайны. Они ей необходимы для кого-то, но не для Уилсона. Это дяде не сообщу, сначала сам узнаю, потом обдумаю.

– Что скажешь, Эйс? Поможешь вывести Бланш Фокс из строя? – Он вглядывается в мои глаза, и мне остается только кивнуть. – Хорошо, солдат, хорошо. – Нейсон сильнее сжимает мое плечо, демонстрируя бессловесную угрозу, которая станет реальной, если не последую приказу.

Смерти я не опасюсь, когда-нибудь и до меня бы добрались. Работа такая.

– Я уже послал людей для наблюдения за ее домом. В досье найдешь адрес. С клиентами общается ее помощник.

ца Кьяра Гордридж. Шлюха. Они работают в паре с момента появления мисс Фокс в Лондоне. Для нее уже все было подготовлено. Это и моя вина, я был занят международными разногласиями и не заметил, как министр за министром попадают в ее лапы. Твоя задача сделать так, чтобы она доверилась тебе и рассказала все, что знает, указала место, где прячет информацию, и выдала своего кукловода. Он наш. Не американец, а англичанин, работающий вместе с нами. Уилсон остается под подозрением, но он не так умен и сам не додумался бы привлечь шлюху в дело. Она прекрасно владеет оружием и разными видами борьбы. Ее готовили к тому, что должно произойти. Ты обязан уничтожить Фокс, иначе она уничтожит нас.

Босс замолкает, позволяя переварить информацию. А я думаю о словах Бланш. Именно это она мне и сказала. Она знает, что нас хотят подставить и кто это. Черт, как все прозаично. Но теперь я не доверяю никому, даже дяде. Его и раньше не волновало, кто пойдет под трибунал. А сейчас он нервничает, возможно, был ее любовником. Или кто-то рассказал Бланш о нем. Она упомянула, что у нее уже есть клиент. По идее он должен быть богаче отца. Это я и дядя. И если я ее не интересую, остается Нейсон. Да он боится! Боится этой женщины и просит меня отвлечь ее и узнать обо всем. Потому что от страха впадает в панику и не может мыслить разумно.

– Все понятно, Эйс?

Дядины губы подрагивают, зрачки расширены, он взволнован. Пальцы непроизвольно ищут сигарету в попытке восстановить утраченное спокойствие.

– Да, сэр, – киваю. Он подставит меня в случае чего, и поэтому просит об услуге, расписывая масштабы катастрофы. Если Бланш собрала информацию, этого удара не выдержит никто.

– Тогда займись мисс Фокс. Ее нельзя спугнуть и открыто показать заинтересованность. Знаю, что для тебя интимная близость смерти подобна, но лучше пожертвовать этим, чем жизнью? Заставь ее забыть, вспомни, что ты властный и сильный мужчина, ты главенствуешь над ней. Свяжи ее, пытай, делай что хочешь, но рот она должна открывать только по твоему приказу. Теперь это твое задание, пока ты его не завершишь, никто не будет в безопасности. Свободен. – Нейсон указывает кивком головы на дверь.

И вновь угроза. Выхожу из кабинета, сжимая в руках папку с досье. Манипулировать мной можно было год назад, два, три, десять, но не сейчас. Я крепко стою на земле, и пугать смертью родных глупо. Я предугадаю, потому что теперь буду следить не только за Бланш, но и за Нейсоном. Овца или волк? Оба хищники. Оба скрывают от меня причины такой волны напряжения. Эпицентр – я.

Хлопаю за собой дверь и с силой швыряю документы на стеллаж. Вряд ли Бланш расскажет мне все, если попрошу. Унижаться не буду, но и позволить себе пасть низко тоже

не могу. Тупик? Возможно. Есть много аспектов, о которых я еще не успел подумать, и они тоже важны. Дядя не мог так испугаться за одну ночь, значит, давно следит за Бланш. Кто-то проговорился, что в постели раскрыл важную государственную тайну? Смешно. Здесь нет идиотов. Все трясется за свои места, убивают, отравляют, посылают на верную смерть. Никто не признается в ошибке, тем более Нейсону. Мы отшельники, с нами не общаются, если только официально. И я не верю дяде, никто не давал наводку на причастность Бланш к заговору. Он знал о нем. И что-то пошло не так, раз натравил меня. Если он стоит за всем, то только я смогу доказать это и найти все связующие нити. Пусть думает, что боюсь его, а я буду делать, что посчитаю нужным.

Недовольно собираю рассыпавшиеся листы обратно в папку и кладу на стол. Бросаю взгляд на монитор и не собираюсь закрывать документ. Просто? Посмотрим, кто умнее.

Итак, Бланш Фокс, дата и место рождения, передвижения, как и предполагал, незаконные. Проституция, притоны. Два года нигде не появлялась, затем вынырнула в Вашингтоне, стала вести роскошный образ жизни, переходить от одного клиента к другому, пока не попала к Уилсону. Он не зачинщик – игрушка в руках более хитрого соперника. Оказалась в Лондоне, дальше перечень служащих у нас лиц. Ни черта себе список, да она бомбу готовит, не меньше! Вот и ошибка. Не деньги на первом месте – статус. Она поднималась по ступенькам, добралась до отца, и дальше действительно или

я, или Нейсон. Если меня она отвергает, то его, наоборот, хочет видеть клиентом. Он последнее звено в ее цепочке, а подобраться к нему можно только через меня. Поэтому как мужчина ее не интересую, только как психопат. Это ее возбуждает. Мои знания, власть и возможность добиться того, к чему она стремится. Но сначала придется встретиться со мной, а я не позволю ей пойти дальше, пока не узнаю всю правду для себя. Я давал клятву оберегать страну, но не тайны министра королевской тайной службы.

Звонок телефона заставляет отложить документы и потянуться к кнопке.

– Что еще, Сьюзи? – устало спрашиваю секретаря. Я знаю, что его зовут Сэмюэль. Но мне нравится Сьюзи.

– Сэм, мистер Рассел. Меня...

– Сьюзи, переходи к делу, у меня нет времени на болтовню, – резко обрываю его.

– Простите, к вам посетитель, – мямлит он. Вот они, родственные связи. Парня взяли в мое отсутствие, он чей-то сын или любовник, или то и другое вместе, а работать не умеет.

– Повторяю лишь раз. В планах на сегодня посетителей нет. Первое предупреждение, Сьюзи, со второго я тебя уволю. Понятно?

– Но, сэр, это ваш отец.

– Сэр, это ваш отец, – передразниваю. – Он такой же, как остальные. У него нет привилегий. Скажи, чтобы записался, я занят, – отключаю связь и откидываюсь в кресле.

Представляю, как он передает мои слова и отец багровеет от ярости. Три, два, один.

– Эйс! – Дверь с грохотом открывается, и на пороге стоит мой родитель. Скучный он.

– Сэр, вам нельзя...

– А ну пошел отсюда, щенок, – отец толкает парня, и тот отлетает назад. Чего сегодня у меня еще не было? Спектакля, и вот он перед глазами.

– Эйс, что за поведение? Какое право ты имеешь отказывать мне во встрече? – Отец возмущенно размахивает руками.

– Имею, потому что в отличие от тебя работаю здесь, а не прогуливаюсь и не пью чай. Что тебе нужно?

– Поговорить, это личный вопрос. – Ярость отступает, и теперь он боится. Вернее, хочет чего-то добиться – моего согласия.

– У меня нет времени для личных разговоров.

– Значит, найдешь. Я не уйду, пока не поговорю с тобой. – Он упирается ладонями в стол. Отец в здании уже около часа: поболтал с бывшими коллегами, секретарша поплакала на его плече – на пальто следы туши, выпили чай с печеньем, и он направился ко мне.

– Хорошо, пять минут устроят?

– Не ограничивай меня, Эйс, я твой отец, ты здесь работаешь благодаря мне. – Как же любит напоминать об этом! Ложь, я шел с низов, как самый обычный. Лишь в детстве он

толкнул меня в лапы брату, чтобы сделать из меня более-менее нормального человека.

– Теряешь драгоценные секунды. Говори, что хотел, и убирайся, – грубо отвечаю я.

– Бланш мне отказала.

– И?..

– Ну, не полностью... Сообщила, что не хочет подписывать со мной долгосрочный контракт. – Он считает, что это как-то подействует на меня? Нет, я рад, что хотя бы в этом она была честна.

– И?..

– Что «и»? – Он ударяет ладонями по столу.

– От меня ты чего хочешь? Тебя пожалеть или найти другую женщину древней профессии?

– Прекрати разрушать мои отношения. Я знаю, что это из-за тебя. Как только ты появился, она приняла решение, опасаясь того, что ты можешь натворить благодаря своей особенности. Оставь ее в покое и прими факт, что она будет со мной, – шипит он.

– Я, конечно, могу манипулировать людьми, но опускаться до твоего уровня... Меня не интересует эта женщина, как и то, чем ты занимаешься. Почему ты ушел с поста? Почему бросил все и даже не закончил отчет? – Поднимаюсь из кресла, и лицо отца бледнеет.

– Я устал работать, хотел отдохнуть и насладиться...

– Ты лжешь. Не вынуждай меня копаться в этом, отец,

не заставляй обращать против тебя мою особенность, будет плохо, – перебиваю его и ожидаю признаний.

– Я скажу тебе, если кое-что пообещаешь.

– Так не пойдет. Ты просто скажешь мне, а остальное меня не волнует. Что произошло, пока я был в отъезде, и чья была идея меня отослать? – Обхожу стол и наступаю на отца.

– Хорошо, Эйс, давай, присядем. – Тяжело вздыхая, указывает на кресло напротив.

– Я слушаю.

– Не знаю, чья идея, честно. Ты часто ездил за границу, обычное дело, только очень долгое в этот раз. Насколько я понял, на голосовании предложили тебя, и выдвинул твою кандидатуру Уилсон. Все его поддержали, – медленно произносит он.

Очищали дорогу для Бланш. Я бы легко раскусил их, если бы она появилась при мне. И поэтому требовалось мое отсутствие, чтобы не мешал их плану.

– Почему ты ушел? Вынудили? Ты бы никогда не позволил себе все бросить. – Хмуро смотрю на отца. Он сдувается, с каждой секундой все больше похож на побитую собаку.

– Подставить хотели. Готовилось крупное хищение, кто-то узнал пароли, чтобы влезть в систему. Меня предупредили, я не имею понятия кто. Пришло письмо, что, если не уйду, окажусь за решеткой или умру, потянув тебя за собой. Я был вынужден покинуть пост. Нашел врача, который написал заключение о тяжелой болезни сердца, чтобы выглядело

правдоподобно. Меня отпустили, но продолжают консультироваться по некоторым вопросам, поэтому я здесь. Не мог я поступить иначе, Эйс. Не поверил словам незнакомца, но компьютер на моих глазах начал совершать действия. Сам вошел в систему, и я видел, как двигается курсор, хотя даже не дотрагивался до мышки. Наглядно показали, что это не шутки. Я должен был обезопасить хотя бы тебя. Кому-то нужно, чтобы я ушел. Не лезь туда, сынок, прошу тебя. Каждый отдел – это другой мир со своими тайнами и интригами, законами и наказаниями. Пусть все остается как есть. Хорошо?

Не врёт. И мне неприятно осознавать, что он все же думал обо мне. И что я обвинил его в желании подставить меня. Я понимаю, чем бы грозила нам эта история. Долгим и очень громким судом, крахом, ссылкой всей семьи и, вероятнее всего, исчезновением отца. Следующий на очереди я, Нейсон себя бы спас. Сейчас я убежден: грядет нечто страшное, в этом замешан дядя, а теперь и я.

– Хочу попросить об услуге, – тяжело проговаривая каждое слово, добавляет отец.

– Какой?

– Сегодня в половине девятого я устраиваю ужин. Подожди, послушай. Сейчас в моей жизни нет никаких целей, и, на удивление, мне это нравится. Я познакомился с Бланш в тот период, когда не знал, что делать дальше. Пойти к Нейсону? Нет, он всегда считал себя лучше меня, не мог же я дать

возможность убедиться в этом. Но сейчас я счастлив, правда. Мне нравится заниматься тем, чего раньше даже не замечал. И все благодаря Бланш. Она нужна мне. А я боюсь, что потерял ее, потому что ты вообще не воспринимаешь женщин. Не хочу, чтобы это закончилось сегодня. Не готов прощаться с ней, и мне нужна твоя помощь. Она приглашена на ужин, и я прошу тебя приехать тоже. Окажи мне услугу, покажи Бланш, что не испытываешь к ней ненависти и потерпишь ее ради меня. Хотя бы в этот вечер. Пожалуйста, сынок.

Я впервые вижу, как в его глазах блестят непролитые слезы. Мне гадко. Понимаю, что обычные люди сразу реагируют на эмоциональную речь и признания, но я не могу. Даже если бы пожелал, не в моих силах быть нормальным. И слабость отца приводит в ярость.

– Нет. – Резко поднимаюсь из кресла.

– Эйс, она отказывает мне, потому что ты против. Она боится тебя. – Ошибаешься, Бланш никого не боится, кроме собственных слабостей. Слабостей... – Я знал, что ты никогда не примешь меня таким, каким я хотел бы быть. Прости меня, Эйс. Бесполезно было просить, ты всегда думаешь только о себе.

Пока отец поднимается из кресла, в моей голове выстраивается идеальный план.

– Стой, – оборачиваюсь, заставляя отца замереть. – Хорошо. Я приеду.

Глаза родителя загораются надеждой, от резкого скачка

адреналина он едва сдерживает желание подпрыгнуть. Мне жаль, но я это делаю не для него. У меня задание, и этот ужин – прекрасная причина навестить в гости.

Глава 12

Двухэтажный таунхаус через затемненные стекла автомобиля смотрится самым обычным. Но там живет одна из самых таинственных женщин. Неподалеку припаркована машина, посланная Нейсоном. По их отчетам, Бланш сегодня вышла из дома в два часа дня, съездила за покупками и вернулась обратно. Никто больше не входил и не выходил оттуда. Странно, ведь клиенты как-то появляются там. Черный ход? До ужина осталось менее двух часов, я просидел здесь довольно долго. Сначала думал о плане, как выстроить его. Глупо. Она разгадает, поэтому остается уповать на интуицию.

– Жди меня, – бросаю шоферу и выхожу из машины.

Поднимая ворот пальто, быстро перебегаю дорогу под слабыми каплями дождя. Достаю карточку из кармана и нажимаю на звонок.

– Добрый вечер, чем могу вам помочь? – отзывается домофон приятным женским голосом.

– Добрый вечер, у меня машина сломалась, телефон, как назло, разрядился, а ваши соседи не открывают. Прошу вас о небольшом содействии...

Две камеры. Одна направлена на меня сверху, другая – на обзор улицы. Бланш знает, что я пришел и разыгрываю бессмысленную драму. Она оценит мое упорство.

– Какая неприятность, сэр. Конечно проходите.

Дверь издает писк, приглашая войти, и я оказываюсь в полузатененном холле.

– Вы промокли. Могу я предложить вам чай?

Передо мной появляется девушка с собранными в тугой узел каштановыми волосами, ее темные глаза светятся восхищением и смехом – она тоже в курсе. Кьяра. Помощница Бланш, принимает заказы, проводит клиентов к хозяйке. Служит верно, обучена убивать. Носит безделушки, но следит за собой. Выполняет грязную работу, о которой упоминала Бланш, и спокойно относится к любым гостям.

– Было бы очень кстати, – киваю, отряхивая плечи от капель дождя.

– Пройдите за мной. – Указывает рукой в сторону гостиной и направляется туда.

Все очень элегантно. Дом богатой женщины, наполненный модными дизайнерскими штучками. Цвет темно-малиновой гостиной перекликается с фиолетовыми оттенками. У меня забирают пальто и предлагают устроиться, пока принесут чай и телефон.

Дожидаюсь, когда Кьяра выйдет, поднимаюсь с белоснежного дивана и быстро выхожу в коридор. Звук чайника приглушает шаги, и я беспрепятственно поднимаюсь на второй этаж. Три двери. Одна центральная. Нет света. Дальняя тоже закрыта и не выдает присутствия Бланш. Иду направо, к третьей, и нажимаю на ручку.

В нос ударяет знакомый аромат, и я оказываюсь в классической спальне. Белоснежная кровать с балдахином, шкафы, зеркальный столик.

Сбоку различаю шум воды и поворачиваю голову. Приоткрытая дверь ведет в ванную. Здесь идеальная чистота, все блестит.

– И долго вы будете стоять там, мистер Рассел? Проходите, раз пришли.

Усмехаясь, толкаю дверь в ванную комнату и моментально встречаюсь с взглядом синих глаз. Бланш с бокалом шампанского лежит в ванне, наполненной пеной. Зеркальная облицовка создает эффект большого пространства и позволяет наслаждаться своим видом.

– Ты меня пригласила. – Поднимаю руку с ее визитной карточкой.

– Ошибаетесь, это приглашение было отправлено не мной. А я вот думала, сколько вы продержитесь без меня. Оказалось, не так уж и долго. – Она с улыбкой отпивает шампанское. – Не хотите выпить? – Указывает на ведро с бутылкой, стоящее в полуметре от нее.

– Благодарю, но нет. – Качая головой, подхожу ближе и прислоняюсь плечом к большому зеркалу, расположенному напротив лежащей в воде обнаженной Бланш.

– Тогда говорите, по какому поводу нарушили мое личное время. – Она вздыхает и залпом допивает остатки шампанского.

– У меня предложение.

– Никаких денег, мистер Рассел, – предупреждает она и ставит пустой бокал на мраморный пол.

– Я не о них.

– Прекрасно, подайте полотенце. Это обязанность Кьяры, но она предупреждена о вас и не войдет сюда, пока не позову. – Бланш указывает на высокий шкафчик.

– Пальто, теперь полотенце... Да ты нагло пользуешься моей воспитанностью! – Ухмыляясь, отталкиваюсь от зеркала и направляюсь к шкафу.

– А она у вас еще осталась? Вряд ли, мистер Рассел. Вам так нравится врываться без стука и наблюдать за мной, что я уже не надеюсь увидеть знание этикета, хотя вы, англичане, очень щепетильны в этом.

Расправляю белоснежное полотенце и подхожу к ванне.

– Я щепетилен в иных вопросах, Бланш. А этикет пусть останется твоим клиентам.

Она поднимается из воды, и я отмечаю, насколько распарена ее кожа, соски от соприкосновения с прохладным воздухом твердеют. И никаких волос на теле. Меня до сих пор это удивляет.

– Так по какой причине вы пришли? – Она заматывает полотенце вокруг тела.

– Мой отец. – Предлагаю ей руку, вызывая изумление.

– И что с ним? – Она кладет пальцы на мою ладонь, и я помогаю ей выбраться из воды.

– Ты готовишься к ужину, на который тебя пригласили. И он попросил меня оказать тебе поддержку, чтобы ваш контракт возобновился.

– Но вы этого не хотите, как и я не желаю больше скреплять себя такого рода договорами. Вам не о чем волноваться. – Она пожимает плечами, направляясь в спальню.

– Я и не волнуюсь, Бланш. Ты согласилась на ужин, зная, что там буду я...

– Раздутое эго, мистер Рассел. – Женщина подходит к зеркальному столику и сбрасывает полотенце. Отвожу взгляд от ее обнаженного тела и сжимаю руки за спиной.

– Это мое нормальное состояние, но я не об этом. Ты не хочешь расстроить психику отца, как и любого другого клиента. Тебе не нужны проблемы, они возобновят волну возмущений недовольных брошенных любовников, если отец пожалуется друзьям на твой отказ. – Делаю паузу, краем глаза замечая, что она едва слушает меня, растирая вязкую суспензию по ногам. – Он попросил об услуге, и я дал уклончивый ответ о моем отношении к тебе – от него, по его мнению, напрямую зависит твой отказ. Предполагаю, что будет правильнее поехать туда вместе.

– А об Алисии он вас не предупредил? – спокойно интересуется она. Да что ж у меня за семья предателей такая?! – Видимо, нет. Как долго вы намерены играть роль, мистер Рассел? – Бланш направляется к шкафу.

– Я ужасен, да? Не выспался, точнее, совсем не спал пару

дней, — признаюсь я, тяжело вздыхая, и сажусь на кровать.

— Вы терпимо ужасны, мистер Рассел. Давайте я расскажу, что вы хотите от меня, а вы немного отдохнете? — предлагает она за моей спиной, и я оборачиваюсь к ней. Она уже набросила халат.

— Ты лгала. Ткань не пачкается. Ты надела халат сразу же после его нанесения.

— Не могу унять свою порочную натуру. И было интересно наблюдать за вами, мистер Рассел. Признаюсь, масло впитывается быстро и не вредит тонкому шелку. Так что да, я лгала. — Смеясь, подходит ко мне и садится рядом.

— Думаю, ты не скажешь, в чем еще обманула?

— Нет, это ваша забота. Но вернемся к Тедди. Ваш приезд не был сюрпризом. Ваш отец посетил меня в полдень и потребовал нового контракта. Я предложила ему только временные рамки, как было в начале. Это привело его в панику, и он придумал ужин, посчитав, что причина отказа — вы. Скажу честно, ваша грубость сыграла мне на руку и помогла исполнить часть плана. Потом он поехал к вам просить о снисхождении ко мне. Вы сначала отказали, потом резко согласились, приведя его в недоумение. Машина стояла под моими окнами почти два часа — вы обдумывали план, как бы попасть ко мне. Но потом из-за усталости и нежелания предугадывать обратились к интуиции. Все могло быть проще, мистер Рассел, вы могли прийти, и вас бы пустили. Я отдала такое распоряжение, поэтому наблюдать за спектак-

лем было скучно. Хотите что-то выпить? И чай уже готов.

Бланш поднимается с кровати, но я успеваю схватить ее за руку. В ее глазах мелькает раздражение, хотя она возвращается на место.

– Вы хотите продолжения, – утвердительно произносит она, и я киваю. – Вы приехали сюда, чтобы поставить условие. Ваше хорошее поведение в обмен на что-то. Верно? Что вы хотите, мистер Рассел? – Она крутит рукой, показывая, что не желает моих прикосновений. Ее лицо расслаблено, но глаза напряжены.

– Тебя. Ты в обмен на мое прекрасное поведение, – четко отвечаю ей.

– Зачем? Скажите мне, с чего такое резкое влечение? Вы отвергаете любое воздействие на ваш разум, особенно если это касается секса. Вы не желаете заниматься им, считая, что он повлияет на ваше восприятие. Бойтесь его, хотя он не опасен для мозгов, если только на определенное время, а так нет. Отпустите? – Бланш переводит взгляд на мою руку.

– Отпущу, если будешь сидеть рядом. Мне нравится твой аромат, он меня успокаивает. Приятно. – Я выдохся. Правда, больше не могу вести игру, голова наполнена голосами. Нейсон. Отец. Бланш. Мои выводы. Они изводят меня и не дают сконцентрироваться на происходящем. Сбой. Я уязвим для нее, и мне плевать.

– Хорошо, буду рядом с вами, – шепчет она, и я разжимаю пальцы.

– Хочу изучить тебя. Ты имеешь ту же особенность, что и я. У женщин я такого не встречал.

– Начнем с того, что вы на женщин вообще не обращали внимания. Изучать вы меня будете под лупой? Так уж и быть, напишу в завещании, чтобы тело было передано вам для осмотра и вскрытия. – Она улыбается, но наигранно. Понимает, что сейчас я могу быть другим. Станным. Ранним. Низшим существом. И она не высмеивает, а пытается помочь выбраться из этой ситуации. Прекрасный повод продолжить знакомство с новыми свойствами самого себя.

– Боюсь, что ты переживешь меня, Бланш. И я хочу изучить тебя в другом смысле. Гадко признаваться, но со мной что-то происходит. Это пугает, внутри я слышу собственный крик. Он оглушает, словно разум разделяется и начинает борьбу. Отказ – это тактика привлечения клиентов: когда мужчине отказывают, он жаждет добиться недостижимого. Моя ситуация иная. Я не ощущаю этого воздействия, но вижу другое. Мы похожи, слишком похожи, и оба выбрали одиночество. И это мое самое длинное откровение незнакомому человеку, да еще и женщине твоей профессии.

Тяжело вздыхаю. Она слушает меня с интересом. Сопереживает, в ее глазах отражаются боль и сожаление. Значит, эпицентр событий, к которым она готовится, все же я. И я нравлюсь ей, иначе она уже выставила бы меня за дверь, не поверив в примитивную ложь. А может, я сейчас честен? Не знаю. Разберусь потом. Но это действует на нее.

– Такие люди, как вы, мистер Рассел, всегда одиноки. Вы не социопат и не психопат, вы просто мужчина, переживший однажды сильное разочарование. Но я не могу помочь вам, к сожалению. Моя практика в ином, я доминирую над клиентами, желающими унижения, подчинения и боли. Для вас у меня лекарства нет.

Ее ладонь ложится на мое плечо, и наши взгляды встречаются. Она чертовски соблазнительна. Сейчас, без макияжа, без прически, с собранными в узел черными волосами, она похожа на обычную смертную, которой грозит гибель. И она знает о ней, без сомнения. Но зачем же идет добровольно на расстрел? Безумие.

– Я никому не доверяю, Бланш, не могу себе позволить. Ты упомянула о волках, так каждый из тех, кто меня окружает, может им быть. В парламенте других нет. От кого исходит опасность? Как мне ее предотвратить? Я не могу думать ни о чем, только о тебе и твоих словах. Это неправильно, странно и болезненно. Я устал, – шепчу, продолжая давить на жалость, и накрываю ладонью ее руку.

– Ох, мистер Рассел... – Она придвигается ко мне, и наши колени соприкасаются.

– Скажи мне, от кого нужно уберечь семью? – Задерживаю дыхание, распознавая в ней мягкие струны и слабость. Еще немного, и все получится.

– Я не могу, простите... нет. – Бланш опускает голову, и я вижу, как ее лицо искажается от муки, в груди вновь вспы-

хивает то самое чувство – жалость.

– Бланш...

Тянусь рукой к ее лицу и прикасаюсь к щеке. Черт, какая нежная и горячая кожа. Она прекрасна. Глаза блестят, зрачки расширены, губы приоткрыты, пульс ускорен.

– Я не могу, – шепчет она, прижимаясь к моей ладони, словно покорная пантера. – Мистер Рассел, – губы так близко, аромат обволакивает разум, и мое тело расслабляется, – это уже скучно.

В одну секунду зрачки сужаются, и она с силой ударяет меня, отталкивая от своего лица. Наблюдаю, как женщина заносит руку, и в следующий момент острый локоть с резким свистом врзается мне в солнечное сплетение. Отпускаю ее и охаю, глотая воздух. Пальцы Бланш вцепляются в мои волосы, сжимают их.

– Было интересно до того момента, пока вы не начали ныть. На этом остановимся. Неверная тактика. Я не куплюсь на слезливый рассказ, не делайте из меня дуру, – смеясь, выдыхает она в мои губы.

Стерва. Ну все, я не прощаю обидчиков. Обхватываю ее шею и толкаю назад. С вздохом Бланш падает спиной на кровать. Забираюсь на нее и блокирую своим телом.

– Не смей нападать на меня. Мне не больно, Бланш. А ты можешь расслабиться и не заметить, как враг набирается сил для последнего удара, – шиплю, нависая над ней и сильнее сжимая ее горло.

Ее глаза еще больше горят от желания наказать меня. Нет, такого не будет.

– Тогда лучше убейте меня сейчас, потому что я не упущу возможности напасть снова.

Ее ногти впиваются в мою руку, лежащую на шее. Шумно выдыхаю и слышу хрип Бланш – я слишком сильно сдавил ей горло. Ее лицо краснеет, рука ослабевает, ей тяжело дышать. Еще немного, и я задушю ее. Она умрет. Умрет из-за меня, а мне это нравится. Нравится видеть, как капилляры в ее глазах насыщаются кровью. Мне чертовски нравится ощущать ее тело под своим. Еще немного. Чуть-чуть. Я сделаю это.

Отрываю руку от горла, оставляя отпечаток на ее коже. Бланш заходится кашлем, выгибается, и мои колени проваливаются между ее раскинутых ног и разошедшимися полами халата.

– Психопат, – слышу произносит она, ударяя меня по плечам. Слабо, словно близкого друга, и она обиженно показывает мне, что я был не прав. Это обычно делают пары, женщина имитирует нападение, чтобы мужчина пришел к ней с повинной.

Ее грудь часто вздымается. Щеки красные, губы сухие, и она облизывает их. Дышит тяжело и хрипит до сих пор. Как же горячо между ее бедер. Слишком горячо для меня. Боль пронзает позвоночник, вмиг достигает разума, и он темнеет, оставляя меня одного с этой женщиной.

– Я не поверила ни одному вашему слову, мистер Рассел, –

шепчет Бланш и смеется надо мной. Это так злит, что я резко вскакиваю на ноги и отхожу от постели.

Что со мной?

Бланш приподнимается на локтях и продолжает издевательски улыбаться мне. Она выглядит безумной, притягивающей и порочной.

– Это все? Или будет что-то еще? – интересуется.

Не могу ответить, не представляю, что сказать. Я думал, что провел ее, а оказалось, что это она заманила меня.

– Эйс, – шепот слетает с ее губ.

– Что ты сказала? – переспрашиваю и делаю к ней шаг.

Бланш встает с кровати и поправляет халат.

– Твое имя. Эйс. Ты перешел черту, и теперь все, что происходит с тобой, интимней, чем было раньше. – Она красноречиво переводит взгляд на мои бедра, и я смотрю туда же.

Почему у меня так выпирает ширинка? Черт! Так вот откуда эта боль. Я возбуждился?

– Неплохо, но в следующий раз держи захват дольше. Надавливай не на щитовидку, а прямо под подбородком. Так ты перекроешь кислород только частично, он не будет поступать в головной мозг и быстрее приведет к полуобморочному состоянию. Именно в этом случае следует расстегнуть брюки, достать член и трахнуть. Как только головка войдет во влагалище, отпусти горло, и увидишь неподдельный оргазм. Интересно, правда?

Недоуменно смотрю, а она с такой радостью делится эти-

ми извращениями.

– Я...

– Это нормально, не бойся. У тебя эрекция, но я не сделаю ничего, чтобы ты завершил начатое, потому что отказываю тебе в любом случае. Лишний опыт для меня. В который раз убеждаюсь, насколько отвратительно быть женщиной. – Она кривится, подходит к зеркальному столику и нажимает на кнопку под столешницей.

– Не волнуйся, я попросила Кьяру принести холодной воды. Это успокоит тебя, – объясняет, стоя ко мне спиной.

Я не в силах собраться, боль заполонила каждую молекулу, стала главной в моей голове. Организм распирает жар, с каждой секундой набирая обороты. Я не могу дышать, паника скручивает изнутри, а жажда чего-то странного застилает глаза алой пеленой.

– Спасибо за то, что ты пришел вчера. Понимать, что ты слабее мужчины, так оскорбительно. Каким боевым искусствам ни обучайся, мужчина твоей комплекции или Ларка может причинить увечья. Я ждала тебя вчера, надеялась, что ты появишься. И теперь благодарна тебе за все. – Женщина поворачивается, и мой взгляд приковывает спокойно бьющаяся вена на шее.

За дверью раздается стук. Бланш без слов открывает дверь и забирает поднос с бутылкой воды и двумя бокалами.

– Она закрыта, без повреждений и примесей. Я не собираюсь тебя травить, моя задача помочь справиться с первым

осознанным возбуждением, – монотонным голосом успокаивает хозяйка и открывает бутылку. Наливает воду в бокал и протягивает мне.

– Пей, Эйс. – Берет мою руку и вкладывает в нее прохладное стекло.

Принюхиваюсь к бокалу. К черту. Залпом выпиваю воду, вдыхаю воздух полной грудью. Взгляд Бланш направлен на мой пах.

– Я не хотел. Мне это несвойственно, я не умею так. Я... как мне стать твоим клиентом? – первый раз заикаюсь, словно подросток.

Женщина склоняет голову набок.

– Я задам тебе вопрос, на который ты должен ответить. Если ответишь верно, я твоя, насколько ты захочешь. Я признаю в тебе Хозяина, опущусь на колени и сделаю все, о чем ты мечтаешь, – быстро произносит она.

– Так просто? – прочищая горло, удивляюсь я.

– Не спеши, Эйс, но поверь, ответ лежит на поверхности, и ты его знаешь. Он касается логики. – Бланш забирает у меня пустой бокал и делает шаг назад.

– Прекрасно, я готов.

– Но если ты ошибешься, немедленно уйдешь отсюда и будешь вести себя прекрасно за ужином. Согласен? – Она становится серьезней.

– Да.

– Хорошо. Что такое индукция страсти?

Ее тело напрягается, а я готов рассмеяться, потому что глупее вопроса такому, как я, задать было невозможно.

– Ты сама этого хочешь, да, Бланш? Ты умна, но дала мне самую легкую задачку.

– Так разгадай ее, Эйс, и я исполню любую твою фантазию.

Она медленно тянет за пояс и сбрасывает халат. Алая пелена возвращается.

– Это установленная закономерность абсолютного увеличения количества и активности гормонов, провоцируемая выбросом дофамина. Прилежащее ядро вентральной покрышки головного мозга раздражает две части дофаминовой системы. «Вознаграждение» или «поощрение». Твой метод воздействия на мужчин имеет общие теоретические положения. Отказ затрагивает рецепторы первого типа, затем поощрение в виде информации и интереса пробуждают второй тип. При действии двух рецепторов одновременно второй слабеет, что вызывает сильное воздействие первого, отсюда идет гипнотическое воздействие на одну самку и агрессия на других. Замедляются ферменты метаболизма под давлением первого типа, и это посылает импульсы к боковым частям амигдалы, вызывая сбой в работе нейронов. Прилежащее ядро не получает достаточного количества белковых молекул, и отсюда идет зависимость от одного типа. И все это именуется страстью, а индукция здесь как приглашение собрать общие факты и сложить их в картину твоего магиче-

ского дара притягивать к себе мужчин, — четко отбарабаниваю я. Лицо Бланш вытягивается, глаза распахиваются шире. — А теперь приготовься, сегодня ты не попадешь ни на какой ужин, — довольно завершаю я и ставлю точку.

Последнее слово всегда останется за мной, какой бы противник ни стоял напротив. Даже обнаженный. Я не позволю опустить себя на колени.

Глава 13

– Сэр, мы на месте, – в четвертый раз произносит шофер.

Смотрю вперед, проклиная себя за одно неприятное свойство моего разума – принимать правила игры и в точности следовать им. Я не могу это контролировать, только исполнять.

– Сэр...

– Я не глухой. Если все еще нахожусь в машине, значит, думаю. В этом состоянии я могу обезвредить раздражающий фактор, – зло обрываю мужчину.

– Простите, сэр, – сдавленно отвечает он.

– Я готов выйти, – вздыхая, поправляю пальто.

Мрачным взглядом смотрю на закрытую дверь и на свет, льющийся из больших окон. Она уже здесь. Я был прав, есть другой ход, через который входят и выходят клиенты. Бланш воспользовалась им, и теперь мне предстоит выполнить условие, потому что я, видите ли, ошибся. Я ошибся! Такого не бывает. Никогда не было. Принимать проигрыш я не умею и не собираюсь учиться. Уверен, она специально все подстроила, чтобы оттолкнуть меня, оттянуть время до того момента, когда падет моя стена. И я был готов, действительно готов сделать что-то страшное со своим телом. Мне до сих пор больно в паху, хотя все давно уже обмякло.

– Эйс, рад видеть тебя так скоро, – встречает меня Де-

кланд. Поднимаю на него взгляд, и он сразу понимает, что я не в духе и не готов поддерживать светскую беседу.

— Зря Таддеус все это затеял, — тихо добавляет он, принимая мое пальто.

— Где они?

— В семейной столовой.

Закатываю глаза и направляюсь через большой зал налево. В детстве мы обычно встречались за завтраком всей семьей. Ужинать чаще приходилось отдельно. И сейчас выбор этого места должен продемонстрировать приглашенным, что у отца серьезные планы на эту шлюху, тогда как ее планы намного грандиозней. Могу с уверенностью заявить, что Бланш давно остыла к нему и сейчас ее главная задача — поддерживать интерес во мне. Она считает, что, играя со мной в кошки-мышки, поставит меня на колени, и я буду умолять ее о продажной любви, хотя именно таких мужчин она отмечает моментально, мягко их ломает, и они сами не замечают, как уже порабощены. Но у меня другая цель — задание Нейсона, тайны Бланш и моя роль во всем этом. От меня будут требовать отчета каждое утро, поэтому следует придумать несколько вариантов стратегии, точнее три. Для дяди, для этой женщины и для себя — самый верный и правдивый. Три линии, и это обещает стать самым сложным делом в моей жизни, ведь оно коснулось неприкосновенного. Эмоций.

Останавливаюсь и замечаю Бланш, стоящую спиной ко мне в облегающих черных брюках, удлиненной блузке с алой

вышивкой и в туфлях на высоких каблуках. Они напоминают пики, такие же острые и опасные. И я ярко представляю картину: луч света падает в центр комнаты. Бланш стоит посреди нее в черном латексном комбинезоне, на ногах эти же туфли. Плеть в ее руке играючи проходится по мужскому телу, распластанному на полу, огибает каждый мускул. Губы женщины изогнуты в усмешке, глаза наслаждаются властью и темнеют от возбуждения, страха и ожидания, идущих от клиента. Он желает быть наказанным, но у Бланш другие планы. Она медленно подходит к голове мужчины, ее нога резко и неожиданно поворачивает его лицо, и эта пика нажимает на щеку. Кожа трескается, и появляются капли крови. А он боится двинуться, сильнее возбуждаясь от грубости и осознания своей никчемности. Она этого и хотела, унижения и боли, чтобы начать новую игру...

– Эйс, я рад, что ты принял мое приглашение. – Из мысленного водоворота меня вырывает голос отца. Сначала где-то за пределами сознания, но конец фразы настигает меня уже в тени дверного проема.

Делаю шаг в столовую, и Бланш поворачивается ко мне. Ее глаза темнеют, как это происходило в моей голове. Отец пытается положить руку ей на талию, желая продемонстрировать границы своих владений, но она бросает на него мимолетный острый взгляд, и он тушует. Неужели тоже пробовал унижение? Не могу представить, чтобы отец опустил-ся до этого уровня. Отвратительно и все же красиво.

– Ты же помнишь Бланш.

– И суток не прошло, как мы виделись в последний раз, поэтому я еще не совсем стер из воспоминаний твою любовницу. Мисс Фокс, – киваю ей.

– Мистер Рассел, мне льстит, что вы до сих пор помните о моем существовании. Для мужчины с вашим складом ума это лучший комплимент. – Улыбается мне, а глаза ледяные.

Я добьюсь признания своего ответа правильным. Она воспользовалась многогранностью вопроса, ускользнула, но игра только началась, и этот вечер – новая возможность вступить в бой.

– Алисия еще не спустилась, поэтому предлагаю выпить и подождать ее. – Отец подзывает рукой прислугу, и нам передают по бокалу шампанского.

– Будет еще и мама? Похоже на семейный ужин. Неужели вы хотите объявить о чем-то важном? – Замечаю, как Бланш перебарывает желание усмехнуться и делает глоток.

– Да, она пока задержалась, вечером у нее сильно разболелась голова. Завтра отправится к себе. И нет, Эйс, мы не собираемся объявлять о помолвке, для этого еще очень рано.

– Как прошел день, мистер Рассел? Вы счастливы вернуться домой и к любимой работе? – обращается ко мне Бланш, меняя тему.

– Сносно, – сухо отвечаю. – А ваш? Появились новые клиенты или все те же старички?

– Аналогично, сэр, – усмехается она. – Столько лет живу

в Лондоне, а все никак не привыкну к мрачной и давящей атмосфере. Погода здесь предсказуема и утомительна.

– Осень, милая, это нормально. Но мы можем поехать туда, где всегда солнечно, ты только выбери место, – мягко произносит отец.

Ну ты еще упали здесь на колени и вылижи ее туфли. Противно.

– Я еще от последней поездки не отошла, да и ты чувствовал себя ужасно. Обойдемся тем, что нам предоставлено. Некрасиво...

– Эйс, сынок, не думала, что ты решишься присутствовать на ужине, – речь Бланш перебивает незаметно вошедшая мать. Настроение ее хуже прежнего – она проиграла и не может смириться. Отсюда мигрень, злость во взгляде и желание прикончить соперницу.

– Мадам, думать в вашем случае лишнее. Занимайтесь своими делами. – Я резок с ней.

– Да как ты...

– Ужин, да? – Отец пытается сгладить ситуацию и кивает Декланду, напряженно наблюдающему за сценой.

Было бы весело: мать бы покричала, сделала, на что я ее провоцирую, тогда отец затеет ссору с Бланш, и все, мой план осуществится.

– Конечно, Тедди. Самое время. – Бланш позволяет увести себя к накрытому столу.

Она садится рядом с ним, мы с матерью напротив. Сопер-

ники друг против друга, хотя отца я таковым не считаю. Это оскорбительно.

– Молли не смогла присоединиться, у нее запланирована встреча с подругами, а Стэнли со своими знакомыми как обычно в ресторане. Но в будущем, надеюсь, мы наверстаем упущенное.

Бланш даже не слушает отца, в ее глазах скука, а мать кипит от негодования.

Перед нами ставят салат, и отец подает сигнал, что можно приступать к ужину.

– Очень изысканно, – подает голос Бланш.

Да, конечно. Елзит вилкой по фарфору и съела только одну креветку.

– Ты же предпочитаешь морепродукты, я старался угождать. Горячее – рыба или лобстер на выбор. Десерт предлагаю попробовать в гостиной, там будет удобнее общаться.

– А мы еще и общаться должны? – недовольно фыркает мать.

– Мадам, обычно люди прибегают к словесному обмену мыслями, чтобы показать знания и услышать лесть. То, чем вы обычно занимаетесь, для вас не станет такой масштабной проблемой, как для меня, – не удержать ехидство, чтобы раззадорить ее.

– Эйс, прекрати, – предупреждает отец.

– Вы называете мать мадам, мистер Рассел. Почему? Что сподвигло в родном человеке видеть незнакомца, к Тедди вы

же обращаетесь более свободно?

После вопроса Бланш наступает тишина. Молодец, она точно следует моему сценарию и распаляет мать. Та с силой сжимает нож, мечтая всадить его в глотку Бланш.

– Для меня, мисс Фокс, каждый человек в этом мире – незнакомец, и мой разум сам выбирает, как к нему обращаться. В случае с матерью я испытываю...

– Уважение, – шипит мама, – это называется уважение и этикет, мы детей обучали с пеленок. Но куда тебе, Бланш, до этого, ты ведь из серой массы. Сирота?

Любая другая возмутилась бы, закатила истерику или ядовито ужалила, но не Бланш. Она спокойно откладывает приборы, позволяя своему покровителю кипеть от злости.

– Я не могу назвать себя сиротой, Алисия, потому что есть люди, воспитавшие меня. И я благодарна им за все, что они подарили и вложили в меня. Этикет в наше время – бессмысленная трата ресурсов, даже самые изысканные представители королевского дома имеют ужасающие недостатки. Насильно обучить правильному поведению невозможно, внутренний стержень разумного человека не позволит сотворить из него бесхребетную марионетку. А ломать личность, по моему мнению, довольно жестоко.

Прекрасный ответ, должен признаться, я бы тоже постарался уязвить и напомнить, сколько тайн соперницы мне известно и что я могу «открыть рот».

За столом снова повисает тишина. Наверняка мать ждет

от меня защиты и поддержки, но я позволю взрыву состояться. Будет очень увлекательно.

– Я все же думаю отправиться на уик-энд в Италию или Испанию. Там и климат хороший, и развлечения, можно немного расслабиться, – гнет свое отец.

– Прекрасная идея, дорогой. Мы давно не отдыхали всей семьей, – мать расцветает в улыбке. Мой ход.

– Мадам, вас никто не собирается брать в путешествие, приглашение прозвучало для мисс Фокс. Вы, напомню, разведены, и совместные поездки – лишнее в ваших отношениях, когда у отца молодая и умелая любовница. Ох, простите, я снова сказал грубость? Это лишь мои мысли.

Перевожу взгляд с раскрасневшегося лица матери на побледневшего отца. Глаза Бланш насыщаются синевой и сверкают от смеха. Ей нравится.

– Думаю, отправиться всей семьей на отдых было бы замечательной возможностью решить все разногласия, – спокойно замечает Бланш. – Тем более в этот уик-энд я занята.

– Новый клиент, мисс Фокс? Хотя и бываю груб, я всегда груб, но вы сейчас прилюдно унижаете своего любовника. Где же ваша жалость? – наигранно возмущаюсь я.

– Скорее, спасаю. В этот уик-энд я заболела и не хочу, чтобы меня видели в таком состоянии.

– Вы точно знаете расписание болезни? Научите меня, я вот не могу предположить, когда слягу с температурой.

– Эйс!

– Все хорошо, Тедди. Это не вирус, мистер Рассел. Я женщина, у нас раз в месяц бывает менструация. Лично у меня она вызывает недомогание и желание лежать в постели за чтением какого-нибудь любовного романа. – Она мягко улыбается мне, вызывая смущение родителей, тогда как сама довольна ложью.

– Всегда забываю, что вы, женщины, теряете лишнюю кровь, выпитую у нас, мужчин. Это вызывает во мне радость, мисс Фокс: хоть раз в месяц каждой из вас плохо, когда мы мучаемся с вами постоянно. – Откладываю приборы и отклоняюсь на спинку стула.

– Как вы жестоки, мистер Рассел! Однако вы чистосердечно признаетесь, что ваш разум все же может быть занят не только работой, но и женщиной?

– Я обособил, – сухо бросаю.

– Или же вы хотели быть одним из тех, кто стал причиной недомогания? Интересно... Вы причисляете себя к числу обычных мужчин, хотя утверждаете, что имеете особые увлечения и женщина в них не вписывается. Вы еще не потеряны для изучения такого понятия, как наслаждение, мистер Рассел, и это может быть опасно для такого, как вы.

– Я...

– Все! Хватит! – Мою фразу обрывает крик матери. Она швыряет приборы на стол, и все поворачиваются к ней. Вот оно, сейчас начнется. Я не могу это пропустить.

– Алисия, что с тобой? – изумляется отец.

– Что со мной? А ты не видишь? Она флиртует с твоим сыном! Предлагает ему себя, как шлюха! – взвизгивает мать.

– Напомню, я и есть шлюха, но твое утверждение ошибочно, Алисия, это был диалог, – вставляет Бланш.

– Стерва! Хватит с меня этого спектакля! Чего ты хочешь добиться этим, Таддеус? Неужели ты совсем идиот и не понимаешь, что отказ в услугах напрямую зависит от ее увлечения Эйсом?! Он моложе тебя, красивее, богаче! Это ее улов, а ты дал ей такую прекрасную возможность снова встретиться с ним!

От крика на висках матери вздуваются вены, вызывая во мне лютое веселье. Надо же, не думал, что так завернется, но мне чертовски нравится это напряжение и страх отца.

– Алисия, прекрати. Что за глупости? – Возмущенный отец поднимается со стула.

– Глупости? А ты спроси, кто провожал ее в ночь, когда она от тебя сбежала. Эйс. Он был с ней! И теперь она возьмется за моего сына! Я не позволю! Она целовала его! Это хоть о чем-то говорит тебе, старый идиот? Ты ей не нужен, ты никому не нужен, кроме меня! Я не желаю видеть здесь эту женщину! Или она уезжает, или ты заплатишь за это!

Мать выскакивает из столовой. Опускаю голову, стараясь не выдать удовлетворения.

– Бланш, прости ее.

– Ничего страшного, Тедди, – мягко заверяет она.

– Таддеус, я поговорю с ней, – рядом со столом оказыва-

ется Декланд.

– Это будет лишним, поверьте, если вы влезете, вызовете еще большее негодование у нее. Лучше отправляйтесь отдыхать, – советует ему Бланш.

– Но...

– Ты слышал Бланш, пусть все уйдут отсюда. Не хватало, чтобы пошли разговоры о том, что произошло сегодня. Иди, – кивает Декланду отец, ожидая, когда он заберет с собой шокированного официанта и исчезнет из столовой.

– Я сейчас же выгоню ее, это отвратительно. Обвинить тебя в такой глупости, когда я уверен, что Эйс не интересуется женщинами, он гей. Боже...

– Что? – переспрашиваю я, поднимая взгляд на отца.

– Ну да, ты только раз... Хм, ты же помнишь, я купил шлюху, чтобы она лишила тебя девственности, после этого ты впал в депрессию. Нам сообщили, что это вызвано твоей странной особенностью и любовью к мужчинам, – сдавленно поясняет. – Прости, Бланш, я не хочу унижать Эйса, но столько лет, и ни одной женщины, а мужчин в его окружении много, и некоторые из них предпочитают своих. Поэтому я извиняюсь за Алисию. Немедленно пойду к ней, чтобы выгнать отсюда, – поворачивается он к Бланш.

Она с трудом подавляет смех, а я чувствую себя оскорбленным. Гей? Нет. Я... у меня все работает, об этом я узнал сегодня. Почему гей?

– Тедди, для начала поговори с ней, честно и без стесне-

ния. Она уязвлена моим появлением здесь, а я тебя предупредила. Ты сам спровоцировал всплеск эмоций и теперь должен проявить себя как друг. Отправляйся и успокой ее. Не волнуйся, я не воспринимаю оскорбления, они не повлияют на мои решения, – убеждает она.

– Ладно. Эйс, я не должен был обличать твои пристрастия, но хочу, чтобы ты знал: я не против. Если тебе это доставляет наслаждение, это твой выбор, и я тебя поддержу.

– Я не гей, – цежу я.

– Да-да, ты отрицаешь это...

– Тедди, иди, не теряй время, – обрывает Бланш.

– Хорошо, мы еще обсудим это, – обращается он ко мне и выходит из столовой.

Едва шаги стихают, я слышу громкий хохот. Плечи Бланш сотрясаются от смеха, и она не скрывает своего удовольствия от моего унижения.

– Мистер Рассел, все вышло не так, как запланировали, да? – спрашивает сквозь смех.

– Прекрати, – рычу я.

– Так, значит, вашей первой женщиной была шлюха. Интересно. Вы мне нравитесь все больше. – Продолжая хохотать, она поднимается со стула.

– Нет, моя первая женщина была из нашего окружения, и мне это не понравилось. Никакой депрессии не было, а психолог стал моим еженедельным нежеланным гостем с раннего детства. Прекрати смеяться, – ударяю я руками по столу.

– Или же вам не сказали, что ее купили для вас. – Бланш подавляет смешинки и пожимает плечами.

– Закроем тему.

– Тогда мне очень душно, нужен воздух, и я ненавижу морепродукты. – Бросает салфетку прямо в тарелку и направляется к выходу из столовой. – Так вы идете, мистер Рассел, или будете дальше возбуждаться от моих туфель? – Останавливаясь, Бланш оборачивается и улыбается мне.

– Ты невозможна, я хочу придушить тебя, – зло отвечаю ей.

– Это нравится мне еще больше.

Она исчезает, и мне ничего не остается, как направиться за ней. Едва выхожу из дверей, замечаю движение сбоку. Бланш отстраняется от стены, она ждала меня.

– Покажете мне семейную гостиную, мистер Рассел? Там есть балкон, а мне действительно необходим кислород.

– Хочешь уединиться со мной? – усмехаюсь я, указывая рукой налево.

– Это вы хотите, а я позволяю это сделать. Вас очень обидела наша последняя встреча, мистер Рассел.

– Ты не заметила, что предпочитаешь всегда мне позволять? – ехидничаю я.

– Ошибаетесь, предпочитаю руководить. – Бланш первая входит в темную гостиную.

– Думаешь, что руководишь мной? – Закрываю двери и отрезаю ей путь к побегу.

– Отчасти да, мистер Рассел. Вы весь вечер провоцировали Алисию, а я вам подыграла, чтобы отвлечь Тедди и не навредить вашим с ним отношениям. Вы желали остаться со мной наедине, у нас появилось одно незавершенное дело, точнее у вас. К слову, вы едва не раскрошили дверь моей спальни, когда уходили. – Бланш пробегается пальцами по каминной полке и поворачивается к стене, на которой висят две шпаги предков, напоминая величие нашего рода.

– Снова мистер Рассел, Бланш? – Приподнимаю брови и облакачиваюсь локтем о камин.

– Эйс, – мягко выдыхает она. – Так лучше?

– Ни капли.

– Мне нравится выводить тебя из состояния равновесия. Как тебе идея небольшого соревнования?

– И в чем же будет состоять новая игра?

Она взглядом указывает на шпаги.

– Бланш, это может быть для тебя катастрофично, – замечаю я.

– Люблю рисковать, это вызывает во мне жуткий голод и даже слабые спазмы оргазма, – весело отвечает она и тянется к оружию.

– Ты серьезно?

– Абсолютно. Ну так что, Эйс, примешь вызов?

Женщина вмиг оказывается рядом, замахивается. Звонкий шлепок по моей щеке заставляет дернуться, кожа вспыхивает огнем, вызывая бунт в груди. Что она себе только что

позволила? Ударить меня? Стерва, держись!

Зло смотрю на нее и с рычанием хватаю оставшуюся шпагу.

– Прости, не было перчаток, чтобы вызвать тебя на дуэль, – вновь смеется она.

– Ты понимаешь, что я всегда довожу дело до конца? Не в моих правилах проигрывать, Бланш, а это означает твою смерть. – Удобнее располагаю в ладони рукоятку.

– Конечно, Эйс. Возможно, умереть от твоей руки – это моя фантазия. – Она немного склоняет голову в поклоне, как перед любым спаррингом, и становится в стойку.

– Опасные у тебя желания, Бланш. – На секунду отворачиваюсь и делаю резкий выпад. Она отражает его и отскакивает.

– А у тебя они примитивные. Те, что ты презираешь, но сам-то не лучше, – бросает она, специально распаляя во мне огненное желание выиграть.

– Зато умнее.

Набрасываюсь, ударяя по ее шпаге. Она обучена и этому, у нее прекрасная техника, а ведь Бланш на высоких каблуках. Она чувствует равновесие, рассчитывает мою силу и уклоняется от следующего удара, запрыгивая на стеклянный столик. Я гонялся за ней по всей комнате, пока не поймал в ловушку.

– Нет, Эйс, ты просто мужчина, – тяжело дыша, парирует Бланш и отбивает мой удар.

Запрыгиваю к ней и замечаю, что она стоит прямо на краю. Сажусь на корточки, избегая ее замаха, подбрасываю шпагу в руке и хватаюсь за острие, а рукояткой с силой ударяю по ее ногам. Она с криком падает на диван, оружие вылетает из руки, а я уже стою над ней и триумфально касаюсь острием горла.

Ее грудь часто вздымается, я сам запыхался, но ее злость и удивление, обида и восхищение намного приятнее моего нечестного приема.

– Признайся, что мой ответ был верным, – требую.

Бланш облизывает губы, сглатывает и шепчет:

– Нет. Ты ошибся, Эйс.

– Я никогда не ошибаюсь. – Надавливаю на ее кожу, и это напоминает картинку, что была в моей голове: острый каблук и кровь.

– Ты слишком самоуверен, Эйс. Но чтобы ответить верно, тебе придется сделать невозможное. – Она немного отодвигается от шпаги, наставленной на нее, но остается лежать на диване.

– И что же? – интересуюсь, отбрасывая оружие. Протягиваю руку, Бланш облегченно вкладывает свою. Резко поднимаю ее на ноги и, обхватив за талию, не позволяю сбежать. – Что такого невозможного таится в твоих словах? – Дергаю ее, и мою кожу опаляет дыханием.

– Чувствовать, – шепчет Бланш.

– Сложно, но я научусь. Ты проиграла, – замечаю я.

– Или дала тебе возможность выиграть, ведь это меня заводит. Борьбаться с тобой, обходить на шаг и останавливаться, чтобы дожидаться, когда ты догонишь.

– Я мог уже несколько раз прикончить тебя, и дело с концом. Нет человека, нет проблем.

– Так что же ты этого не сделал? У тебя был шанс, – хмурится она.

– Может быть, хочу, чтобы ты думала, что я попался на твои уловки. Вероятно, это я дарю тебе возможность находиться в постоянном возбуждении, – ухмыляюсь я.

Бланш прищуривается, и ее ладони ложатся на мою грудь.

– Тогда у тебя это прекрасно выходит.

Она забирается руками под мой пиджак, вызывая скачок пульса.

– Ты отказала мне, – напоминаю ей.

– И буду отказывать до тех пор, пока не заставишь меня пожелать покориться тебе, – выдыхает она.

– Куда ты влезла, Бланш? Зачем? – Разглядываю в темноте ее лицо, размышляя, что если такая женщина погибнет, это действительно будет трагедией.

– Не надо, Эйс, даже не думай о том, чтобы меня спасти. Это бессмысленно.

Она слегка напрягается, показывая, что хочет оттолкнуть, но я сильнее сжимаю ее талию, притягивая ближе.

– Чего ты ждешь от меня? Отец – это пешка, тебе нужен я. Для чего? – спрашиваю, не надеясь на честный ответ.

– А что ты хочешь сейчас? Ты выиграл. Физически ты намного сильнее меня, так что хочешь получить в награду?

Она слушает биение моего сердца, чтобы понять мысли. Но все становится нелепым: ситуация, игры и задание. Остается только мы, стоящие посреди гостиной, и я позволяю себе обнимать женщину. Это так смешно и настолько же ужасно, что я теряюсь.

– Кто убедил тебя, что чувствовать – плохо? Кто заставил забыть, что ты мужчина с собственными желаниями? Кто так сильно проник в разум, что ты боишься сознаться в своих фантазиях? – шепот привлекает мое внимание и очищает мозги. Дурман исчезает, и я корю себя за то, что на секунду ощутил себя человеком.

Отталкиваю Бланш с такой силой, что она вновь летит на диван, подскакивает на нем и замирает. В ее глазах боль, и она прикрывает веки, не позволяя увидеть, как разочарована во мне. Я и сам разочарован.

– Это было довольно занимательно, мистер Рассел, но мне пора ехать. – Бланш поднимается с дивана и проходит мимо меня.

Могу ли я там, где никто не видит, совершить опасную глупость? Не знаю, но что-то заставляет меня опередить эту женщину и, схватив за руку, толкнуть спиной к двери. Она охает от неожиданности. Не позволяя ей очнуться, кладу ладонь на затылок, наклоняюсь к лицу и прижимаюсь к ее губам. Она не дышит и не двигается, пока я вроде бы целую

ее. Да, видел в фильмах, хотя не помню, чтобы делал сам. В кино совершают это именно таким образом. Отрываюсь от губ и встречаюсь с распахнутыми синими глазами.

– Эйс? – шокированно шепчет Бланш, а внутри меня растет паника. Черт возьми, о чем я думал? И сейчас хочется сбежать самому. Только собираюсь отпустить ее, как ощущаю женскую ладонь на своей щеке.

– Ты так целуешься?

– Я не знаю.

– Ох, боже мой, Эйс, я не могу оставить это просто так. Ты вынуждаешь меня показать, что такое настоящий поцелуй. – Отталкивается от двери и приподнимается на носочки, чтобы наши лица были ближе.

– Не нужно, Бланш, я не должен.

Разум делает попытку увильнуть, а тело решает иначе: рука ложится на талию, вторая с силой сжимает волосы. От боли женщина шумно выдыхает, это вновь посылает импульсы в позвоночник, и мне неприятно чувствовать мощное давление в паху, вызывающее желание разодрать ее.

– Ты лжешь, Эйс.

– Да, – признаюсь, прижимаясь еще крепче. Ее губы касаются моих. Невесомо, незаметно, снова и снова, пока я не приоткрываю рот, не в силах контролировать дыхание.

– Не думай, а чувствуй, – подсказывает она. Да я сожрать ее хочу! Разорвать руками и вылизать раны на коже. Насытиться кровью и ее криками и мольбами о большем.

С рычанием нападаю на ее губы, кусаю мягкую плоть. Бланш вздрагивает, запуская пальцы в мои волосы, царапает кожу головы, призывая продолжать. Ей нравится. Я не помню, целовал ли кого-то раньше. Не знаю, была ли в моей жизни настоящая женщина, которую я бы хотел проглотить. Но зато уверен в том, что губы должны гореть от напора, что наше дыхание должно слиться, а тело взбунтоваться и приказывать разуму. Это прекрасно, но слишком мало, чтобы снять давление в паху. Головка члена становится чувствительной, трется о грубую материю, и я ощущаю ответ женского тела. Оно горит от возбуждения. Язык Бланш проникает в мой рот, вызывая восторг от привкуса шампанского. Мои руки блуждают по ее телу, наслаждаясь упругостью, пальцы касаются пуговиц на блузке, пока она всасывает мою нижнюю губу, вырывая из груди шипение. Только хочу разодрать на ней одежду, дотронуться до кожи, как она резко шлепает меня по рукам, и все исчезает.

– Заставь меня хотеть тебя больше, Эйс. Найди верный ответ, и я буду твоей.

Шепот теряется в разгоряченном сознании. Минута, и никого нет рядом, только я, абсолютно сошедший с ума.

Глава 14

– Итак, я слушаю.

Входим в кабинет после совещания. Нейсон направляется к столу и подхватывает пачку сигарет, мне разрешено остановиться напротив главнокомандующего и нести службу.

– Сэр, мне отказали, – четко произношу я.

– Ты провел у нее тридцать четыре минуты и двадцать семь секунд. Она позволила тебе войти без предварительной записи и задержаться в ее доме, – напоминает Нейсон, затягиваясь сигаретой.

– Верно, сэр, – киваю.

– И ты меня убеждаешь, что нет никаких результатов?

Он находит мой взгляд, я в это время думаю об уже выполненных заданиях. Дядя хороший психолог, может подметить незначительные детали и логически прийти к верным выводам. Если он увидит, как я на самом деле реагирую на Бланш Фокс, это станет концом и для меня, и для нее. Поэтому, чтобы он не понял ничего из моих мыслей, приходится вернуться к прошлым достигнутым целям, и это приносит спокойствие. Его он видит в моих глазах, подозрение во лжи развеивается, и Нейсон с кривой ухмылкой выдыхает дым, ожидая ответа.

– Результаты есть, сэр. Мисс Фокс предпочитает властных мужчин, она ведет с ними игру, ломает характеры и превра-

щает в рабов. Она впустила меня, потому что я ей интересен. Мое положение выше, чем у отца. С ним она прекращает отношения, я убедился на вчерашнем ужине. И готовится к достижению новой цели. Ею могу стать я, но пока согласия и приглашения быть в числе клиентов не получил.

— Это намного лучше, Эйс. Сегодня постарайся вновь попасть к ней и соблазнить. Но не пугать, иначе она исчезнет. Ей помогут затаиться, и вернется она еще более опасной, чем сейчас. Нельзя терять время. — Он зажимает губами сигарету и обходит стол.

— Сэр, план нападения на эту женщину построен неверно. — Нейсон резко поднимает голову, глаза сужаются. Он выплевывает сигарету на пол и наступает на нее, приближаясь. Мои мышцы напрягаются, разум предугадывает удар. — Мисс Фокс не терпит, когда за ней бегают, сэр, — быстро добавляю, и кулак Нейсона разжимается.

Он еще не успел занести руку, но хотел этого. Физическое насилие, по его мнению, лучший способ контролировать подчиненных и демонстрировать им, что он всегда прав.

— Она поэтому и отказывала вашему сыну. Эта мисс брезгует мужчинами, желающими обычного сношения, а ищет интересные случаи, благодаря которым обретает власть над сознанием клиента, позволяющую ей добыть нужную информацию. Она заманивает их в ловушку фантазий, которые исполняет в обмен на верную службу. Если я буду часто напоминать о себе, это ее утомит и создаст обратный эф-

фект. Необходимо на пару дней исчезнуть из поля зрения. Ей вновь станет скучно, и она придет сама.

– Но ты сказал, что мисс Фокс отказала тебе в услугах, – шипит он.

– Верно, это игра. Она отказывает, вызывая жажду обладать недостижимым, но при этом оставляет свободное поле на доске для следующего хода. Наблюдает, что предпримет мужчина в желании добиться ее. Затем идет поощрение и вновь удар невидимого кнута, и так до тех пор, пока мужчина не сдастся. Он на коленях, и женщина может делать с ним все, что захочет. Отныне клиент докладывает ей обо всем, что у нас происходит. Он зависим и против своей воли выдает секреты правительства – Бланш превращается в наркотик для его разума. Сейчас она испытывает интерес к моей персоне, но еще не такой сильный. И мой план в том, чтобы применить ее метод к ней самой. Кнут и пряник. В данный момент кнут – отрицание ее существования и пренебрежение. Затем пряник, я появлюсь, и она оживится.

Поведал Нейсону лишь малую часть своей стратегии. Все ложь. Я не желаю больше видеть мисс Фокс. Я зол на себя, на то, что сотворил накануне, и до сих пор ощущаю ее губы и аромат, и мое тело перестает мне подчиняться. Но я никогда не сдавался и сейчас не собираюсь падать в ее руки. Слишком рано, чтобы сотворить очередную глупость, которая безвозвратно затянет в ее мир. Сделаю это, когда буду в тупике и позволю ей считать, что она заслужила мое доверие. Вот

чего она ждет, моей помощи в достижении своих целей.

– Ты проделал довольно сносную работу, Эйс. Уверен, что она попадет в эту ловушку? – смягчается Нейсон.

– Уверен, сэр. Я изучил модель ее поведения на примере нескольких мужчин, она явно заинтересована во мне. Если эта женщина собирает на нас информацию, то следующим должен быть я или вы. У нее есть легкий доступ ко мне, а через меня она планирует приблизиться к вам, сэр. Я этого не позволю, сделаю все, что в моих силах, даже пойду на крайние меры и вытерплю ее отвратительные прикосновения, чтобы она вас не достала, – заверяю его.

Глаза Нейсона светлеют от удовольствия. Слабости делают нас глупыми, податливыми, никто не лишен их. Это невозможно преодолеть, какой внутренней силой ни обладаешь.

– Хорошо, я доверяю твоей интуиции, Эйс. Она часто нам помогала. Ты солдат, а здесь лучше забыть о военной выправке и использовать более изощренные методы. Сдайся ей на милость и не спугни. Если Фокс поймет, что мы взяли ее в оборот, это грозит катастрофой для короны. Наши внутренние дела скрыты, наша цель – не допустить разрушения страны, даже если придется идти против решения монархов. Мы руководим умами, направляя мысли в нужное русло, и коли это дойдет до ушей представителей королевского дома, мы все исчезнем. Мы связаны, Эйс, в этой цепочке все звенья должны быть целы.

Нейсон отходит от меня и вновь подхватывает пачку сигарет. Недолго проживет, если продолжит в том же духе.

– Сэр, я заметил, что дело о контрабанде оружия так и не закрыто. Я мог бы взяться за него, пока мисс Фокс будет планировать следующую нашу встречу.

– Нет, Эйс. У тебя свое задание, а это оставь мне. Сомневаешься, что я решу его? – недовольно спрашивает он.

– Нет, сэр, вы очень умны, вам это будет проще простого, но я хотел быть полезен.

– Занимайся этой стервой. У меня на прицеле несколько заброшенных зданий, где, как предполагаю, прячутся группировки, чтобы нанести удар по мирному населению. Мои люди уже работают с ними. А ты отправляйся в тренировочный зал, если нечем заняться.

Это приказ – не лезть в дело о контрабанде. Меня от него отрезают, и это напрягает. Раньше тайные дела передавали мне как руководителю направления, а сейчас запретили вмешиваться, оставив лишь мисс Фокс. Подозреваю, что эти дела связаны, но мне не позволят узнать настоящую причину заинтересованности Бланш. Уверен, есть что-то еще помимо информации, что вызвало такой страх у дяди. Да, именно страх, он боится совершить ошибку, поэтому так настаивает на скорейшем решении проблемы.

– Не трати время, Эйс. С этой женщиной нужно быть начеку и не позволить ей взяться за кого-то другого. Ты обязан насколько возможно быстро стать ее следующим клиентом.

– Сэр, торопиться нельзя, я уже объяснил вам ход мыслей. Бланш Фокс предпочитает играть по своим правилам и должна быть уверена, что я принял их. Если сейчас надавлю, она ошестинится и, чтобы наказать меня и вас, моментально найдет другого кандидата. Сейчас она заинтересована мной. Доверьтесь мне, сэр, я знаю, что делаю.

– Мы не знаем, когда ей прикажут слить сведения. Твоя задача: изъять их до «часа икс», узнать, на кого она работает, и передать ее жизнь мне. Мы ограничены во времени, Эйс, постарайся выполнить задание до конца месяца. Дальше снова займешься безопасностью страны, а я помогу ей исчезнуть из нашего мира. А сейчас тренировка, не менее трех часов. Свободен. – Он указывает мне на дверь, и я киваю: «Есть, сэр».

Выхожу из кабинета и направляюсь к лифту.

Меня отстранили от выполнения прямых обязанностей, ограничив работой с одной женщиной. Какую игру ведет Нейсон? Как он замешан в контрабанде оружия? Можно предположить, что по его указу в Лондон доставили такое количество смертельных «подарков», но он никогда не позволил бы угрожать безопасности страны. Такое чувство, что игра идет между Бланш и дядей, а я – расходный материал. Что он хочет получить от нее? И что такого страшного скрывает Бланш, что вызвала в Нейсоне ужас? Он тоже думает только о ней, опасаясь приближаться и подставляя меня под удар. Считает, что я этого не понимаю и продолжаю

преданно выполнять приказы. Но я обещал защищать коро-
ну, и сейчас нападение готовится именно на нее. До отъезда
я как робот следовал словам дяди. Долгое отсутствие позво-
лило обнаружить, что меня превратили в средство для до-
стижения чьих-то целей, и мой разум отринул чужое влия-
ние. Окончательно убедился в этом, когда появилась Бланш
Фокс.

Дядя знает, что я меняюсь. Направил в тренировочный
зал – напомнить, как я зависим от его решений, чтобы я про-
никся угрозой и вновь стал марионеткой. Однако время, ко-
гда он был сильнее физически, прошло. Я могу постоять за
себя, хотя наказания в «черной дыре» не избежит никто, кто
пойдет против Нейсона. Я попал в нее пять лет назад, когда
возмутился дядиным решением и позволил погибнуть лю-
дям. Да, это мой страх, потому что «черная дыра» превра-
щает тело в мясо, а разум тупеет от боли.

– Сэр, срочный вызов. – Сьюзи передает мне телефон.

Тяжело дыша, вытираю полотенцем мокрый лоб и, дав со-
пернику и тренеру знак подождать, прикладываю трубку к
уху.

– Да.

– Мистер Рассел, у мисс Фокс посетитель, – отзывается
динамик.

– Кто?

– Ваша сестра, сэр. Она вошла в дом минуту назад.

Закрыв на секунду глаза, проклиная Молли за глупость.

Дура.

– Еду. Не позволяйте ей выйти оттуда, сам заберу ее, – отдаю приказ и бросаю трубку секретарю.

Быстро принимаю душ и привожу себя в порядок. Прячу пистолет за спиной и надеваю пальто.

Вот только не хватало, чтобы сестра тоже оказалась в деле. Она вряд ли понимает, куда влезла. Сначала оставляет мне карточку с адресом Бланш, затем сама идет к ней. Видимо, тоже работает на дядю. А он явно недоволен моим решением оставить мисс Фокс в покое на пару дней и теперь заставляет встретиться с ней, используя мою глупую сестру. Он знает, что Молли – моя слабость и я непременно направлюсь туда, чтобы за волосы вытащить ее из этого дома. Сукин сын. Нейсон и есть волк, только непонятно, на кого он работает. У него тоже есть заказчик, который напуган, как и дядя.

У дома Бланш меня ожидает человек. Подхожу, избегая камер.

– Она еще там, сэр. У нее в руках был пакет из кондитерской и цветы. Выглядело так, словно она пришла к мисс Фокс на чай, – докладывает дозорный.

Преодолеваю ступеньки и нажимаю на вызов. Поднимаю голову лицом к камере, демонстрируя закипающую злость. Меня водят за нос, и это вызывает безумное желание сорваться. Разорвать, убить к чертовой матери всех, чтобы получить удовлетворение.

Без вопросов дверь открывается, и я залетаю в коридор,

где меня ожидает Кьяра.

– Добрый день, сэр. Прошу немного подождать, у хозяйки клиент, – четко произносит она. Боится моего вида. Боится, что я могу узнать.

В этот момент раздается громкий стон Молли, и это подобно выстрелу.

– Да... еще, пожалуйста, не останавливаясь, – полный мольбы голос сестры срывает ограничители.

Мой разум работает на полную катушку, когда, оттолкнув Кьяру, я взбегаю по лестнице.

– Боже, да! – Кульминационный крик Молли выпускает из-под контроля спящего внутри меня психопата.

Ногой выбиваю дверь, вызывая испуганный визг сестры, нахожу ее взглядом. Она лежит на кровати, обнимая ногами подушку. В одежде. Рядом никого.

– Эйс? Господи! – Сестра краснеет от стыда и подскакивает на постели. Аромат ванили и орхидей наполняет мой разум. Повернувшись, встречаюсь с глазами Бланш, спокойно сидящей в кресле недалеко от постели. В них осуждение, она недовольна вторжением.

– Что здесь происходит? – рычу, вновь обращая внимание на полыхающие щеки Молли.

– Я...

– Откуда у вас, мистер Рассел, эта ужасная привычка все ломать? Неужели не можете контролировать страх и найти его истоки, прежде чем поддаться эмоциональному воздей-

ствию? – равнодушно вопрошает Бланш, не позволяя сестре ответить, поднимается из кресла и подходит к столику. Босиком, с собранными в косу волосами. На ней не привычное платье, а облегающие черные лосины и такого же цвета свободная прозрачная рубашка.

– Мисс Фокс, вы меня звали? – За моей спиной появляется Кьяра.

– Да, проводи Молли вниз и предложи ей чай. И еще вызови кого-нибудь, чтобы починили дверь, вряд ли мистер Рассел умеет это делать.

– Бланш, я...

– Не волнуйся, Молли, я все ему объясню, – мягко заверяет она сестру.

– Он не поймет, – всхлипывает та.

Они что, забыли о моем присутствии? Все выглядит так, словно между ними очень нежные отношения и моя сестра стала клиенткой этой женщины в прямом смысле.

– Я постараюсь донести до него причину твоего появления. До встречи.

Кьяра уводит плачущую от унижения сестру. Прикрыв сломанную дверь, оставляет нас наедине.

– Мистер Рассел, я все осознаю, и ваше волнение за девушку тоже. Но разрушать ее и без того шаткую уверенность в себе – крайне возмутительно. Вы хоть понимаете, что будет с ней дальше? Она не в силах расслабиться и позволить себе чувствовать то, что вы отвергаете. Хотите и из нее сделать

робота? – выговаривает мне Бланш.

– Ты спишь с ней? Ты охомутала отца, кузена, сестру и взялась за меня. Что ты хочешь от нас? – рычу я.

– Боже, нет, – усмехаясь, женщина качает головой. – Молли попросила помочь ей правильно имитировать оргазм. Ну и получать его. Это уроки, мистер Рассел, а не подчинение. Я не только опускаю на колени мужчин, но и помогаю совершенствоваться в науке страсти. Для начала девушка должна знать, как заставить мужчину поверить в оргазм, правильно сокращая мышцы влагалища и издавая специфические стоны и крики. Это тонкая психология, и этому пожелала научиться ваша сестра. – Бланш зла, я вижу, как сверкают яростью ее синие глаза. – Своим вторжением вы привели ее в смущение и вызвали стыд за эти примитивные, по вашему мнению, желания. Вы для нее авторитет, а посему заведомо разрушаете ее будущее и лишаете возможности узнать, что такое наслаждение. Вы сами необразованны в этой сфере, но это не дает вам прав врываться в дом и прерывать урок.

Она раздражена и готова выставить меня за дверь. Этого нельзя допустить, у Бланш есть план, и они с Нейсоном втянули в него Молли. Если дядя хотел, чтобы я здесь появился, значит, должен был что-то увидеть. Что? Уроки? Так это еще больше убедит в том, что в игре задействована вся семья, и только я пока не примкнул ни к какому лагерю. Так что же я обязан сейчас совершить?

– Я запрещаю использовать сестру, Бланш! Ей не нужны

твои уроки обмана мужчин.

– Вы ничего не можете запретить мне, мистер Рассел. Я никому не подчиняюсь и сама решу, что делать дальше. К тому же имитация оргазма – не обман, а поощрение, чтобы мужчина раскрепостился и женщина могла направлять его на свое наслаждение. Каждая из нас хотя бы раз в жизни имитировала оргазм – мужчины, к сожалению, думают о себе и не особо заботятся об удовольствии партнерши. Таким особям нужно дать иллюзорное представление и поднять их самооценку, а когда следующая женщина укажет ему на выход, он вернется к той, что его поощряла, и тогда она слепит из него правильный источник наслаждения. Близость – очень логичная наука, но у меня нет времени, мистер Рассел, чтобы обучать ей вас, – резко отвечает Бланш, складывая руки на груди.

– Что за кодовое слово «чай»? Ты его выделила интонацией, и оно означает другое? Чем ты опаиваешь Молли?

– Успокоительным. Оно и вам не помешает. Вы утомляете меня, сэр, постоянным подозрением. Если бы я пожелала кого-то убить, он был бы уже мертв, в том числе и вы. У меня было достаточно возможностей всадить вам пулю в висок или нож в шею. К примеру, вчера, когда целовала вас и вы были полностью поглощены реакцией своего тела. Настолько, что я достала ключ из вашего пиджака и ушла, чтобы не доводить дело до конца. Попросту сбежала, ведь в вас спит зверь, который никогда не подружится с моим. А теперь ухо-

дите, я должна собрать вещи.

Она отворачивается, перебирает пузырьки на столике, а в моем теле растет напряжение. Из-за нее, из-за того, что меня загоняют в угол. Они все играют со мной, и сейчас я не желаю больше контролировать себя. Пусть увидит, какой я психопат на самом деле.

– У тебя же по плану болезнь? – ехидно напоминаю я.

– Господи, какая тупость, мистер Рассел! – О, Бланш повышает голос! Разворачивается ко мне, в негодовании сжимая кулаки. – Мой план разгадал бы даже ребенок! Месячные – предлог, чтобы избежать встреч с Тедди, к тому же мне они никогда не мешали работать. Есть особый вид клиентов, которым нравится вылизывать кровяные выделения из влагалища. Включите мозги, мистер Рассел, вы глупеете на глазах.

Ее раздражение и повышенный тон вызваны нервным состоянием, она не может с ним справиться. Явно волнуется из-за чего-то. Поездка. Разговорник, который она читала во время урока с Молли, французский. Значит, она направляется в Париж. В пятницу там планируется тайная встреча послов наших стран для обсуждения важных вопросов и налаживания дружеских отношений. Она летит туда, чтобы помешать. Или первой узнать о результатах переговоров. Один из послов был ее любовником, и она заставила взять ее с собой. Бланш этого не скрывает, наоборот, дала подсказку, будучи уверенной в моем появлении. Она в курсе, что за ней

следят.

– Зачем ты туда летишь? Тебя может уничтожить служба безопасности Франции, – спрашиваю низким голосом.

– Вряд ли. В моей постели и под кнутом были не только английские чиновники, – усмехается она. – И все опасаются, что я могу их сдать, поэтому меня вызвала именно французская сторона, чтобы я скрасила время ожидания ответа от Лондона. Я направляюсь туда не из-за политики. Ее я ненавижу, она скучна и напоминает бессмысленную демонстрацию бессилия. Мне больше нравится ощущать страх. Ваш дядя подослал людей, они дежурят недалеко от дома. Вы не посвятили его в наличие черного хода, это говорит о вашем противостоянии и нарушении кодекса. Вы знаете возможные последствия, но не оставляете попыток защитить меня. Не стоит, мистер Рассел, ведь я – ваше «задание», которое следует обезвредить и вынудить признаться и назвать имя заказчика. Верно? – Бланш отталкивается от стола и делает ко мне шаг.

– Да. А я – твое «задание», ты должна меня соблазнить, сбить с толку и затмить разум, чтобы я помог тебе в достижении целей. Верно? – Тоже делаю шаг к ней.

– Да.

– Не лети туда, Бланш, это навсегда сделает нас врагами, – взываю к ее сознанию.

Признание позволяет увидеть: она боится последствий, но не может перечить заказчику, кого признала Хозяином. За-

программирована, как и я. Нам не стать обычными людьми.

– Я и так твой враг, Эйс. Ты не можешь выбрать ни одну из сторон, колеблешься, и это может пагубно сказаться только на тебе. Твои попытки уберечь меня самому тебе непонятны. А я не могу позволить тебе стать пешкой в этой игре. Прими наконец-то чью-то сторону и борись так, как тебя учили. Твои знания, сила и власть действительно могут сотворить невозможное. Но я не имею права использовать тебя, пока ты не обретишь тот статус, на который рассчитан план. Враг. Ты обязан стать им для меня, – шепчет она.

Ее дыхание прерывисто, она умоляет меня никогда не приближаться. Но я не верю. Она это делает, потому что ей нравится ход событий. Эта женщина хоть и выполняет приказы, но не делится способом достижения цели. А я и есть ее цель.

– Тогда проще убить тебя сейчас, чтобы не думать о том, что ты скрываешь. Никакой информации не существует, ты блефуешь и делаешь это прекрасно. Ты напугала их, поставила на колени и ждешь, что они предпримут. Они подослали меня, значит, я и буду решать твою судьбу. – Достаю из кобуры пистолет и направляю на нее.

Глаза Бланш блестят от удивления – не думала, что разгадаю ее так быстро. Ее решительность, храбрость и взгляд, наполненный смехом, вызывают во мне злость. Безумная. Сумасшедшая!

– Немного ниже, Эйс. Не целясь прямо в сердце, иначе я

умру моментально и лишу тебя возможности наблюдать. Ниже, это даст несколько минут, чтобы прокрутить всю жизнь перед глазами и продемонстрировать тебе свою слабость. Ты хотел ее увидеть, так воплоти мечту в реальность. Выстрели, мне не страшно умирать от твоей руки, потому что она оказалась самой честной и возбуждающей. – Она придвигается, и дуло упирается в ее грудь.

– Не стоит подталкивать меня, Бланш. Мне это слишком нравится, чтобы остановиться, – снимаю пистолет с предохранителя, и он щелкает, отдаваясь в висках.

– Ты не убьешь меня. Хочешь напугать, остановить и самому остаться. Заставить сделать тебя клиентом, чтобы выполнить задание. Ты найдешь выход, спрячешь меня или инсценируешь смерть, но не убьешь. Ты никому не доверишь, но слышишь меня. А я готовилась к встрече, изучала тебя, чтобы сейчас ты стоял напротив и желал большего. Тебя пытаются контролировать, потому что боятся того, что ты уже знаешь. Так что наша борьба не закончится до тех пор, пока я не уверюсь в том, что ты принял верную сторону. Свою. А пока я буду изводить тебя и двигаться дальше, вынуждая всех вокруг трепетать от страха и наслаждаясь им. Но придет время, и ты все поймешь. – Она обхватывает ладонью дуло пистолета и опускает его вместе с моей рукой.

Я наблюдаю, как она разворачивается и подходит к зеркальному столику. Достает дорожную сумку и медленно складывает туда стеклянные бутылочки. Бланш права, я не

могу ее убить, потому что она вызывает интерес. Я хочу докопаться до истины, понять причины ее появления и для чего она держит всех за яйца.

– Уходи, Эйс, и лучше не появляйся, пока не позову. – Ее руки замирают, глаза ловят мой взгляд в отражении зеркала.

– Я никогда не следую приказам женщин, Бланш. Оставляю тебя в живых, чтобы потом убить самому. Только я могу это сделать, ведь ты играешь на тех реакциях моего разума, которые изучила, – с отвращением к самому себе отвечаю ей.

– Убирайся. Надоедливость снижает возбуждение, так что лучше исчезни, пока еще могу терпеть тебя. – Она шипит, как гадюка, а ее глаза темнеют от злости.

Мой разум бунтует. Мало того, что меня принимают за идиота, используя в своих целях, так еще женщина отдает приказы, считая, что я увлечен ею. Никогда!

Резко вскидываю руку и нажимаю на курок. Пуля летит в зеркало, разбивая его на кусочки. Но мне мало. Я нажимаю еще и еще, вызывая у Бланш животный ужас и слабый крик. Она отпрыгивает от столика, а я продолжаю стрелять по нему, и комната наполняется едким ароматом этой женщины, вызывая еще большую ярость. Сердце стучит быстро и четко, затмевая разум и застилая все черной пеленой ярости. Меня не опустить на колени. Пока выпускаю пулю за пулей, Бланш поворачивается, и я вижу в ее глазах страх пополам с адреналином. Она дрожит от возбуждения, и я не могу отвести взгляда, пока пистолет не оказывается прижа-

тым к ее груди.

– Не смей приказывать мне, – рычу, с силой надавливая рукой. Бланш издает тихий стон и на секунду прикрывает глаза.

– Магазин пуст, Эйс. Лучше уходи, я едва держусь, – шепчет она, облизывая пересохшие губы, словно изголодалась.

– Нужно прикончить тебя и больше не думать. О том, как ты покоришься. Как доверишься и втянешь в новую игру, где на кону будет не только моя жизнь, но и благополучие страны. Ненавижу тебя. – Отбрасываю пистолет и яростно хватаю ее за волосы.

– О, ты все же психопат, и я рада увидеть то, в чем тебя ограничивают. Борись с ними, Эйс, чтобы сделать, о чем мечтаешь. Покори меня, как сейчас.

Ее дрожащие от возбуждения пальцы дотрагиваются до моего лица.

– Да пошла ты. – Отшвыриваю ее и не делаю попыток помочь подняться с пола. – Если уедешь, вынудишь меня принять сторону дяди.

Бланш все больше раздражает, что вызывает приток крови к голове, делает меня больным, жаждущим крови и разрушения. Убийства.

– Тогда не могу не воспользоваться шансом, хочу понаблюдать, что ты предпримешь дальше, – отвечает она сквозь смех.

Я могу сейчас ударить, придушить ее. И я хочу этого.

Хочу, чтобы она умоляла прекратить мучить ее и причинять боль. Сила желания рождает страх, что я вышел из-под контроля. Необходимо уйти, чтобы чего-нибудь не натворить. Подхватываю с пола пистолет и со всей злости выбиваю дверь. Этот грохот и безумный смех Бланш застревают в сознании, когда спускаюсь вниз и встречаюсь с перепуганными женщинами.

– Эйс! Ты... стрелял? Что с Бланш? – истерично кричит Молли, замечая в руке пистолет.

Прячу оружие в кобуру и хватаю сестру за руку. Она визжит, бьет меня по плечам, а я тащу ее за собой. Сначала к выходу, потом к машине.

– Закрой рот, – с силой толкаю ее в салон.

– Что ты с ней сделал?

– То, что заслужила. А теперь слушай меня. Ты больше никогда не подойдешь к этой женщине. Если я узнаю, что ты нарушила мой приказ, получишь наказание. Сейчас ты едешь к отцу и ждешь дальнейших указаний. И словом не проговоришься о том, что здесь произошло, иначе прибью тебя. Ты поняла? – рычу я.

– Чудовище, ты больной...

– Я не слышу, ты поняла меня? – Повышая голос, стучу кулаками по машине. Шофер испуганно сжимается и, как и сестра, отодвигается к другой двери.

– Да, да, – скулит она.

– Отвези ее к отцу, – бросаю приказ и хлопаю дверцей.

Нужно остыть, иначе меня разорвет от эмоций. Я давно не стрелял, а это так прекрасно – позволить себе пугать всех. Но увидеть минутный ужас в глазах Бланш – этого мало. Схожу с ума, шагая по улице. Люди оглядываются, и хочется врезать каждому, кулаки чешутся. Я больше не в силах противиться желанию быть тем, кто я есть. Машиной для убийства. Хочу чувствовать кровь на руках, наслаждаться багровым оттенком, она меня безумно возбуждает. Хочу ее кровь, ее крики, ее тело! Хочу вернуться и научиться драть женщину! Не трахать, не заниматься любовью, а драть! До тех пор, пока она не погибнет в моих руках, подо мной! Я безумен!

– Сэр, – за спиной раздается голос одного из охранников, следящих за домом Бланш.

– Что? – спрашиваю хрипло. Может, наброситься на него, насытить свою сущность, и тогда желания ослабнут?

– Вас срочно вызывают в парламент.

От его слов холодеет внутри, но не избавляет от чудовищной жажды.

– Хорошо. Едем, – киваю, проклиная эту женщину за то, что она вынудила меня сделать.

Нейсону уже доложили о моем проступке, о выстрелах и криках. И я знаю, что меня ждет. Знаю и не могу бороться с этим, потому что в голове крутятся слова клятвы, которую я давал в самом начале. Именно она вынуждает меня идти к боссу и каяться. Унижаться. Нет, я не буду, хватит с меня. Не буду.

Уверенно поднимаю подбородок, замечая, что ни одного секретаря нет. Сумасшедшая сила поднимается внутри, когда открываю дверь кабинета дяди и вхожу.

На меня моментально набрасываются, я отражаю удары снова и снова, пока численность нападавших не превосходит качество моих навыков. Во рту кровь, которую сплевываю на пол. Меня подхватывают под руки, и удары приходится прямо в живот. Они вынуждают меня скулить, но я сжимаю губы, дергаясь от каждого пинка.

– Ты совершил ошибку, солдат, тебя ожидает расплата. Ты позволил своему зверю взять верх и чуть не сорвал операцию. Увести его в черную комнату, пусть вспомнит, что такое нарушение приказа.

Кулак Нейсона с ненавистью обрушивается на мою скулу, голова дергается. Я знал, что это когда-нибудь повторится. Чувствовал интуитивно, и вот оно происходит вновь. Я вытерплю, иначе никогда не узнаю, кто такая Бланш Фокс. Для меня.

Глава 15

Ледяные капли бьют по затылку. Мое обездвиженное, израненное и измученное тело куда-то несут. Ноги волочатся по земле, собирая пальцами гравий. Меня укладывают на что-то твердое лицом вниз.

– Мы не можем его так оставить, – слышу мужской шепот сквозь туман в голове.

– Мы должны выполнить приказ. Иначе ублюдок сделает с нами то же, что и с Эйсом, а он один из самых стойких и сильных солдат. Посмотри, что с ним сотворили, он искромсал его. Хочешь так же? – отвечает ему другой.

Капли дождя имеют особенный вкус, ими можно насытиться или отравиться – осадки напрямую зависят от экологии. Вот бы оказаться неподалеку от химзавода, чтобы вода превратилась в смертельный для меня яд.

– Нет, не хочу. Но, черт возьми, это бесчеловечно. Холодно, ливень, он голый, подхватит воспаление легких, если мы его оставим, – с жалостью произносит первый.

– У нас нет выбора. В этом мире нужно защищать только свою задницу. Представь, что с тобой сделает Стержень, если он без особо серьезного повода сотворил такое с племянником. Его кто-нибудь подберет. Пошли, нужно поторопиться. Нельзя сейчас злить этого ублюдка, иначе и мы отправимся в канаву кормить червей.

Гравий шумит под тяжелыми шагами тащивших меня парней. Едва шевелю пальцами, но нет, мне это кажется, руки потеряли чувствительность. По запаху асфальта определил, что бросили на дороге, чтобы меня заметили быстрее. Шума машин не слышно, значит, я довольно далеко от жилых кварталов и меня не найдут до утра.

Тошнота изъедает желудок, голова словно огромная тыква, но я все слышу, хотя после наказания должен был отключиться. Любой бы отключился от шокового давления на болевые точки, но я пребываю в сознании.

Доносится размеренный звук цокающих каблуков. Даже дождь стихает, чтобы не заглушать четкий ритм. Кто-то приближается, и я заставляю себя приоткрыть залитые кровью глаза. Мутное зрение искажает картинку, но я вижу черные лаковые туфли. Острые носы останавливаются прямо перед глазами. Разворачиваются. Обходят меня. Закрываю глаза, нет сил смотреть. Дыхание вырывается из груди резкими хрипами, не наполняя зудящие легкие.

– Немедленно поднимись! – Щелчок заставляет приоткрыть глаза и увидеть кнут рядом с туфлями. Этот голос... Ее голос.

– Эйс, поднимайся. – Удар кнутом по луже, грязь попадает в глаза, и я закрываю их. Не могу даже зажмуриться, все атрофировалось.

– Предпочитаешь быть униженным рабом? – Ощущаю, как на мою щеку надавливают. Шпилька может проткнуть

кожу, я это уже видел. В своей голове видел, только не предполагал, что сам окажусь жертвой.

– Бланш, – произношу одними губами.

– Какая удача, милый. Ты под ногами, сломленный, едва дышишь. Остается завершить начатое Нейсоном, чтобы доказать всем, что ты обычный мужчина, в тебе ничего особенного и ты недостойн даже дышать. – Едкий голос проникает в мое замутненное сознание, вызывая слабый бунт. Я не такой. Я не позволю себя сломать, никогда. Терпел пытки и похуже, неделями висел на цепях... Эта женщина не увидит меня побежденным.

Издаю рык и заставляю тело собраться. Сосредоточиться и дернуться вверх. Руки слушаться не желают, но все идет из головы. Если я захочу – сделаю. Я поднимусь. Уже сгибаю локти, а нога от щеки не убирается. Наоборот, давит сильнее. Бланш заставляет бороться. Она не сможет насладиться моей слабостью. Только не она.

Мой рот раскрывается в беззвучном крике, мышцы напрягаются, и я приподнимаюсь, опираясь на ладони. Больше не могу. Падаю и снова слышу смех, тот, что пробуждает опасного зверя внутри. Безумца. Издевательство над тем, что я пережил, заставляет разозлиться, собраться с силами и встать на колени. Голова кружится, зрение нечеткое, но я вижу знакомое лицо напротив. Рука в кожаной перчатке подхватывает подбородок.

– Борись, я сказала, – шипит Бланш, – борись, чертов

псих! – Она дает мне пощечину, голова дергается в сторону. – Давай! Покажи ему, что ничто не сможет тебя убить! Он не победит! Твоя жизнь важнее, чем его! – Ударяет по другой щеке, и я позволяю ей замахиваться снова и снова.

Облизываю разбитые губы, голова падает на грудь, а тело безвольно стоит на коленях.

– Эйс! Ты должен найти силы!

Ее пальцы снова заставляют меня поднять лицо. Синие глаза полны тревоги и жажды мщения. Они горят сумасшествием. Тепло ее дыхания словно переливается в меня, давая возможность преодолеть боль и поднять руку, чтобы опереться на ее плечо.

– Молодец, давай вставай, – шепчет она, но не помогает, только служит опорой. Едва ступни касаются земли, меня ведет в сторону, но рука обхватывает меня и удерживает в вертикальном положении. – А теперь думай. Где ты находишься? – спрашивает Бланш.

Поворачиваю голову, осматривая окрестности.

– До дома... чуть меньше мили, – хриплю я.

– И что ты должен сделать?

– Дойти. Добраться до дома и обработать раны, иначе умру от переохлаждения и заражения крови, – отвечаю, задыхаясь от приложенных усилий.

– Хорошо, тогда держись за меня, и пойдем. – Бланш позволяет ухватиться за нее.

Я даже не хочу знать, как она здесь появилась, почему

пришла за мной, кто ей сказал. Она помогает, вытаскивая из черной комнаты, чтобы я жил. Враги так не поступают.

Ноги путаются, я падаю, но голос Бланш заставляет снова подняться и идти. Она больше не держит меня. Будто в миллионный раз открывается второе дыхание, и я направляюсь к дому. Он предстает перед глазами мутным пятном, ворота открыты, горит свет. Впереди возможность спастись. Я не погибну, уже удавалось пережить наказание, и сейчас смогу.

Ударяю по двери и упираюсь в нее лбом. Кажется, что уже час я стою под козырьком, мокрый, избитый, с кровотокающими ранами на коже. Когда замок щелкает, падаю вперед.

– Сэр! Боже всемогущий, вы живы. – Меня подхватывают под руки и втаскивают в дом.

– Твоему зрителю не стоит знать, что ты пережил, пусть думает, что это нападение. Ведь так все и представят. Тебя избили, обокрали, бросили на дороге, а нападавших никогда не найдут. Твою машину оставят недалеко от места, где ты лежал. Твой шофер уже мертв, и тебе навяжут другого, он будет докладывать Нейсону о каждом твоём вздохе. Скажи помощнику, чтобы он помог тебе добраться до спальни, – раздаётся шепот Бланш.

– Оставь меня... Наверх, – сипло приказываю я.

– Но, сэр, вы же едва дышите. У вас кровь, так много крови. Лучше...

– Наверх и никому ни слова, – хриплю, хватая Гамильтона за халат.

– Хорошо. – Он помогает мне подняться на ноги и ведет к лестнице.

Я нанял Гамильтона около семи лет назад, как только приобрел дом. Здесь больше никто не работает, и он видел меня в разном состоянии. Сейчас помощник напуган, но меня не бросит. Ему наверняка еще пару суток назад сообщили, что я пропал, а он открыл ворота и сидел ждал, когда вернусь.

Каждый шаг дается с трудом, каждое прикосновение причиняет боль. Пальцы горят от пыток. Меня вводят в темное помещение и включают свет. Бережно усаживают на пол и оставляют. Звук шагов стихает за дверью, и тогда передо мной появляется Бланш. Она опускается на корточки и протягивает руку.

– Душ. Ты переохладился, нужен душ. Алкоголь в твоём случае запрещен. Сейчас ты должен постараться не подхватить пневмонию.

Поднимаюсь, опираясь на руку Бланш, и двигаюсь к цели. Забираюсь в душевую кабинку и включаю теплую воду. Не могу стоять, ноги дрожат, колени разбиты, как и все тело. Падаю на поддон под струями горячей воды, пусть смывает грязь. Волосы слиплись от пота и крови – по голове били часто. Много рубцов, под ногтями запекшаяся кровь и гематомы. Иглы. Чтобы причинить нестерпимую боль, их медленно вводят под ногтевую пластину и прокручивают. Оставляют там, затем воздействуют снова и снова, чтобы жертва выдала тайны и необходимую информацию. Меня не спрашивали,

только наказывали. Били долго, желая услышать крик. Нет, никогда, никакой слабости. Только шипение сквозь зубы. И пусть я был связан – руки отекли и едва двигаются, но я ни за что не покажу противнику, что мне больно. Меня учили держаться до последнего, потом самому найти выход или убить себя, но не разглашать тайны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.